

Владимир Земша

Зденка

военный роман

УЧАСТНИК ФЕСТИВАЛЯ
«КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ - 2018»

Владимир Земша
Зденка. Военный роман

«Издательские решения»

Земша В. В.

Зденка. Военный роман / В. В. Земша — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-743064-1

О романе, вспыхнувшем между словацкой девушкой Зденкой и молодым советским офицером. Они ещё наивны и мечтают о большой любви, о справедливости. Но мир большой политики уже всё давно решил за них. Это одна из историй из военного романа «На переломе эпох» о жизни и службе солдат и офицеров ЦГВ в Чехословакии. События проходят в 80-е годы на фоне глобальной «перестройки» взглядов, нравственности и веры.

ISBN 978-5-44-743064-1

© Земша В. В.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Как упоительно стучат колеса	8
Штаб ЦГВ2	9
Гвардейский гумбинненский полк4	10
Самораспределение	13
Знакомство с девятой ротой	16
Подъём	17
Весёлое армейское воскресенье	19
Чешская контра	21
Обычный воскресный денек	24
Грабово	26
«Обломки шаттла»	29
«Лебединое озеро» перестройки	34
Приказано забыть!	36
«Долина роз»	38
«Забава»	42
Януш	46
Осенний призыв – 87	47
Сомнительное приглашение	51
70-летие Великого Октября в ЧССР	53
Пеньязы	68
День части	69
На «большой дороге»	78
Потребуем пеньязы!	80
Бензиновый прожект	81
Стекляшка	82
Тревога	84
Полевой лагерь	87
Кровная месть	89
Полковые сплетни	92
Афганская тень	94
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Зденка Военный роман

Владимир Валерьевич Земша

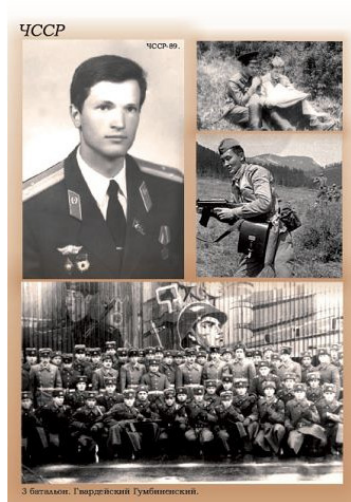
Иллюстратор Владимир Земша

© Владимир Валерьевич Земша, 2018

© Владимир Земша, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4474-3064-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Октябрь 1990 ЧССР г. Ружомберок

Солнце то ярко светило, то пряталось за набегающие облака. Полковой оркестр отыграл здесь, в Чехословакии, в последний раз марш «Прощание славянки». «Новенькие коробочки БТРов – «семидесяток», сопровождаемые тяжёлыми машинами, гружёнными полковым имуществом, колонной двинулись по направлению к железнодорожной станции. Колонны пехоты колыхались волнами следом вдоль тротуара, топая в последний раз сапогами по словацкой мостовой, вздымаясь горбами солдатских вещмешков, набитых сухпаем¹. Редкие гражданские лица с любопытством разглядывали происходящее. Но большинство не придавало большого исторического значения этому действию. К перемещениям советских военных здесь уже успели привыкнуть. Техника снова грузилась на платформы. Стучали кувалды, фиксируя колодками мощные колёса боевой техники. Новенькие «семидесятки» гордо лоснились темно – зеленым глянецом. Пехота грузилась в вагоны. Лишь немногие местные зеваки осознавали до конца, что всё это значит! Лишь немногие могли с облегчением поверить в то, что видят сейчас этих чужих военных людей в последний раз на своей свободной земле.

Не могла поверить в это и Зденка, черноглазая словацкая девушка, одиноко стоявшая под навесом перрона с тяжёлым грузом под сердцем. Она с грустью высматривала среди мельтешивших военных лишь одну фигуру. И в эту минуту она едва ли была в состоянии осознать душой, почему он не ищет её сейчас так же, как она, среди массы других людей, мельтешащих по перрону в поисках своего места под этим не слишком ласковым солнцем! Её глаза были полны слёз, которые мешали ей видеть. Возле одного из вагонов, солдаты весело пихались, выкрикивая что-то на узбекском. Она тщетно высматривала его в толпе, периодически принимая за него других офицеров.

Тучи на небе сгущались. Закапал дождик, загнав всех в вагоны. Говорят, дождик в дорогу, это хорошо! Что ж, кому как, кому как...!

Зденка поджала плечи. На её лицо падали холодные капли.

Скоро двери в вагонов закрылись.

Тучи на небе сгущались, наливаясь свинцом. Дождь усиливался, пузыря лужи. Говорят, дождик в дорогу, – это хорошо! Кому как, кому как! Природа плакала вместе со Зденкой. Слёзы градом катились по её щекам. Её сердце отказывалось всё это понимать. Единственное, что она очень чётко понимала, так это то, что ей больше не суждено было его увидеть. И что маленькое сердечко его дитя, что уже так сильно стучит в ней, никогда не познает любви своего настоящего отца. Это всё, что осталось с ней в память о нём. Это всё, что по праву принадлежит только ей. Это всё, что у неё не отнять. Это единственная любовь, любовь матери, на которую она всё ещё имеет права и которую невозможно ни оспорить, ни осудить. От которой её никто не посмеет освободить. Как неудержимо ей хотелось увидеть его, хотя бы в последний раз! Кинуться к нему. Прижаться к его крепкой груди. Ей казалось, словно она находилась за стеклом, где какой-то параллельный ей мир по «ту» сторону существовал по своим законам, который она видела, но более не могла осязать. Тогда, в тот далёкий день, она не открыла ему дверь! Как теперь она корила себя за это. Как много бы она отдала, чтобы вернуть тот день! Но уже невозможно передумать, вернуть то, что утекло, как вода в песок, как и невозможно повернуть реки вспять! Ничто и никого уже не вернёшь, ни-ког-да!.. Настоящее отделилось от прошлого толстым непреодолимым стеклом – стеной, которую построили между ними государства и силы, преследуемые лишь властолюбивыми алчными целями.

¹ Сухим пайком.

Его призрачная фигура словно растворялась в её слезах, удаляясь вместе с уходящим эшеленом всё дальше. Всё дальше...

Здена бросила последний взгляд уходящему в прошлое. На её открытой ладони серебрился холодный корпус карманных часов со свисающей цепочкой. Она приложила их к уху. «Как они ровно тикают! Тик-тик, тик-тик, тик-тик. Совсем не так, как тревожно „ёкая“, стучит моё сердце!» – подумала она. Положила руку себе на надутый животик, вдруг скорчившись от резкой боли. Боли, то ли духовной, то ли физической.

«Я оставила частицу тебя навсегда с собой», – она повторила про себя сказанную ему ранее фразу, которую он, глупый мальчишка, скорее всего, так и не понял!..

Как упоительно стучат колеса Тремя годами ранее.

Лето 1987 г.

Август. Жара. Вокзал. Два чемодана, набитые формой. Новый офицерский китель кажется, по крайней мере, тулупом. Рубашка, пропитанная потом, липнет к спине, фуражка давит на лоб, сбивается к затылку. Так начинается путь к офицерской службе, новой самостоятельной жизни для сотен новоиспеченных лейтенантов.

Вот и кончилось всё. Всё то, что казалось вечным. Всё, что казалось таким приевшимся, таким осточертевшим. Как хотелось, чтобы это «всё» быстрее прошло. Чтобы прекратились команды «подъём», что бы прекратились построения, что бы забылись самоволки, пляж на «Маяке», курсантские дискотеки, снежные двухметровые сугробы и комариные тучи, ротный и старшина. Чтобы забылись отпуска, те драгоценные курсантские отпуска, которым нет равной цены! Как все хотели уехать, чтобы забыть училище, чтобы забыть «Академ», забыть «Новосиб», аэропорт «Толмачёво». И вот, свершилось! Первый выход в город в долгожданной офицерской форме. Неопикуемый праздник на душе! Казалось, что всё вокруг вращается исключительно вокруг этого невообразимого события!

После мытарств по огромной душной Москве, напоминающей большое людское столпотворение, хаотичное и бессмысленное, двадцатилетний лейтенант, голубоглазый брюнет Владислав Тимофеев, наконец-то забрался в поезд Москва – Миловицы. Вагоны казались тесными. Люди с множеством чемоданов, сумок, коробок, ящиков, иногда с детьми, обливаясь потом, с трудом размещались в купе, иногда заставляя чемоданами и коробками свои собственные полки и даже столики. В основном это были аккуратные подтянутые люди до 40 лет с короткими, по-военному, стрижками. Состав пассажиров вполне внушал доверие.

Поезд протяжно закрипел, несколько раз дёрнулся и платформа медленно поехала мимо вагонных окон.

Как упоительно стучат колёса. Карпаты. В окнах вагона проплывают украинские с соломенными крышами избы. Красиво. Он на этой земле впервые и ему ещё совершенно невдомёк, что здесь далеко не в каждой избе ему были бы так же рады, как он. Но его душу сейчас переполняет какой-то пьяный восторг-трепет, почти волнение. Позади училище, осточертевшие подъёмы и отбои! Впереди, казалось, ярко вспыхнул рассвет совершенно иной, незнакомой, какой-то удивительно интересной жизни. В глазах радужные «пузыри», раскрашивающие весь окружающий мир яркой гаммой красок. В памяти ещё свеж выпускной, никелированная каска, наполненная «ромбиками» и, несмотря на «сухой закон», водкой, из которой отхлёбывали, морщась, друзья – вчерашние курсанты, впервые надевшие долгожданную офицерскую форму. Золото погон слепило глаза, опьяняло разум. Свершилось! Прощайте, друзья. С кем из вас ещё сведёт судьба, а с кем уже не встретиться никогда – кто знает! А поезд несёт вперёд в новую жизнь!..

Штаб ЦГВ²

Август 1987 г. Миловицы

Пройдя через всю Чехословакию, поезд остановился на станции Миловицы, перегруженной военными. Это был его конечный пункт назначения. Здесь базировался штаб Центральной Группы Советских Войск. Лейтенант Тимофеев выгрузился на перрон, любопытно разглядывая всё вокруг. А всё вокруг представляло собой «заморскую диковинку», как бы выразилась его бабушка.

Штаб.

Подполковник, пролистав личное дело очередного новоиспечённого лейтенанта, нахмурился.

– Так, лейтенант Тимофеев. У вас были нарушения воинской дисциплины в училище?

– Никак нет!

– Как, совсем? – удивился подполковник.

– Ну, были небольшие нарушения, не без того, – покосился в сторону Владислав: «Эх, знать бы, что там, в личном деле-то накатали!»

– Интересно, а тут вот у вас написано: «имелись случаи нарушения воинской дисциплины, пререкания с командирами», – наверное, женщин любите, в самоволки бегали, а? В этом состояли эти ваши нарушения дисциплины?

– Да нет! Не в этом дело... э-э-э, – замялся юноша.

– Зна-а-ю, зна-а-ю я в чём тут дело! Ну, да ладно, служите пока, а там мы посмотрим! Отправим вас щас в Иркутско-Пинскую³. Там вас быстро научат Родину любить!..

Итак, теперь позади все штабы: Милавицы, Зволен. Почтовая машина несётся вперёд через горную гряду «Доновалы». Через маленькое окошко в фургоне почти ничего не видно. А впереди – маленький словацкий городок «Ружомберок», где предстоит этому двадцатилетнему лейтенанту продолжить, а точнее, начать офицерскую службу, свою взрослую жизнь, радоваться и грустить, взлетать и падать...

² (Центральная Группа советских Войск в ЧССР)

³ (Гвардейская Иркутско-Пинская 30-я дивизия. Это было одно из самых прославленных соединений наших Вооружённых сил. Дивизия была сформирована во время Гражданской войны из бойцов Южно-Уральской партизанской армии. Летом 1944 года дивизия приняла участие в блестяще проведенной Белорусской операции «Багратион». Действуя в наиболее труднопроходимых лесисто-болотистых районах, ее воины освободили сильно укрепленный город Пинск, за что дивизия и стала именоваться Иркутско – Пинской. В дальнейшем она вела бои в Восточной Пруссии и штурмовала Берлин. Войну завершила под Прагой, сражаясь с частями фашистского фельдмаршала Шернера еще несколько дней после 9 мая 1945 года. После окончания войны дивизию перевели в структуру Белорусского военного округа с местом дислокации – г. Марьино Горка. В 1968 году в Чехословакии пришло к власти антисоветское правительство. Тогда политическое руководство СССР приняло решение о вводе войск на территорию ЧССР. Иркутско – Пинская дивизия вновь была втянута в политику...)

Гвардейский гумбинненский полк⁴

Полк оказался словно вымершим. Серые толстые стены ограждали часть от внешнего мира. Такие же серые казармы стояли одна возле другой. Всё было компактно, никаких лишних пространств. Никаких бесконечных рощ, пустырей, газонов, клумб и дорог, как это было в училище. Вскоре выяснилось, что полк убыл на учения. Два-три дня можно было расслабиться, ознакомиться с местным внешним и внутренним миром.

Владислав устроился в офицерском общежитии в комнате с тараканами, старым развалившимся шкафом, такими же «конченными» тумбочками, тремя армейскими кроватями с панцирными сетками, хозяева двух из которых сейчас были на учениях.

Тёплый августовский вечер манил к себе. В животе предательски урчало. Стрелки часов показывали 20:30. Тимофеев достал из кармана цветные купюры «подъёмных»⁵ чехословацких крон, которые он совсем недавно получил в штабе ЦГВ в Милавицах. Тимофеев, ещё не насладившийся до конца ношей долгожданных лейтенантских погон, натянул хромачи, застегнул китель и быстро вышел в город «при полном параде». Погода стояла на редкость тёплая. Заграница! Мощные улочки. Странные надписи на латинице. Голова двадцатилетнего лейтенанта кружилась от пьянящего восторга. Преисполненный гордости за свою принадлежность к офицерской элите советского общества, он выбрался легкомысленно в город, ничего не подозревая. Не подозревая и того, что любопытно гуляя вечером по словацким улицам, он гуляет по лезвию бритвы...

С присущей ему офицерской выправкой шагал он навстречу своим новым приключениям в наивной надежде удовлетворить лишь свою гастрономическую потребность. Город был практически безлюден, несмотря на тёплый летний вечер. Странно.⁶

Тщетно Тимофеев пытался найти знакомое слово «ресторан», «кафе» и тому подобное. На одной крупной вывеске над деревянными остеклёнными дверцами, откуда только что вывалилась шумная группа словаков, снова значилась странная надпись «RESTAURACIA», какую Тимофееву уже доводилось встречать ранее, но которую он наивно принимал за нечто, связанное с ремонтом и восстановлением. Усмехнувшись над самим собой, вошёл он в сие заведение, приятно наполненное парами свежего пива, копчёного сыра и чем-то ещё, трудно определимым, но вполне приятным. За чистыми столами, накрытыми белоснежными скатертями, оживлённо и громко разговаривали разные люди. Некоторые – семьями. Так это было не похоже ни на традиционный чопорный помпезный советский ресторан с ансамблем и танцами, ни на пивной павильон с рыбной вонью и алкоголиками. «Попивает пиво свежего разлива рядышком зелёная тоска...», – вспомнил он кусок песни Юрия Лозы. Тимофеев пива не любил,

⁴ (Один из полков 30-й гвардейской, дислоцированный в г. Ружомберок.)

⁵ (Авансом выданное дополнительное денежное пособие в размере, примерно, оклада)

⁶ (В Союзе в каждом городе и городке был свой «Бродвей», где чинно прогуливались люди разных возрастных групп и полов: «На людей посмотреть, да и себя показать». Здесь же казалось, что улица нужна только лишь чтобы переместиться по ней с места на место. В Союзе же, в такой летний день многие окна были открыты настежь, вымытые после долгой зимней закупорки. Доносились звуки музыки, иногда разливаясь по всей улице. Словно обладатели своего музыкального чуда, в роли которого выступал либо здоровенный «бабинник», либо проигрыватель с грампластинками, хотели не только продемонстрировать всем факт обладания таковым музыкальным прибором, но и поделиться своей музыкальной радостью со всем миром. Если бы была возможность оглушить божественными звуками запрещённого «Киис» или «Модерн Толкинга», или «Ласкового Мая», или чего ещё всю Вселенную, уверен, многие бы сделали это без малейшего колебания! Здесь же окна домов были закрыты, звуки не доносились, и вообще, создавалось впечатление, что за окнами просто нет ни души. Дома были совершенно пустынно.)

ассоциируя его лишь со словами всё той же песни: «... Опухшие лица, мозги, животы. Под хлопьями пены навеки уснули дела и мечты. Мир повернулся Стеной. Пивной!...»

– Добрый день! – Тимофеев присел за свободный столик.

– Dobrý deň, – заулыбалась женщина в фартуке. – Prosím?

– Поесть бы чего-нибудь.

– Ничего. В девятом этаже на кухне она закрыта.

Удивлённый лейтенант привстал:

– Что?

– Кухня закрывается. В девять часов!

– Не работает кухня что ли? С девяти?! Вот чудеса! А где работает? Есть что-то ещё рядом?

– Nemá. Nikde sa tam. Všetky uzavreté, – она лопотала что-то, что Тимофеев не мог разобрать. Едва улавливая суть. Но всё же улавливая! Славяне как ни как!

– Всё везде закрыто, короче! Так?

– Так.

– А что маете?

– Пейте, сыр, hrumki.

– Хорошо. Давайте пиво, сыр. А что такое «хрумки»?

Женщина лишь пожала плечами и удалилась за пивом.

Поморщившись от горького привкуса пива, Тимофеев решил «прикончить» кружку залпом, чтобы долго не мучиться. Не любил он пиво! Потом принялся за сыр, отматывая и отрывая диковинные куски копчёного сыра от заказанной «сырной катушки». Такой вот местный ужин!

– Kamarad, liečbe slivovica! – Мужчина подошёл к лейтенанту. Поставил рюмку с прозрачной жидкостью перед ним.

– Мы пьем советско-чехословацкой дружбы!

– За приятельство? – улыбнулся Тимофеев. – Ну, давай, за дружбу!

– Сколько вам лет, Kamarad?

– Что? – Тимофеев только морщился, ничего не понимая.

– Давайте как?

Но вскоре, видимо, пивной алкоголь, да на голодный желудок быстро растёкся по его мозгу, и понимание сказанного стало лучше докатываться до его хмелеющего сознания догадками ассоциаций.

– А-а! Лет сколько?! Двадцать роков.

– Двадцать лет лейтенант!?! – Воскликнул удивленно словак.

– Ну да, поручик! Лейтенант, вернее сказать!

– Как молодой лейтенант!

– Не млады, двадцать роков, говорю!

Словак чокнулся о лейтенантскую рюмку, опрокинул содержимое в рот. Тимофеев последовал примеру. В его голове совсем всё зашумело. Тепло разлилось по телу. Хотелось закусить чем-то нормальным, но был только сыр... Словак поднёс ко рту кружку пенного пива, смачно сделал несколько глотков. Что ж, водку без пива... словаки не употребляют! Через пару минут, они уже сидели рядом и весело говорили о чём-то. Хороший переводчик эта сорокоградусная сливовица!

За столиком напротив сидели две девушки и изредка косились на советского офицера. Тимофеев, разгоряченный алкоголем на голодный желудок, улыбнулся девушкам. Черные влажные очи одной посмотрели ему в глаза так, словно коснулись его самой сокровенной души. Как бы он расцеловал сейчас их. Эти милые глаза напротив! А может, это лишь водка гуляет по венам? Он улыбнулся и покраснел. Потом, наконец, набрался смелости и подсел к девуш-

кам, оставив своего словацкого «камарада», сосредоточенно тягущегося с батареей здоровенных пивных кружек, наполненных пенной горьковатой хмельной жидкостью.

– Добрый вечер.

– Хорошо.

– Меня зовут Влад. А вас?

– Кого. Меня али её? – ответила черноокая почти чисто по-русски.

Тимофеев задумался и покраснел. А действительно... Стремясь выйти из конфуза, он ответил:

– А вас обеих!?

Те весело переглянулись, фыркнули и рассмеялись. Тимофеев ретировался. Девушки поднялись и вышли, покосившись на обескураженного лейтенанта. Стремясь ухватить уползающую удачу «за бороду», Тимофеев хлопнул на прощание словака по плечу, положил одну цветную купюру на стол и последовал за девчонками. Словак выкрикнул что-то грубое девушкам вслед, навроде: «Курва.., пича...». Бог весть что! Тимофеев не понимал значения этих странных слов. Словак посмотрел не слишком по-доброму на этот раз на лейтенанта и присосался к очередной кружке пива, которыми он, по обыкновению, закусывал сливовицу.

Молодые люди шли по мощеным улицам. Тимофеев не знал, куда и зачем. Впервые он чувствовал полную неуверенность, вынужденно отдавая бразды лидерства спутницам. Ведь он был в чужой стране. Впервые. Среди чужого уклада, традиций и обычаев. От этого он конфузился и терял уверенность. Словацкие девушки, как и полагается большинству девушек, ожидали рядом надёжного сильного мужского плеча, способного не то, что лихо зажать их юные формы в тёмном подъезде, а умеющего предложить чего-нибудь интересенького их познающим этот чудесный мир, жадным до приключений, натурам. Хотя бы, вроде того, «а не махнуть ли нам на „забаву“⁷ в соседний городишко». Они ожидали рядом парня, который мог лихо подогнать «Шкодовку»⁸ и открыть им новый, доселе невиданный яркий мир, полный развлечений и зрелищ. Но что мог предложить этот зелёный советский мальчишка в зелёной форме лейтенанта да ещё в чужой для него стране, где он чувствовал себя совершенно неуверенно?

– Ako sa voláš? – наконец вымолвила одна из девушек, продолжая начатую в реставрации тему.

– Что?

– Как тебя зовут? – перевела темноокая.

– Влад, а вас?

– Зденка, Ингрида, – ответили девушки по очереди.

Ночь опустилась над городом. Редкие фонари освещали черепичные крыши. Светил тусклый месяц, пробиваясь сквозь какой-то вонючий туман, наполняющий пространство вокруг.

Владислав сморщился, понюхал, словно собака, воздух.

– Это Супра, – Зденка пожала плечами.

– Что это, Супра?

– Фабрика. Virabi папье... бумага.⁹

– А-а-а-а!

– Ну, мы пришли. Тераз дале мы пбйдем сами.

– Мы сможем ещё увидеться?

– Môže byť, – загадочно произнесла Здена и быстро исчезла в темноте, не оставив никаких «зацепок» разгоряченному лейтенанту...

⁷ (Местные танцы до утра)

⁸ (Автомобиль «Skoda»)

⁹ (Целлюлозно-бумажный комбинат)

Самораспределение

Август 1987 Ружомберок.

Штаб полка. Кабинет секретаря парткома части гвардии подполковника Полунина. На стене – стенды «Лучшие коммунисты полка», «Задачи партийной организации на 1987 год», какие-то схемы, таблички, портреты – Ленина и Язова – только что взошедшего на пост министра обороны старика, вместо ушедшего на пенсию другого старика – Соколова, снятого по вине кажущегося безобидным озорника Руста¹⁰, посадившего свой спортивный самолёт на Красной площади.

(Но это была лишь мнимая «безобидность»... Вряд ли такая глупая мысль могла бы прийти в голову этому наивному пилоту без чьей-то подсказки. И вряд ли бы на эту авантюру кто-то решился ранее в условиях напряжённой «холодной войны». Другое дело – сейчас, когда уже начали рушиться старые ценности.)

Итак, полированные столы, мягкие стулья, сейф в углу, цветы. Довольно уютный кабинет. Оперевшись локтями о стол, сидел солидного возраста тридцатитрёхлетний шатен. Лицо его сияло, в голубых глазах бегали какие-то чёртики, и за внешней мягкостью чувствовались железная хватка и непреклонный характер. Про таких можно говорить: «Истинный партиец».

– Выпускник Новосибирского Высшего Военного Политического Общевоинского Училища лейтенант Тимофеев прибыл для дальнейшего прохождения службы в должности заместителя командира роты по политической части, – скороговоркой бодро рапортовал Владислав.

– Ну вот, ещё один «герой нашего времени» явился! Садитесь, товарищ лейтенант, – подполковник кивнул на стул, – Новосибирское, говорите, училище заканчивали?

– Так точно! – гордо произнёс лейтенант и подумал: «Ну, точно сейчас скажет: ваши, дескать, выпускники отличаются умом и сообразительностью», – он это много раз уже слышал и в училище их в этом усиленно убеждали. И всё же приятно услышать это ещё раз!

– Есть тут у нас «ваши»! – парторг сделал паузу. – Что не новосибирец, то оболтус... – хмуро улыбался подполковник, – ну, об этом после.

Влад помрачнел от неожиданности: «Вот те раз! Что это только что было!?».

– Служить вам предстоит в части с богатыми традициями, – продолжал улыбаться подполковник. Далее последовало описание этих традиций и наставления Тимофеева на путь истинной службы.

«Конечно же, я буду служить хорошо, напрасно этот подполковник даёт такие тщательные инструкции», – думал лейтенант с помрачневшим выражением на лице.

– Пить, как Вы знаете, нельзя! Но это вам не Союз – здесь полно «реставраций». Знаете, что это такое?

Тимофеев задумался, вспоминая вчерашний вечер, весёлого словака со сливовицей...

– Товарищ лейтенант, не спите!

– Да, я знаю, что это такое, – встрепенувшись, без тени сомнения ответил Владислав.

¹⁰ (Матйас Руст – немецкий спортсмен-пилот, в возрасте 18 лет совершивший перелёт на лёгком самолете из Гамбурга через Хельсинки в Москву. Советские истребители обнаружили самолёт Руста, но не получили инструкций об уничтожении. Нетронутый советской ПВО, Руст приземлился 28 мая 1987 года на Красной площади. Отец Руста был бизнесменом, продававшим такие самолёты. В СССР Руст был приговорён к четырём годам лишения свободы, однако вскоре был амнистирован. А Горбачёв получил повод для снятия с должностей своих политических противников: министра обороны Сергея Соколова и командующего ПВО Александра Колдунова. Руст вернулся домой мировой знаменитостью.)

– Ну, ну! Уже, выходит, успели познакомиться! Так вот, посещать эти заведения тоже нельзя! Кто попадается, получает партийное взыскание, некоторые – отправляются в Союз, прапорщики – увольняются из Армии и опять же отправляются в Союз самым ближайшим поездом! – подполковник продолжал улыбаться. – Есть здесь у нас один ваш выпускник. До сих пор с парт взысканием ходит...

Владислав мысленно почесал затылок.

– Вы холосты? – подполковник снова поднял глаза.

– Да! – не без гордости прозвучал ответ.

Лейтенант немного приободрился, предполагая, что теперь они, наконец-то, оказались в «позитивной» для лейтенанта зоне беседы. Он гордился своим холостым положением, почему-то считая, что такая же гордость за него должна переполнить и подполковника.

– Та-ак! Хочу отдельно предупредить вас насчёт женщин, – подполковник сладко улыбался, – ведь холостяки – это потенциальные залётчики и я предпочитаю женатых, с ними спокойнее. Учтите, со словачками общаться нельзя. Будете замечены, поедете в Союз, получите партвзыскание,.. ну и вообще, надуют Вас, лейтенант, тогда как зяблика! Ясно?

Тимофеев едва не поперхнулся, вспоминая чёрные глаза Здены и представляя визуально, как его станут «надувать как зяблика»...

Подполковник продолжал ехидно улыбаться:

– Есть здесь пять вольнонаёмных женщин в полку, одна другой «милее», причём чем дольше вы будете здесь служить, тем милее они вам начнут казаться, вот ими и обходитесь, если сможете, конечно. Правда, на них тут и без вас повышенный спрос, как на раков на безрыбье! – Подполковник усмехнулся куда-то в угол своего кабинета. От такого откровения лейтенант покраснел.

– Предупреждаю относительно чужих жён. Есть здесь один ваш выпускник из Новосибирска – старший лейтенант Хашимов, – лицо подполковника нахмурилось, но через минуту улыбка постепенно вернулась на место. – Переведён он к нам на перевоспитание из другой части за то, что крутил роман с женой своего командира роты, – последовала длинная пауза. Не советую Вам с ним дружить, избегайте его.

(Но кто мог знать тогда, что их койки уже стояли рядом!)

– Дружить вам нужно вот с этими...

Далее последовало перечисление всех лиц, с которыми Тимофееву следовало бы дружить. Перечисление закончилось одной фотографией на щите «Лучшие коммунисты полка». С фотографии смотрел крепкого телосложения старший лейтенант с жёсткими усами, слегка кавказским выражением лица, принадлежавшего, как выяснилось позже, человеку совершенно русскому.

– Это командир 9-й роты старший лейтенант Сидоренко, – далее последовало описание славных достижений этой роты, которая «гремела» на всю дивизию как одна из лучших.

Затем последовало перечисление всех подразделений, где отсутствовал замполит роты, в их числе оказалась и та самая знаменитая 9-я рота! «Дай бы бог попасть в неё», – загадал Владислав.

Но теперь ещё предстояло представиться начштаба...

Тимофеев вышел из штаба. Вдохнул воздух, потянулся.

– Чё, Тимофеев, и ты здесь? – услышал он неприятный голос, знакомый ещё с училищных стен. Голос его однокашника двадцатипятилетнего лейтенанта Ивана Кузнецова.

(Который, попавшись в училище на краже денег у своего товарища, получил строжайшую оценку ротной партийной организации, состоящей к концу обучения, в основном, из самих

курсантов. Вследствие чего он так и остался комсомольцем. Последнее не позволило ему занимать должность заместителя командира роты по политической части, и распределялся он на должность командира взвода.)

– Уже представился? – Кузнецов смотрел на него из-под козырька, закинув голову.

– Да, представился, а ты что, тоже сюда попал?

– Попал! Попал – не попал! Не в тире! Хэ! Меня сюда распределили! Ладно, давай! – Кузнецов, также при «параде», довольный собой и своим остроумием, проследовал внутрь штаба...

Плац. Вот он, начштаба части. Майор Карпов. Стоит на плацу, поблёскивая сапогами. Нужно ему представиться, и Владислав быстро зашагал.

– Ты откуда такой красивый? – остановился проходивший мимо невысокий майор в полевой форме, старой зелёной фуражке, с красным морщинистым лицом. – Не к нам случайно?

– В 9-ю роту, – самоназначил себя Тимофеев. В душе потеплело. «Да, я действительно неплохо смотрюсь в парадке цвета морской волны, в глаженных новеньких хромачах, блестя золотом новеньких лейтенантских погон», – думал он.

– А-а-а! Третий батальон! Жа-аль! Ну да ладно, – майор в полевой форме помчался дальше...

Начштаба части тридцатилетний педант гвардии майор Карпов медленно прохаживается, смотрит куда-то, останавливается, лицо недовольно. Он словно и не замечает приближающегося молодого лейтенанта в парадной форме. «Нужно ему бодро представиться, – думает лейтенант, – произведу на него впечатление».

– Товарищ майор! Лейтенант Тимофеев прибыл для дальнейшего прохождения службы в должности заместителя командира роты по политчасти, – он смотрел на майора с собачьим благоговением, ожидая похвалы за выправку.

– Вас что, товарищ лейтенант, не учили прикладывать руку? – недовольно с пренебрежением произнёс тот, – доложите мне, куда должна прикладываться рука?

– К виску!

«Чёрт возьми, что он ко мне прицепился?» – досадовал про себя лейтенант.

– К виску! – ухмыльнулся майор. – Читайте, товарищ лейтенант, Устав. Чему там вас, мордovorотов, только в училище учат!? – майор недовольно сморщился.

– Ладно, в какую роту вас назначили?

– В 9-ю! – сам себя назначил Владислав, мгновенно сориентировавшись в ситуации.

– Хорошая рота. Скоро полк вернётся с учений, будете принимать должность, а пока сходите в казарму, ознакомьтесь с расположением, – хмуро, с пренебрежением произнёс майор.

«Что ж, весёленькое начало!» – подумал Тимофеев, направляясь в желанное расположение 9-й роты, куда он сам себя распределил.

Знакомство с девятой ротой

*Среди людей обыкновенно существуют и лесть, и хамство.
Но там, где нет лести, тотчас хамство доминирует в одиночестве.
Поэтому лучше уж сладкая лесть.
28 Август 1987 Ружомберок.*

Перрон.

И вот, наконец, полк прибыл. Это и радовало, и волновало. Так или иначе, пара безмятежных дней Тимофеевской «адаптации» иссякли.

Железнодорожная станция. Солдаты в грязном «хэбэ» сидят группками на вещевых мешках, курят. Двое произносят резкие слова на узбекском, борются. Один чёрный, как смоль, рассматривает в гранатомётный прицел платформу, на которой копошатся солдаты в чёрных комбезах, выбивая колодки из-под колёс БТРов. Комбат третьего батальона майор Пронин что-то втирает в уши капитану, который подобно проштрафившемуся школяру без конца разводит руками. Другие офицеры в пыльных зелёных фуражках, перепоясанные португееми, кто курит, кто просто стоит и отрешённо наблюдает за всей этой суетой, другие сами суетятся на платформе, машут руками, что-то кричат. Старший лейтенант с усами, в засаленной полевой фуражке с багровым воспалённым лицом вместе с солдатами открывает борта на платформе. И вот первый БТР запустил двигатель, издал сигнал и медленно пополз по доскам платформы. Впереди задом двинулся офицер, вытянув вперёд руки, и зовущими движениями, как мать обычно зовёт к себе годовалого ребёнка, делающего первые шаги, повёл за собой грузную машину...

Наконец, последняя машина коснулась земли и пристроилась к вытянутой колонне. Подполковник Полунин (уже знакомый нам секретарь парткома) в повседневной форме, отличавшийся от всей этой чумазой братии своей лоснящейся чистотой, закончив разговаривать со словаком в синей фуражке, направился к уазику, и возглавляемая им колонна БТРов тронулась. Для сидящей пехоты третьего батальона майора Пронина прозвучала команда:

– Строиться в линию ротных колонн! Здесь впервые лейтенант Тимофеев увидел свою «лучшую» чумазую роту и своего «лучшего» усатого командира роты...

– Наш ротный – самый лучший в полку!

– Нэту нашэму ротному другова, – говорили бойцы о ротном и в глаза, и за глаза. Ротный принимал эти льстивые речи, тихонько ухмыляясь в чёрные усы. Ведь, как известно, среди людей обыкновенно существуют и лесть, и хамство. Но там, где нет лести, тотчас хамство доминирует в одиночестве. Поэтому лучше уж сладкая лесть.

Подъём

Сентябрь 1987 г. Ружомберок.

Офицерская общага.

Новенький будильник с блестящими золотыми колокольчиками сверху словно взорвался жутким грохотом, выталкивая сердце из груди бурными судорожными толчками крови.

- Чёрт! Снова утро!
- Задолбал этот дурдом!
- Это какое-то палево!

Молодые офицеры подскочили, матерясь на чём свет стоит. Очередное хмурое утро было очередным испытанием для каждого, не суля ничего хорошего, кроме ещё одного дикого суматошного дня. Прощай, безмятежное тепло постели!

– Как тебя там, Тимофеев, зовут, напомни, – бросил старший лейтенант Хашимов Альяр, один из соседей по комнате, натягивая трико.

- Влад... В-владислав, – ответил сбивчиво тот, пихая ногу в сапог.
- Форма одежды спортивная. Ты не знал?
- Не-а. А у меня нету.
- А у тебя, Саш, чё, тоже нет? – кинул он третьему обитателю комнаты, такому же, как и Тимофеев молодому лейтенанту Майеру Александру.
- Нет.
- Нихрена у вас, салаги, нет! Ни спальников, ни спортивной формы! Ладно! Мож, на первый раз!..

Молодые офицеры бежали к калитке КПП. Дежурный по контрольно-пропускному пункту уже стоял в готовности, согласно распоряжению командования, повесить замок на железную дверь, закрыв тем самым шанс для безнадежно опоздавших.

Какой-то майор из соседнего батальона смачно растянулся, спотнувшись на пути к «заветному» проёму в сером заборе.

Офицеры прыснули от смеха. Было смешно видеть валяющимся чуть ли не в луже, оставшейся от вчерашнего дождя, старшего офицера. Однако время тикало, и они ускорились, проскочив внутрь с облегчением. Теперь они бежали вместе со сконфуженным, потирающим разбитые колени майором...

Плац. Возле трибуны грозно прохаживается полкач, подполковник Гребенщиков, которого меж собой офицеры прозвали просто «Гребешком». Ему уже лет пять за тридцать, не самый молодой комполка! Важный, по обыкновению, со свитой.

– Что, товарищ майор! Что, товарищи офицеры! Спать любим? Оподание на три минуты! Становитесь в третью шеренгу! – начштаба выстраивал шеренги по мере «поминутного» прибытия опоздавших.

– Тимофеев! Ну, ты и супчик! Ты чё с опозданий-то начинаешь? – Сидоренко зыркнул из счастливой первой шеренги прибывших вовремя.

– Шо, товарищи офицеры! Не все умеют ещё просыпаться вовремя?! Спать любим!? Или по ночам где-то шляетесь? Ну, ничего! Будем тренироваться!.. Дежурный!.. Переписать опоздавших! – распорядился искривлённой гримасой рта командир полка.

– Где ваша спортивная форма, товарищи офицеры? – начштаба сухим взглядом прошил Майера с Тимофеевым.

- Виноваты, исправимся!
- Испра-авитесь! Куда вы денетесь! Чтобы завтра же были в спортивной форме!

– Ответственные по подразделениям, на подъём! – прозвучала команда дежурного.

– Тимофеев! Давай, иди, подымай роту! – ротный, капитан Сидоренко, хлопнул Владимира по спине.

– Майер, раз ты без спортивки, давай, поднимай роту! – кинул Хашимов, в свою очередь, и побежал вместе с другими офицерами на зарядку на спортивный городок под чутким приглядом полкового командования...

Поздний вечер. Офицерская общага.

– Ну, сегодня и дурдом выдался! – Майер и Хашимов вошли в комнату, где уже лежал на кровати Тимофеев.

– А что, знакомство состоялось! У меня есть из Союза пара бутылок «Пшеничной», так что можем «замочить» такое дело, а? – Тимофеев полез в чемодан. Хашимов и Майер, уже днями раньше успевший получить «боевое крещение», утвердительно закивали.

– «Пара» – это сколько? – съязвил Хашимов.

– «Пара» – это две!

– Одной пока вполне хватит!

Вскоре на сдвинутых табуретках появилась какая-никакая скудная закуска. Офицеры стукнулись стаканами с прозрачной жидкостью без цвета, вкуса и запаха.

– Ну, поехали, за знакомство!..

Весёлое армейское воскресенье

30 Августа, 1987 Ружомберок.

Продолжался обычный армейский выходной день. Выходить, собственно, было некуда и увольнительных здесь, за границей, не существовало. Бойцы, озадаченные «по уши», вяло суетились, в меру своей испорченности выполняя кажущиеся им «тупые» задачи в духе классического армейского «дурдома». Тимофеев отправился в полковой клуб. Его, «дикорастущего» офицера, переполняли новаторские идеи, и он желал наполнить серые армейские будни бойцов хоть каким-то разнообразием для поднятия их морально-боевого духа. Что было в его «зелёном» черепке в этот раз, нам точно неизвестно. Но едва приблизившись к серой коробке полкового Клуба, Тимофеев услышал громкую брань и выкрики на разных языках. Большая группа черноголовых солдат плотным кольцом окружала двоих, жестоко бьющихся друг с другом.

– Разойдись! – Тимофеев, не сомневаясь ни минуты, ринулся в кольцо, растаскивая бойцов.

Бойцы слегка встрепенулись, увидев молодого офицера, немного ретировались. Однако чувство толпы, уверенность в безнаказанности через обезличение взяло верх, и драка разгорелась с новой силой.

– Тава-рыш лейтенант, нэ мешайте.

– Это наши дэла.

– Нэ вмешивайтесь, а то и вам достанётся! – услышал он обезличенные выкрики в свой адрес. Плотное солдатское кольцо не позволяло ему прорваться внутрь.

– Что-о-о!? Кто это сказал! Кто тут рот посмел открыть!?! – он орал не своим голосом, пока не охрип. Тогда он вытянул одного бойца, понимая, что только «конкретизируя» жертву, можно вселить хоть какой-то трепет и разум в массы.

– Солдат! Фамилия? Рота?

Боец мямлил нечто невразумительное, пытаясь вырваться. Однако спустя несколько минут земляки буквально вырвали бойца из железной лейтенантской хватки. Вскоре все солдаты быстренько рассосались. Тимофеев, тяжёло дыша, стоял, придерживаясь за тонкий ствол дерева. Крупные свежие капли солдатской крови на земле бурыми пятнами свидетельствовали о только что происшедшей здесь битве, которая всё же могла быть и более ожесточённой, не появившись здесь лейтенант. Тимофеев увидел брызги чужой крови и на своём кителе и на руках...

День закатывался за холмы, покрытые соснами, весело отражаясь в окнах словацких, словно сказочных, домиков. В полку, окружённом серыми мрачными стенами, словно в странной зазеркалье, солдаты угрюмо строились на вечернюю полковую проверку.

– Товарищи офицеры! – замполит полка майор Чернышев свирепо окинул взглядом «свысока» сквозь тёмные круги очков-«хамелеонов» выстроившихся возле трибуны в две шеренги офицеров полка. – Сегодня было побоище узбекской и азербайджанской группировок, понимаете ли! – он поднял вверх палец, многозначительно потряс им.

– Почему не было никакой информации? Чем вы, бездельники, занимаетесь? – в унисон добавил командир полка, катая желваками. Он рванул за португею Хашимова.

– Вы, старший лейтенант, со своей седьмой ротой и со своим капитаном сеете бардак в полку! Бездельники!

– Никак нет, товарищ подполковник, мы не бездельники! – дерзко возразил тот.

Лицо подполковника побагровело. Его рот перекосялся. Тонкие фиолетовые от злости губы двигались медленно, обнажая ряд неровных, прокуренных зубов. Казалось, он сейчас съест со всем непотребным этого старлея... Но, наконец, он восстановил самообладание.

– Где ваш капитан!? Доставьте ко мне этого негодяя!

– Есть, товарищ подполковник!

– Всем эту неделю на казарменное положение! Ни один не покинет стены полка! Пока не будут у меня зачинщики этого побоища! А на вас, старший лейтенант, я ещё посмотрю-ю-ю..., – он повернулся в сторону Хашимова. – Да! И после прохождения, командиры и замполиты батальонов и рот в штаб, на совещание! – кинул он в завершение фразу, обещавшую долгую бессонную ночь!

Полк с маршем под оркестр лениво отдолбил сапогами и без того потрескавшийся асфальт плаца и рассосался по казармам...

Чешская контра

Сентябрь 1987 г. Ружомберок.

Офицерская общага.

– Что, Майер, уже кайфуешь?

– Кайф.

– А ты чё-то рановато кайфуешь. На отбой что, не пойдёшь?

– А идём лучше на пиво! Гражданка¹¹ то есть? – ответил вопросом на вопрос Альяр, проигнорировав обращение младшего по возрасту, званию и должности. – Буду знакомить вас с местными достопримечательностями. В городе-то уже были?

– Да, я тут в первый день уже поймал себе приключений на голову по полной!

Тем не менее, Тимофеев, недолго раздумывая, полез в скрипучий шкаф искать «гражданку» для поиска новых запретных приключений. Тут неожиданно на пол выскочило из дверной петли тараканье семейство...

– Гадость какая!

– Бей гадов! – все жители комнаты как сумасшедшие подскочились давить тошнотворно-омерзительных несчастных насекомых в панике спасающихся бегством, от которых лейтенантам не было никакого спасу. Они водились в изобилии везде, и ничто на них не действовало. Вместо одних быстро заселялись новые и даже с ещё большим энтузиазмом! Страха за своё будущее у них не было никакого, да и совесть у них почему-то также отсутствовала.... Лишь неудержимая страсть к репродукции в арифметической прогрессии и, как следствие, бесконечные сокровенные тараканьи «чемоданы» с новым и новым пополнением!

На улицах города.

Товарищи топали по улице, наполненной вечерним теплом и свежестью. Дорога шла мимо красивых аккуратных домиков с черепичными крышами. И всё, всё в цветах! Такого в Союзе юные офицеры никогда не видели.

– Как здесь хорошо! Вот иду я по городу и фигею от красоты вокруг. И знаете что, мужики?! Влюбился я! – Майер посмотрел на товарищей с нотками грустного восхищения.

– В кого?

– В страну эту! Это как любовь с первого взгляда, – его грусть была вызвана, скорее, осознанием того, что «хороша Маша, да не наша!»

– Да, здесь красива. Магазины, шмотки, – Хашимов в подтверждение ткнул пальцем в свою модную куртку.

– Да не в вещах дело. Нет такой как у нас жестокости что ли, суеты, вечной погони за дефицитными вещами. Эти тихие маленькие домики среди елей мне нравятся больше, чем шашлычно-кооперативная гарь нашего Медео, где одна обдираловка и суета! Везде очереди и бардак. Здесь какие-то человеческие отношения между людьми. И никто ни к кому не цепляется.

– Просто словаки – соплежуи. У них даже бабу из-под носа уводят, а они не могут по морде дать. Нуют, как плаксы, да и только! На их «забавах»¹² даже драк нет! Потому что ссыкли они! Тихони!

¹¹ (Гражданская одежда)

¹² (Забава – это словацкое подобие дискотеки до «утренних петухов».)

– Это мне и нравится, что нет у них лишней агрессивности, согласен я с Сашкой, – встал Тимофеев, всё время до этого молчавший.

– Хм, – Хашимов лишь усмехнулся, – мож, вы и правы, у таких сопляков баб уводить можно без последствий! Ха! И мне это тоже начинает нравится! Ха! Ха! Ха!

– Ну, ты! Вывернешь все вечно, всё о бабах беспокоишься!

– А я и не беспокоюсь совсем! Мужики здесь нэ мужики, чё беспокоиться-то тогда?! Ничего, вот куплю тачку, тогда посмотрим! Все бабы будут наши! Точно вам гаварю!

– Тачку-у-у? А сколько она тут стоит?

– Ну, смотря что. Я хочу какую-нибудь не очень древнюю «Волжану». Тысяч дэсят крон, я думаю.

– Ну, тут уж зарплаты не хватит, до замены копить будешь! Или «прощай пиво»!

Альяр посмотрел на Майера из-под очков.

– Хочешь жить – умей крутиться! Слышал когда-нибудь? Кто тут на голую зарплату машины покупал?

– Как крутиться-то?

Хашимов достал пачку «Мальборо».

– Запалки маете? – обратился он к товарищам.

– Чё-ё?

– Спички есть? – пояснил он, усмехаясь. – Никогда местным не говорите «спички», говорите только так: «запалки».

– «Запалки!» Это на словацком так чудно!

– Точно. А за «спички», можно и на грубость нарваться!

– Чего так?

– Это созвучно их грубому местному ругательству!

– А-а-а!

– Ну, да ладно, «к нашим баранам»... собираюс я оформить сюда вызов родне. Для «вызванных» рубли мэняют в Союзе на бумажки, а здэс – бумажки на кроны. Количество бумажек завысит от количества оформленных при выезде месяцев. Рублики – то в Союзе на книжке уже накопились! Есть что менять! У вас вот также через годик-другой на сберкнижках в Союзе «рублёвая» часть оклада соберётся приличная, так что в будущем отпуске всё не пропивайте на радостях! А ещё можно из Союза телек там прытачить или фотики, загнать словакам. Да и ещё есть варианты... – Альяр загадочно замолчал, продолжая смотреть на юных товарищей из-под очков, набивая ценность своему опыту.

– Короче, когда куплю тачку, хочу съездить в «Низкие Татры». Словаки вон, как выходной, так в машину, а она здэс почти у каждого, и на отдых. По скалам лазят, в отелях пиво тянут. Отстроили сэбе дома-усадьбы, с гаражами, дачи, какие нам и во сне не привиделись.

– Кстати, я заметил, что их участки свободны от грядок, одни террасы, клумбы, скамейки, всё просто охренеть! У нас бы всё до забора запахали бы под грядки, в нас в городе в центре сейчас даже городские клумбы у домов в грядки превращают порой, – сетовал Майер.

– И здесь я никогда не видел очередей!

– Откуда очереди-то? Смотрите, все спят давно, чудики! А кто нэ спит, тот пиво пьёт по кабакам. Правда, и встают рано, в патруле стоишь на вокзале, глядишь, полшестого утра, вдруг толпа набэжит, все куда-то едут, а через полчаса уже всё пусто. А потом после четырёх часов снова – аврал, толпы, только уже с работы! Пробежали, как наши тараканы по магазинам, а в шесть – снова тышина.

– Организованные, черти! Дисциплина! Вот бы наши в Союзе так!

– Андропов, тот хотел навести порядок!

– Помню, я как-то в отпуске попал в облаву в кинотеатре. Каждого проверяли, кто, что, откуда, почему не на работе! Во, палево было!..

– Окупанты сакра, говадо! – два прохожих мимо словака вдруг выругались в их адрес.
– Во, чёрт! Что это было? – Тимофеев опешил.
– Да это контрики нэдобитые с шестьдесят восьмого! – пояснил Хашимов и бросил вслед уходившим, злобно озиравшимся людям. – Пошли до пичи! Курвы!
– Получить погоу! – Ответчика.
– Я те щас «дрыгну», контра, ногой промэж глаз! – Хашимов свирепел.
– Тише ты, не реагируй на провокации, ну их! – Майер хлопнул по плечу разъяренного Хашимова, чья «горячая кровь» начала уже бить фонтаном ярости.
– Ну их в «спички»! В гробу я их выдел! – Хашимов зло выругался, – и такие здесь, хоть и рэдко, но встречаются. Нэдобитки! Контра чёртова!

Офицеры брели молча по словацкой улице, каждый по-своему переваривая всё случившееся и услышанное. Настроение было подгажено...

(Вот так. Так и плодится зло, пуская корни в века. Так люди, мстя за что— то сугубо своё личное, мхом поросшее, возвращают себе или своим потомкам бумерангом посеянные зёрна ненависти. Что ж, это закон «сохранения энергии», в том числе и такой вот, негативной! Может, и не прав был наш профессор, преподававший атеизм, утверждая, что христианское «непротивление злу насилием» противоречит здравому смыслу и компрометирует великую миссию Советской Армии – защиту своего Отечества от внешней агрессии иным, а именно насильственным способом! Вот именно, от внешней агрессии! Откуда же здесь эта ненависть к нам от людей, защищать которых мы собственно и призваны?! Ответа не было. Кто был заинтересован нас разделять? Сеять зёрна вражды? Может, тот, кто хотел нас ослабить? Пока мы недолюбливали друг друга изнутри, нас ненавидели и готовили «культурное» и физическое истребление снаружи.

Но всё же хорошо в стране Советской жить!.. Особенно здесь, в Чехословакии, где трудящиеся имеют практически всё, что можно пожелать. Но при том и трудятся спозарани. Да балду не пинают. Оттого, видно, и живут совершенно иначе. Да, есть здесь чему поучиться! Никак коммунизм они здесь вперёд построят! Да! Настала пора перемен! Настала пора нового социализма. На основе «плюрализма мнений», «творчества масс» и «инициативы снизу»!..)

Обычный воскресный денек

Сентябрь 1987 г. Ружомберок.

Участок.

Утро. Воскресенье. «Воскресенье для солдата, что для лошади свадьба», – гласит известная солдатская присказка. Весь личный состав полка, включая и офицерский был выстроен, в воскресный день, по обыкновению, на плацу. Полк, уже употребивший «воскресную пайку» на завтрак, построен чуть позже обычного. Офицеры ротного звена оглядываются строго на своих солдат, некоторые приводят «в чувство» «распоясавшихся», покрикивают. Командир полка важно прогуливается возле штаба, кидает суровые косяки по сторонам. Суетятся офицеры управления. Это называется «армейский выходной»... Наконец раздалась команда.

– По-о-olk! Станови-и-ись! – протяжно завыл на весь плац начштаба, педантичный майор Карпов.

Полк застыл «смирно». Полкач по-царски, вразвалочку медленно приближается к трибуне, а навстречу ему уже летит маршем, долбя асфальт, начальник штаба, несет ему свою майорскую «честь», как бы придерживаемую ладонью у правого виска.

– Во-ольно! – полкач небрежно махнул рукой у козырька фуражки.

– Во-ольно! – зычно вторил ему майор Карпов, развернувшись лицом к полку.

Его рука лихо выписала в воздухе кривую от виска к ноге.

Вскоре офицеры отделились от солдатской массы и выстроились шеренгами возле трибуны. Полкач раздавал «ЦУ»¹³. Некоторые задачи, казалось, и за неделю не исполнить, однако многие сроки, как и полагается в армии, были назначены к утру следующего дня, т.е. к понедельнику! После прохождения маршем мимо трибуны с принимающим «воскресный парад» командиром полка со свитой выслуживающихся перед ним офицеров управления, подразделения разошлись по казармам.

Девятая рота.

– Комиссар! – Сидоренко прищурился в сторону Тимофеева. – Давай, строй роту в расположении! Работёнки сегодня хватит! – он бухнул на стол длиннющий список задач, как полученных от полкача и комбата, так и, ещё больше, своих собственных: Переоборудовать курилку на улице, побелить бордюры и деревья вокруг казармы, обновить наглядную агитацию последними новостями от Партии, Правительства и Минобороны, покрасить щит «Край, в котором ты служишь», проверить матбазу для занятий по боевой подготовке, ротные журналы, провести смотр вещмешков, маркировку сбури, проверить содержание тумбочек на предмет отсутствия «посторонних» предметов и наличия «рыльно-мыльных» принадлежностей, и т. д. и т.п..

Но сперва всё же необходимо было ещё провести воскресное спортивное состязание по бегу, а в завершение этого славного выходного, пряник – посещение полкового клуба, где должны были прокрутить какой-то старый фильм. Но содержание фильма в армии – это дело второстепенное. Главное – возможность на час уйти в иной мир, словно перенестись из этой опостылевшей армейской действительности!

– Давай, комиссар! Контролируй всё!

Но, не забывай, как там кто-то из классиков сказал, «подчинённые делаются небрежными, если их приучать к мелочной опеке, нужно давать им больше разумной свободы для инициативы!» Ладно. Будут проблемы – вызывай!

¹³ (Ценные указания и задачи).

– Товарищ капитан, по-моему, очень большой перегруз. Я обещал бойцам сегодня немного свободного времени дать. Они просто отдохнуть хотят. Некоторым обещал в город сводить. Выходной всё же! Тут уж не до инициатив...

– Тимофеев! Ты смотрел мультик про крокодила Гену? – ротный, улыбнувшись, наполнил канцелярию своим густым баритоном.

– Ну да, – обескуражено ответил лейтенант.

– Помнишь, что там пела старуха Шапокляк? – он положил руку ему на плечо.

– Ну, так, а что? К чему это?

– А то, что «кто людям помогает, тот тратит время зря! Хорошими делами прославиться нельзя!» Ты меньше об этом думай. Про их отдых там и тому подобное. Солдат должен быть загружен по самое «не могу». И всё свободное время, какое ему дашь, он использует себе, да и тебе же, лейтенант, на вред! Запомни, «куда солдата не целуй, у него везде задница!» Чем больше солдата загружать работой, тем больше он будет тебя уважать и меньше у него будет времени на неуставуху! Посмотришь ещё! Помянёшь мои слова!

Тимофеев молчал, полный несогласия с утверждениями капитана.

– Тимофеев, ну подумай, если освободить людей от труда, то что они станут делать?

– Думаю, люди смогут заниматься творчеством. Я вообще читал где-то, что в будущем работать не нужно будет, что изобретут какой-то аппарат, который позволит создавать что угодно при наличии сырья и информационной «матрицы». Люди смогут развлекаться, заниматься искусством, учиться.

– Это не при коммунизме ли, комиссар? – капитан рассмеялся. – Искусство, наука, творчество! Это всё не для каждого! Тот, кто рождён крутить гайку, не станет философом. Забери у него каторжную работу, которую он, в общем-то, ненавидит, и он превратится в бездельника. А безделье, комиссар, это страшная вещь! Тем более, здесь, в армии. Запомни, солдат – это такой субчик, что каждую минуту своего безделья он потратит на то, что бы придумать какую-то гадость. Самоволка, водка, неуставуха, кража и т. п.

Тимофеев почесал репу:

– Я вас понял, товарищ старший лейтенант!

– Ну, так вот и молодец! Давай, занимайся подразделением!

И Тимофеев занялся...

(Служба с первых дней показалась Тимофееву чрезвычайно интересной. Энергия его переполняла. Хотя ему было нелегко, некоторые солдаты были даже старше его, двадцатилетнего, на год—два. В своей работе он, очевидно, отчасти копировал своих училищных офицеров. Пытался всё взять наскоком, практически не проявляя гибкости. Требовал соблюдения формы одежды каждым. Считал, что любой его приказ должен быть исполнен беспрекословно, точно и в срок любым бойцом: и «старым», и «молодым», и узбеком, и русским. Молодой, ещё не «обстрелянный» офицер, видел перед собой только одну абсолютно объективную истину, отражающую образ, суть и правила настоящего советского военнослужащего, не зная ни ограничений, ни исключений. Словом, поступал так, как привык к тому в училище. Любил новшества. Усатый ротный поддерживал его в последнем и слегка раздражился, когда текущая «воспитательная работа» молодого «дикорастущего» офицера срывала его собственные планы по организации и проведению мероприятий по боевой и политической подготовке. Короче, очень скоро лейтенант Тимофеев был признан не только хорошим замполитом лучшей роты в полку, но и вообще лучшим среди замполитов рот полка.)

Грабово

Сентябрь 1987 г. Ружомберок.

День за днём сторали в суете, а по вечерам, если везло придти в общагу пораньше – около девяти вечера, было слишком грустно сидеть при тусклом унылом свете в общежитской комнате. Тогда, нарыв в карманах несколько десятков крон, молодые офицеры обычно отправлялись всё в те запрещённые сухим законом «злачные места». Так было и в тот день...

Владислав, Александр и Альяр шли, подгоняемые лёгким накрапыванием дождя, сменяя время от времени шаг на бег.

Альяр, на правах старшего товарища, знакомил зелёных летёх с местными «злачными местами». Под ногами влажно блестели камни мостовой, уличные фонари тускло освещали черепичные крыши словацких домиков. Впереди, в четырёх километрах от города – тихий интеротель «Грабово». Маленький отель – ресторан у подножия небольшого горнолыжного курорта, утопающий среди соснового леса. Среди сказочных сосен, подступивших к нему со всех сторон, он кажется притягательным островком цивилизации, утопающим среди соснового леса. Среди сказочных сосен, подступивших к нему со всех сторон.

Стеклянные двери ресторана Грабово, небольшой холл, крутые ступеньки вниз, в бар. Специфический запах. Ритмические пьянящие звуки невиданных ранее видеоклипов. Мягкие кресла. Глухие шторы. Здесь не ярко, но всё со вкусом, цивилизованно, по-европейски. И голова слегка кружится. Сюда иногда прибывали туристические автобусы с советскими туристами. Советских туристов, как водится, гиды всегда держали в «ежовых рукавицах». Шаг влево, шаг вправо – расстрел на месте!

– Не забывайте, товарищи, вы находитесь в и-интероте-еле! За границей Советского Союза! Ни с кем не общаться. Никуда самостоятельно не ходить! – Все сопровождающие групп сами прошли уже не раз инструктаж со стороны «компетентных органов» и видели во всех вокруг потенциальных шпионов. Даже на шляющихся здесь «по гражданам» советских офицеров смотрели они подозрительно. Что ж, наверное, не без оснований на то! Кто знает! Стали бы без причины «органы» так беспокоиться на сей счёт! Не бывает же «дыма то без огня»...!

– Привет, девчонки! Вы откуда? – радостно воскликнул лейтенант в модной джинсовой куртке, в сторону выходящих из автобуса туристок.

Как было приятно слышать родную речь! Лицезреть этих милых девушек, говорящих на родном языке!

– Ой! Вы по-русски говорите?! – удивлённо и радостно воскликнули те в ответ.

(Кто тогда только мог бы предположить, что пройдёт немного времени, и люди будут радоваться тому, что вокруг них нет русской речи!)

– Конечно!

– Мы же советские офицеры!

– Служим здесь! – радостно и бойко ответили ребята.

– Да-а-а? Ой, как интересно-о! – девушки обступили модных красивых парней, называющих себя офицерами.

– Как романтично! Такие красавцы, рослые, крепкие, модные. Да ещё и офицеры! Боже! Это фантастика какая-то! – девчонки поплыли как шоколад на солнце...

– Можем показать вам город!

– Всё, что хотите!

– Мы – почти местные аборигены уже! – хорохорились лейтенанты.

– Правда?

– Вот здорово!..

– Это что ещё такое?! – неожиданно нарисовалась старшая автобуса, она же гид, – что это вы, девочки, себе позволяете?! Вы забыли, наверное, где вы сейчас находитесь?! Это – и-и-интер-отэ-э-эль!!! – последнее было сказано таким тоном, словно это было что-то, например, «это супер секретная база!»

– Я категорически запрещаю вам покидать ваши гостиничные номера, и с кем бы то ни было общаться! А кто нарушит правила поведения за границей, пеняйте на себя! – она пробуравила девчонок пристальным взглядом из-под очков, потом перевела его в сторону парней, как на досадную плесень на хлебе, поправила оправу на переносице и удалилась.

Девчонки потухли, замолкли и быстренько рассосались, опустив головы и не смотря в глаза недоумённым «защитникам Отечества».

(Отель находился на достойном, для пешехода, расстоянии от города. Поэтому попавшие сюда туристы чувствовали себя как на «подводной лодке»: деваться-то было некуда. Но, как правило, советские туристы были на редкость неприветливы и они активно гуляли по хвойным аллеям, собирали шишки и были абсолютно счастливы! Советская традиция вечерних прогулок по местным «Бродвеям» – на людей посмотреть и себя показать – работала и здесь. Сразу можно было определить советских людей, т.к. местные использовали улицу исключительно для перемещения с одного пункта в другой. Да и то, чаще на своих «Шкодовках» или советских «Жигулях», которые в экспортном исполнении уже заполнили страны «Варшавского Договора», но сейчас начинали свой обратный путь на Родину благодаря, скупаящим этот дефицитный в Союзе, порой почти «антикварный» металлолом, советским офицерам. Которые потом, как истинно «крутые парни», бороздили на нём просторы СССР от СТО к СТО.¹⁴)

– Я так и знал, так и знал, что придёт очкастое палево и всё накроется медным тазом! – воскликнул, сокрушаясь Тимофеев.

– Ты это про гида?

– Про неё!

– Мымра пучеглазая! Во, туловище! – досадовал ему в унисон Хашимов. – Это и-интер-отэ-э-эль! Во закрутила! Облико морале, тоже мне!

– А давай забьем на неё, да заберёмся к девчонкам в окно! Как в училище делали! К девчонкам в общагу не приходилось лазить? А? – Альяр хлопнул по плечу расстроенного в конец товарища.

– Да, не! Щас самое время вытягивать колонну на хауз. Я знаю, чем это кончится! – отпрянул Тимофеев, словно его обдали холодной водой.

– Чем?

– Полным палевом! Вот тогда нам и придёт полный пипец! Вот явится сейчас кто-нибудь из штаба и сдадут нас ему, а тот порвёт нас дневальным на тряпочки. Будет нам «япона мать»!

– Да, ну! Чё, побаиваешься, что ли? – Хашимов хлопнул младшего товарища по плечу.

– Не побаиваюсь я! Знаю!

– Я в любом случае не пойду, что-то нет вдохновения на новые подвиги, – Майер так же не питал энтузиазма...

– Ты чё, Майер, товарищей вздумал бросить в трудную минуту!? – Хашимов посмотрел из-под «хамелеонов». – Да бросьте вы! Идём! – Хашимов, очевидно, сам загорелся своей

¹⁴ (Станции Технического Обслуживания.)

идеи и не собирался быстро ретироваться. Но их «светскую беседу» прервал автомобильный гул. По извилистой дороге, обступленной с одной стороны лесом, с другой кустарником, вверх к отелю летел зелёный штабной УАЗик.

– О, ёшкин кот!

– Мать мая жэншына!

– Япона мать! Делаем ноги! – лейтенанты, чертыхаясь, ломанулись в кустарник, едва прикрывая себя от бьющих по лицу упрямых прутьев, которые словно были на стороне этой очкастой сопровождающей группы. УАЗик остановился. Из него выпрыгнул подполковник Полуни.

Майер уставился на Тимофеева:

– Ёшкин кот! А предчувствие тебя на подвело! А? Во бы он щас вдул бы нам, как зябликам!

Тимофеев лишь молча наблюдал за тем, как парторг поправил португую и скрылся внутри заведения.

– Мать моя жэнщина!.. Как ты догадался? – Альяр пихнул Тимофеева локтем.

– Да бог его знает! Так. Чуйка была.

– Да ладно! Какая такая «чуйка»?

– Соснил... Так годится?

– Со... что? – съехидничал Хашимов.

– Со что-о-о! – передразнил друга Тимофеев. – Соснил! А не то, что ты подумал! – все трое прыснули от смеха. – Сон дурной приснился намедни.

– Сны у тебя Тимофеев, какие-то...! Мне такое нэ снится. Ночью Полунина снить... вместо бабы какой...!

Все снова прыснули от смеха.

– Мне часто бред неопишувый снится, особенно после случая одного, в училище ещё, на танкодроме... Небылицы какие-то. Чаше забываю потом, о чём. Вроде, первые минуты, как проснёшься, ещё нечто помнишь, а потом сон – как песок сквозь пальцы утекает. И ни черта не остаётся. Другой раз помню, что что-то прикольное снилось. А чёрта с два перескажешь. А бывает, что и что-то дельное приснится, из реальной жизни. Типа вот про это. Пока эта мымра в очках не появилась, я думал, что опять ерунду соснил. Но как она девок застрашала, да ты лезть в окно предложил, я сразу понял, что этот сценарий я где-то уже видел и пахнет жареным!

– Ну, ты блин, кудесник какой-то! – Майер был удивлён, – а что случилось-то на полигоне том?

– Да я и сам толком не пойму, что это было... Короче, дело было так...

Тут Тимофеев мыслями улетел в то далёкое курсантское прошлое, когда всё это и началось....

«Обломки шаттла»

25 февраля 1986 г. в Москве открылся XXVII съезд КПСС.

Он утвердил новую редакцию Программы КПСС и «Основные направления экономического и социального развития СССР на 1986—90 годы и на период до 2000 года» (курс на строительство коммунизма) и Устав партии.

Двумя годами ранее Новосибирское ВВПОУ

Февраль 1985 г.

Училищный танкодром. БМП пытели, проворачивая траки в снежных сибирских сугробах. Минус 42 градуса по Цельсию. Сибирская зима запасла много снега на своих бескрайних просторах! Впереди как катер прокладывал трассу танк, поднимая облако снежной пыли. Влад переключился на пониженную передачу и поддал оборотов, трасса шла в гору. Нос БМП задрался вверх настолько, что в щели триплекса возможно было разглядеть только небо. Ещё мгновение, ещё и всё, высота взята. Нос БМП резко упал вниз. В то же самое мгновение Владислав увидел толстенный ствол берёзы перед собой. В рубцах, с лохмотьями висящей коры. Штурвал влево... Зашкалено Тимофеев со всей силы даванул «главный фрикцион»¹⁵ ..., тормоз... Поздно! Бронированный нос БМП врезался в могучее дерево. Раздался глухой звон в ушах. По инерции, шлемофон, в котором была, между прочим, его голова, врезался в металлический короб триплекса.

«Удачно врезался! (Слегка рассёк бровь, набил шишку и только.) Могло быть и хуже!» – подумал курсант.

– Твою мать! – Раздался мат инструктора. Он, явно не разделяя оптимизма Влада, морщился, держа двумя руками голову...

Если бы он сидел сверху, как обычно, он непременно бы попытался заехать пару раз валенком по шлемофону (т.е. голове) ученика, если бы сам не слетел, конечно. Но из командирского отделения сзади, он только матерился. Машина заглохла. Да ещё и застряла в сугробе. Вытаскивать пришлось танком. Впрочем, танк то и делал, что вытаскивал застревающие, а точнее тонущие в глубоком февральском снегу Боевые Машины Пехоты!

Курсанты, отведив своё, отморожено пристукивали валенками под вышкой.

– Да уж, явно не для Сибири создана эта техника! А если сюда сунет нос там «Бундесвер» или «Янки». Могила! Вот он где главный рубеж обороны Родины! Кхе, кхе, кхе...! – вытирая шубенкой воспалённый красный нос, произнёс замкомвзвода, посмеиваясь вытянутой вперёд челюстью...

Взвод грелся возле электрического тена в единственном теплом помещении танкодрома. Одни, отогревшись, веселились, других жестоко рубила «фаза» сна.

Курсант задумался, достал из кармана фото. Фото милой девушки. Он провёл пальцем по её милому личику.

«Сонечка!» – Тимофеев произнёс про себя. Казалось, что даже само её имя согрело его промёрзшее тело. В последнем своём летнем отпуске в родном Хабаровске он вызвался проводить её домой после встречи выпускников. Перед глазами словно ожила картинка прошлого:

1985 г.

¹⁵ (Сцепление)

Хабаровск.

– А пошли на Амур! – неожиданно вдруг предложил он....

Тогда они шли по летнему городу. Было жарко и влажно. Так часто бывает летом в Хабаровске. Недавно прошли жуткие ливни, затопившие низины, такие как «Амурский бульвар». Но сейчас вода уж ушла, оставив лишь следы сего бедствия сырыми стенами домов. Они поднялись выше, мимо «Интуриста», подошли к старому зданию из красного кирпича, принадлежавшее Хабаровскому краеведческому музею.

Тимофеев подошёл к огромной каменной черепахе, погладил по панцирю.

– А ты знаешь, что когда нашли эту черепаху, – видишь, тут вот стесана надпись, – япошки подняли международный скандал!

– Скандал? Из-за черепахи? – удивилась Сонечка.

– Из-за неё!

– Хм? – она лишь пожала плечами, зевнула.

Но молодой человек не замечал, что девушке эта тема была совершенно не интересна....

– Хм! – Соня шаловливо посмотрела на юношу. – А ты всем девушкам такие вот байки рассказываешь? Или я первая?

– Знаешь, ты первая, – смутился юноша.

– Странный ты какой-то, другие что-то весёленькое девушкам рассказывают, а ты про звёзды, про историю, про черепах...., это слишком серьёзно как-то, слишком много информации у меня за этот день получено! Аж голова лопается! – девушка обхватила руками голову и, сделав «бух» губами, развели ладони в стороны.

Теперь они шли молча по пирсу вокруг «Ласточкиного гнезда». Где в детстве он лазил по огромным валунам. Где внизу о скалы бились тёмные амурские волны в окружении жутковатых бурных омутов, покрывавших своими зловеще колышущимися тёмными от своей бездонности пятнами поверхность воды. Он держал её нежные пальчики.

– Ну, скажи, наконец, что я тебе нравлюсь!

– Ты мне очень нравишься, – он смело притянул к себе девушку, провёл ладонью по щеке, всё ближе к шее, к мочке уха... Приблизил своё лицо так близко, что поцелуй мог сорваться с их уст в любое мгновение... Но она отстранилась.

– Но-но-но! Какой ты шустрый. Я вовсе не это имела ввиду!

Он, удерживая её, всё же, убрал руку с её шеи.

– Ты стал таким мужественным! Тебя трудно узнать! – она привстала на цыпочки. – Слушай! А ты выше меня на целую голову!

Тимофеев лишь пожал плечами.

– Мне раньше казалось, что ты маленького роста.

– Нет. С тех пор я почти не вырос. А ты вот стала ещё красивее. Хотя ты мне всегда нравилась.

– Правда? Да-а-а? Да-да! Я знаю. Верно! Я помню твою смешную записку!

– Помнишь!? Только тогда тебе нравился другой, а меня ты не замечала.

Владислав остановился. Повернул лицо Сонечки к себе. Аккуратно убрал с её ушка нежный локон. Провёл снова пальцем по щеке. Не получив в этот раз отпора, смеясь, аккуратно взял обеими ладонями её пылающее лицо. Прикоснулся губами бережно к её аккуратному носику, нежному подбородку, мягко касаясь пальцами мочек её маленьких ушек. Провёл ладонью по шее вниз. Почувствовав лёгкий трепет её тела и участившееся дыхание, он прикоснулся губами к её приоткрывшемуся рту. Она жадно подалась ему навстречу, и они забыли обо всём на свете...

– Я... тебя... люблю,..., – прошептал юноша.

– Я знаю, – кокетливо улыбнулась девушка, откинув голову набок.

– А ты?.. – он замер в ожидании.

– Да, наверное, – она пожала плечами, улыбнулась и обвила его за шею, притянув к себе для полного страсти поцелуя...

Тускло светили уличные фонари, вокруг которых роились насекомые. Молодым людям казалось, что всё мироздание в эту минуту вращалось только вокруг них двоих. Влад потянул Сонечку за руку, увлекая под густую сень деревьев. Теплый ночной ветерок всколыхнул её ситцевое платье... А жадная до ласк рука курсанта ловко скользнула вниз, с трепетом, едва погрузив пальцы в персиковую мякоть...

*И, в грёзы дальше погружаясь
Твоих волос волну любя.
Я их дыханьем наслаждаюсь.
И воспеваю я тебя!..
Заката алости блистают.
Манят любовный лунный свет.
И с таин пелена спадает...
И проклиная я рассвет!..*

В. Земша

Смеркалось. На БМП установили приборы ночного видения.

(Что за дрянь! Разве можно в них что-то разглядеть! Все советские ночные приборы имели дохлые аккумуляторы, зарядка их занимала уйму времени и сил. Половина барахла. Они засвечивались от яркого света, были очень грубы и деликатны одновременно.)

– По машинам! – прозвучала команда. Очередная группа курсантов бросилась к БМП. Бежали, мандражируя внутри от волнения. Тяжело бухая валенками по глубоким сугробам.

У Тимофеева обледенелые пальцы ног больно впивались в носок валенка на два размера меньше. (Фак вещевую службу!) Вдобавок снег забивался внутрь сквозь дырку под пяткой, прикрытой наспех сложенным в несколько раз листом бумаги из старых конспектов по ППР. Схватившись бесчувственными полуобмороженными, в обледенелых коричневых армейских перчатках пальцами за звенящую стужей броню. *(Если схватить за неё голой рукой, та может крепко прихватиться морозом к коже.)* Тимофеев влез в отсек механика-водителя, задвинул люк. Начал в темноте на ощупь дрожащими бесчувственными пальцами вверх-вниз переключать тумблера, запускать бензонасос, маслонасос, и т. д. это тебе не Жигуль, где провернул ключ и – порядок!

– Кто придумал делать это всё по-отдельности! – подумал курсант, щёлкнув последним тумблером...

Сердце ёкнуло. Что-то зажужжало. И он начал дрожащими руками настраивать радиосвязь с вышкой. Время отщёлкивало секунды. Через полминуты должен прозвучать доклад о готовности! В нос ударило соляркой... Двигатель запустился! Слава богу!

– Ни черта не видно! – подумал курсант, глядя в ночной прибор и покрываясь холодным потом.

– «Третий», доложить о готовности, я «вышка», приём!..

– «Вышка», я «третий», к движению готов, я «третий», приём!..

– Марш! – прозвучала команда.

Курсант Тимофеев нажал главный фрикцион¹⁶, переключил рычажок передачи, расположенный справа от штурвала, и, резко бросив педаль фрикциона, поддал щедро обороты. Машину рвануло по снегу. Траки замолотили по снежной целине. Машина развернулась почти на месте, обдав всё вокруг мощным облаком снежной пыли. Практически на ощупь определяя в прибор среди тёмно-зелёного фона вокруг светло-зелёные снежные трассы... Все движущиеся объекты в приборе расплывались, сопровождаясь ярко-зелёной паутиной линий. Яркие точки фонарей с вышки светло-зелёными светящимися шлейфами «засвечивали» прибор ночного видения.

– Обороты! Обороты! – орал инструктор сквозь скрежущий рёв двигателя.

Вскоре прибор совсем сдох. Не в силах более что-то различать вокруг, Влад сдался, откатил в сторону люк, зафиксировал его и высунулся наружу.

(Если люк не зафиксировать, то при любом значимом рывке, тяжёлая бронированная крышка поедет назад и отсечёт как ножницами голову с абсолютной лёгкостью, что, к сожалению, хоть и крайне редко, но иногда и случается с нерадивыми или невнимательными механиками – водителям, царствие им небесное!..)

– Ладно, давай по-походному! – согласился солдат-инструктор.

Дальше следовали по-походному. Различая в кромешной мгле только контуры деревьев. Вдруг путь осветило что-то очень яркое сверху, выглянув из-за угрюмых макушек деревьев. Свечение словно наполнило пространство вокруг. Влад поднял голову. Какая огромная луна! Невероятное что-то! Машина уверенно рассекала ночную темноту сибирского леса без фар и прожекторов, как и положено при ночном вождении с приборами ночного видения. Тимофеев напряжённо всматривался в темень, которая уже и не была кромешной вовсе. Спасибо луне! Она здорово заменила вышедший из строя прибор каким-то чудесным образом... Но некогда рассматривать небо. Нервы напряжены до предела...

Прозвучали последние доклады о выполнении учебных заданий, о показаниях спидометров и температуры масла в системах... всё по Уставу. Взвод был полностью построен и готовился, после завершающей преподавательской речи и разборок со стороны «замка» (зам командира взвода), погрузиться в тёплое чрево БТР. БМП выстроились в отдельную колонну, ими управляли солдаты-инструкторы, они же механики-водители. Сопровождающий колонну танк уже ожидал в её голове. Гусеничная техника, в отличие от колёсного БТР, не могла передвигаться по цивилизованным дорогам, без ущерба для оных, поэтому их пути на этом разошлись! Курсанты пристукивали валенками, желая разогнать хоть как-то застывшую в ногах кровь, которые уже теряли свою чувствительность от обморожений. Вытягиваясь в «стойке пингвина», они глядели мутными уставшими отмороженными взглядами на своего препода, на уныло болтающуюся под фонарём брезентуху солдатской плащ-палатки с карманами для «наглядной агитации», где красным фломастером было аккуратно выведено «XXVII-й съезд КПСС...».¹⁷

Под прожекторами бугрился снег. Ярko горели созвездия.

– Смотрите! Туда! – вдруг раздался возглас одного из курсантов.

¹⁶ (Сцепление)

¹⁷ (*На XXVII—м съезде КПСС в феврале 1986 года Михаил Горбачев впервые заявил о начале работы над планом поэтапного вывода советских войск из Афганистана.)

- Да это обломки Шаттла¹⁸! – пошутил другой, демонстрируя остроумие.
- Что это? – все заворожено смотрели на темное в звёздах небо.

Словно из-за тумана. (И это-то на безоблачном то небе!) Над макушками деревьев нависла огромная луна! Яркое небесное тело двигалось прямо на них. Окружённое большой светящейся сферой, оно остановилось. Рывок. Остановка. Снова рывок. Медленно, но в то же самое время как-то мощно... Все замерли. Это была не луна! Чёрт побери! Ни кто не верил своим глазам! Все словно оцепенели.

«Так вот то, что мне светило в пути!.. – подумал Влад. – Невероятно!..»

Шар развернулся, превратившись в полусферу. Всё это словно чудо снизошло на землю! Будто ожил фантастический фильм. И тут неожиданная команда:

- По места-а-ам!!! – прервала это шокирующее зрелище.

Препоп явно не разделял любопытства своих учеников. От объекта отделились несколько шариков светло-красного цвета, разлетаясь по сторонам... Но люки БТРа захлопнулись. Замороженных курсантов обдал желанный горячий воздух от двигателей и машина двинулась в училище. Владислав, как вероятно, самый любопытный, привстал, приоткрыл боковой люк, взглянул в последний раз на небесное представление. В ту самую минуту яркий луч света сверху ослепил его на миг... Он свалился в горячее чрево машины под ругань «комотда» (командира отделения), плотно захлопнув люк. Голова болела, от яркой вспышки, глаза, казалось, были наполнены песком. Под горячим теплом двигателей лица курсантов словно распирало горячими потоками крови изнутри. Они распухали. Тела с дрожью, отдавали тёплому воздуху, напитавших их тела до самых костей, холод. Веки тяжелели. И курсанты вырубались, сваленные как попало друг на друга. Никто не обратил внимания на корчившегося Тимофеева, вдавливающего ладонями свои глаза. Руки, ноги в обледенелых бушлатах, валенки, противогазные сумки. До новых встреч, танкодром! На этот раз ты всех поразил своим великолепным небесным шоу! Испытывая жжение, Тимофеев, следуя общей тенденции, сомкнул всё более тяжелеющие веки. В глазах медленно плыла снежная бугристая трасса...

¹⁸ (*28 января 1986 – катастрофа американского космического корабля «Челленджер», взорвавшегося на старте с семью астронавтами на борту. М. С. Горбачев выразил соболезнование американскому народу в связи с трагической гибелью шаттла. Советские ученые предложили назвать два кратера на Венере именами двух погибших американок – Кристи Маколифф и Джудит Резник.)

«Лебединое озеро» перестройки

Сон окончательно срубил Тимофеева. Так бывает всегда, когда перед сомкнутыми глазами проплывают картинки пережитого за день. Перед глазами спящего Тимофеева траки БМП монотонно молотили снег... Вдруг яркий луч прожектора снова ослепил его... Влад вглядывался в прибор ночного видения, слышен был стрекочущий лязг траков БМП по асфальту. Фонари ослепляли, создавая массу светло-зеленых шлейфовых полос. Нос машины был задран, как у катера. И семнадцатилетнему курсанту с трудом удавалось рассмотреть улицу, с толпами каких-то людей, которые кричали ему что-то. Невозможно было разобрать что именно. В шлемофоне сквозь треск радиопомех, прозвучал голос командира с вышки:

– «Третий», доложить о выполнении задачи, я «вышка», приём!

Тимофеев почувствовал, как покрывается холодным потом его спина. Как «собака Павлова», он реагировал на голос преподавателя.

– «Вышка», двигаюсь в городе, потерял танкодром! Я «третий», приём!

– «Третий», ориентир – «белый дом», как поняли меня, я «вышка», приём.

– «Вышка», я «третий», вас не понял, какой белый дом?

– Это приказ! Но! Что бы там ни было, оружия не применять, сынок! Это от меня тебе лично! Понято?

– Ника-а-ак, – «полная белиберда!» – подумал про себя курсант, а вслух ответил. – Так точно! Гулкий удар камнем по броне поставил точку в этой радиобеседе. Следом посыпались один удар за другим. Каждый раз Влад нервно вздрагивал. В щель прибора он слабо различал фигуры каких-то молодых людей, довольно агрессивно настроенных. Он остановил машину, обдав стоящую толпу людей облаком чёрного выхлопного газа.

В эту же минуту запахло гарью. Машину явно подожгли!

– Чёрт! Уроды! Да кто вы там такие!?! Фашисты недобитые! Буржуи хреновы! – Влад рассвирепел.

БМП резко дёрнулась. Скрежеща гусеницами по асфальту, грозная машина развернулась почти на месте. Раздались вопли. Крики ужаса и ярости.

Сквозь прибор ночного видения прямо перед собой Влад увидел яркую зелёную вспышку горящего автобуса, лежащего на боку. В ту же минуту что-то снаружи накрыло прибор, видно накинули тент, и для курсанта наступила мгла. Лишь вонючая гарь наполняла корпус машины.

– Вылезай, сука! – орала снаружи.

– Врешь! Я вам щас задам! – Тимофеев поддал обороты и, ослеплённый, на полном ходу влетел прямо в горящий автобус. Яркая вспышка! И горячая волна обдала его...

...В следующую минуту он летел над городом. Это был большой город. Незнакомые улицы, шли отдельные группы людей. На крышах домов – так же сидели кучками люди. Некоторые смотрели на летящего над ними Тимофеева, но, к удивлению самого Тимофеева, их не сильно удивлял вид летающего человека.

Некоторые что-то кричали ему вслед. Влад опустил на крышу, которая напоминала собой жилую комнату. Люди внутри смотрели телевизор. Шёл какой-то балет. Наверное, «Лебединое озеро». Влад оттолкнулся от пола, расслабил тело и стал снова медленно подниматься вверх.

– Горбачёв отстранён от обязанностей по состоянию здоровья! – произнёс мужчина в летах, сидя в кресле.

– Он очень серьезно болен? – спросила его балерина, танцующая в телевизоре.

– Очень больна страна, которой он управляет. Близится крах. Крах всего!

– Товарищ Пуго, но ведь у нас перестройка! – балерина хлопала глазами из телевизора, – ведь у нас расцвет демократии! Ведь это он, тот самый, который и совершил перестройку!

– Милая наивная девушка! – пожилой человек, которого балерина называла Пуго, пристал, – перестройку совершил не он! И то, что вы называете громким словом «демократия», фикция, граничащая с анархией и беззаконием! Страна, огромная страна уже дышит на ладан!..

Тимофеев, плавая, как в невесомости, попытался заговорить, но на него никто не обращал никакого внимания.

Человек, который именовался Пугой, достал из стола пистолет...

Влад вылетел на улицу и услышал за спиной выстрел...

«Вместо тепла – зелень стекла, Вместо огня – дым, из сетки календаря выхвачен день, – громко звучала песня, – Красное солнце сгорает дотла. День догорает с ним. На пылающий город падает тень. Перемен! – требуют наши сердца. Перемен! – требуют наши глаза. В нашем смехе и в наших слезах, И в пульсации ве-е-ен: «Переме-е-ен! Мы ждем пе-ре-мен!»

– Если бы Ленин был жив! Может и не пришлось бы ничего перестраивать?! – негромко спросил кто—то из соседнего окна.

– Слава богу! Слава богу! Ну, наконец-то отстранили «меченного»! – причитала какая-то бабка на улице.

– Это Андропов начал перестройку. И то оттого, что вся страна этого хотела. Все были недовольны и понимали, что дальше так жить нельзя! – выступал какой-то мужчина.

– Вы арестовали Главу нашего государства! А он дал нам свободу! – перечил ему мужчина с бородкой в очках, – вы хотите лишить нас свободы!

– Свобода, любезнейший, это,.. да собственно, а что такое свобода?! От чего свободу!? Он продуктов на полках магазинов, от крыши над головой, от порядка на улицах? От чего, любезный?

– Он дал вам, неблагодарным, свободу. Он вас просил об инициативе и творчестве. Он давал вам возможность брать столько свободы, сколько вы сможете унести!

– Да! Точно! И вы, стоящие у «кормушки», этим пользовались! Тащили каждый столько, сколько кто мог заграбастать! Только вот обычные честные люди остались нищими! Перестройкой, уважаемый, нужно управлять. Людьюми нужно управлять. Представьте себе, придёт ваш начальник сейчас на работу, и скажет подчинённым, – «делайте что хотите, вы, товарищи, свободны отныне! Хотите – работайте, хотите – спите. Гребите, кто сколько хочет! Кто и как может, а я пошёл!» – что тогда будет?!

– Да вы просто коммуняка! Вы все, коммуняки – фашисты! Красно-коричневые! – рыжеватая бородка нервно затряслась...

Тимофеева покорила последняя фраза, он попытался возразить, но его язык словно прилип к нёбу. Лишь нечленораздельный шёпот. Рыжебородый посмотрел на него.

– А-а-а-а! Подслушиваешь!? И ты – коммуняка-а-а!? Кругом вы! Не вздохнуть без вас ни пё... ть, – он стал пихать Тимофеева своим скрюченным длинным костлявым пальцем в бок, – ... давай, вылезай! Хорош дрыхнуть!

– Тимофеев! Подъём! Хорош «массу топить»¹⁹! Мы уже в училище! – комод пихал Тимофеева в бок автоматом...

¹⁹ (Спать)

Приказано забыть!

Расположение 20-й роты. Канцелярия. Встроенный из ДСП шкаф на всю стену, стол, стул, кровать ротного, бюст Ильича, портрет министра обороны Соколова и генсека Горбачева.

– Товарищи курсанты! Что вы видели сегодня над танкодромом? – препода с внимательным прищуром, но почти по-доброму всматривался в распухшие от мороза после ночного вождения лица курсантов.

– Товарищ подполковник, а что это было? Может, инопланетяне?! – неуверенно произнёс кто-то. Командир роты, майор, сидел на столе канцелярии, усмехаясь как-то в нос.

– Короче, слушайте, ребята, меня внимательно! – подполковник сделал паузу, – вы сегодня ничего ТАКОГО не видели! Вы меня поняли?

– Но почему, товарищ подполковник? Мы же видели! – как-то обиженно, раздосадовано, почти по-детски, произнёс кто-то из строя.

Подполковник резко развернулся на голос.

– Ты что, курсант, комсомолец, что ли? Не тупи! Я повторяю. Вы ничего не видели ТАКОГО! Если хотите получить объяснение, то вот, получайте – это был самый обычный «метеозонд». Мы уже связались с Академом²⁰ и нам подтвердили компетентные лица. Но! – он поднял палец вверх, – если будете распространять нездоровые слухи по училищу,.. – тут он замолчал, как бы выбирая, что же будет тогда.

– Короче, вы меня поняли?.. Не слышу!

– Так точно, товарищ подполковник!..

Курсанты в недоумении вышли из канцелярии.

– А что такое «метеозонд»?

– А чёрт его знает!

– А почему мы не должны говорить?

– А ты у него спроси!

– У кого?

– Спроси у полковника! Полковнику всегда известно всё!

С тех пор так и повелось, видимо, на каждый сложный вопрос давать такой ответ: «А вы спросите у полковника!»

Но, так или иначе, курсанты ещё с неделю пошептались, да и в действительности забыли про происшествие. Будто и не было ничего. Будто кто-то умышленно стёр эту небесную картинку в их мозгах. Странно всё это! Очень странно! Кого из участников «дива» Влад не спрашивал после, те лишь вяло и неохотно пожимали плечами, – то ли да, а то ли и нет. Мутно как-то всё. Ну, не идиот же он, что бы выдумать это всё! А вы как думаете?..

Но о чём бы ни думали Вы, курсант же всегда думает о своей девушке. Далёкой или близкой, существующей или вымышленной. Так и он, курсант Тимофеев, не думал более об этом происшествии на танкодроме. Его голова была полностью наполнена амурными переживаниями, навеваемыми тёплыми воспоминаниями прошлого, так нужными в этом сибирском краю. В памяти был амурский пирс вокруг «Ласточкиного гнезда», тёплый ночной ветерок, густая сень деревьев, страстные Сонечкины глаза под тусклым светом уличных фонарей...

Как сильно я тебе люблю.
Твой милый образ вспоминаю,

²⁰ (Новосибирский Академгородок)

Его в душе боготворю,
И дни разлуки проклиная.

Свою любовь храню в себе,
Твои слова: «люблю, наверно».
Простой я смертный на земле,
но чувство свято, несомненно.

Никто, поверь, моя родная,
Меня не сможет ослепить,
Твой нежный взгляд я воспеваю,
И мне его не позабыть!

Автор В. Земша 1986 г.

«Долина роз»

Сентябрь 1987 г. д. Ликавка, близ г. Ружомберок.

Полигон, развалины старого замка.

– Таварыш лэтенант! Хотыте, мы Вас тоже сфотографируем!? – рядовой Загиров показал пальцем на маленькую каменную площадку за спиной, ловко балансируя по стене полуразрушенного замка, расположенного напротив полкового полигона, примерно в километре от Ружомберка, в маленькой деревне с чудным названием Ликавка.

– Меня? Я... – Тимофеев замялся. Его явно пробирали дрожь от одной мысли пройти по этой узкой стене, шириной всего в четыре кирпича, с выбоинами. Остатки крепостной стены замка возвышались на вершине горы. С одной из сторон был обрыв. Высоченные сосны внизу смотрели на него своими косматыми пиками, словно ухмыляясь. Почувствовав, видно, нерешительность офицера, Загиров посмотрел на него, не моргая, с едва ехидным прищуром.

– Бойтесь, что ли? – Загиров перекинулся взглядом с сержантом Ахмедовым.

– Это ещё почему? Сфотографируюсь! С удовольствием! – Тимофеев покраснел, но, собравшись духом, и совершенно не желая опозориться, решительно стал продвигаться по стене, стараясь не смотреть вниз. Его взгляд был прикован лишь к этой площадке впереди.

– Отлично, товарищ лейтенант! – Загиров сделал пару снимков, всем видом выражая уважение лейтенанту, решившемуся на опасную «фотосессию».

– Товарищ лейтенант, пойдёмте, там есть родник! – предложил Ахмедов, потрясая пустой флягой.

Для этих горцев, аварца Ахмедова и чеченца Загирова, высота была обычным явлением, привычным, видимо, с раннего детства, они не снимали перед ней шляпу, не кланялись ей, лишь выражали сдержанное восхищение, не более, чем резвому объезженному жеребцу.

Тимофеев попытался подняться, но почувствовал, что его зад буквально прирос к камню. Ноги, ставшие словно ватными, отказывались подниматься.

«Зря я сел, – подумал лейтенант, – теперь не встану».

Проблема вокруг противно кружила голову, притягивая к себе, словно магнит. Теперь, будучи не в силах встать, он мог карабкаться только лишь на четвереньках, ища опору на четыре точки.

– Товарищ лейтенант! Пойдёмте?! – уже вопросительно повторил Ахмедов.

– Красотища-а! – воскликнул бодро Тимофеев, подняв руки кверху. – Я ещё посижу здесь... , давайте, сержант, что замерли?! Идите, стройте роту! Живо! – добавил он суровым тоном, не терпящим сомнений. Когда Загиров с Ахмедовым исчезли с поля зрения, Тимофеев медленно оторвал зад от камня. Стараясь не смотреть вниз, он медленно делал шаг за шагом дрожащими ногами. Пот проступил у него от волнения. «Спокойствие! Только спокойствие!» – бубнил он себе под нос. Да уж, путь назад оказался куда сложнее!

– Тимофеев! Да-ну! У тебя, братишка, что, крыша совсем съехала набекрень? Ты что как обезьяна по стенам лазишь? Бойцам дурной пример подаёшь? – вдруг появился ротный...

– Да вот, окрестностями люблюсь! – лицо Тимофеева могло бы покраснеть, но оно и без того было багровым...

Он сделал последний шаг и спрыгнул со стены.

– Знаешь, с этой площадки, наверное, где ты только что стоял, говорят, бог весть сколько лет назад, некий герцог замочил из лука свою сбежавшую невесту. Вон там, по той долине она бежала от него.

– Зачем бежала-то?

– А бог её знает! Замуж, видно, не хотела. Граф, видно, был ещё тот супчик! Видно не молодой уже был, да падкий на юных девиц, как и многие другие стареющие графы, да и не только графы... Когда мужик стареет, он боится, что вот, всё, скоро уже на «пол шестого». Так нужно, пока не пробил час, оторваться по – полной! Так вот, она не по своей воле за него выходила, видимо. А кто тогда по своей-то воле выходил замуж? Либо из-за денег, либо из-за имени, либо из-за юного тела! Это тебе не как сейчас, когда всё по любви, как правило. Тогда многие девицы сами за толстые старые кошельки выскакивали! Продавались, по сути! Даже пресловутые рыцари, которые, как дамы думают, дрались на турнирах за них, а на деле, просто дрались за титулы, честь, социальный статус. Женщины же всегда были лишь призом победителю, но не целью турнира, как дамы сегодня наивно полагают! Кто тогда спрашивал даму, согласна ли она! Так, всего лишь безмолвный приз на волю победителя! Где уж тут любовь! Мужчины бьются и сейчас, только в приз им так откровенно женщин не предлагают. Ведь сегодня женщина имеет равные права с мужчиной. Хотя, женщина была призом для мужчин и тогда, и где-то сейчас им и остаётся. Только уже добровольным, по любви или по расчёту. Просто менее цинично, или на Западе, наоборот, даже более цинично. Но всё же и тогда некоторые женщины, как и сейчас, всё же хотели любить! Только тогда редко кто имел права на такую роскошь, как брак по любви²¹.

²¹ (Брак обуславливается классовым положением сторон, и, поэтому, всегда бывает браком по расчёту. Этот брак по расчёту... довольно часто обращается в самую грубую проституцию. Иногда обеих сторон, а гораздо чаще жены, которая отличается от обычной куртизанки только тем, что отдаёт своё тело не так, как наёмная работница свой труд, оплачиваемый поштучно, а раз навсегда продаёт его в рабство. И ко всем бракам по расчёту относятся слова Фурье: «Как в грамматике два отрицания составляют утверждение, так и в брачной морали две проституции составляют одну добродетель». Половая любовь может стать правилом в отношениях к женщине и действительно становится им только среди угнетённых классов... Здесь нет никакой собственности,.. здесь нет поэтому никаких побудительных поводов для установления господства мужчин... Крупная промышленность оторвала женщину от дома, отправила её на рынок труда и на фабрику, довольно часто превращая её в кормилицу семьи. В пролетарском жилище лишились всякой почвы последние остатки господства мужа, кроме разве некоторой грубости в обращении с женой... Если женщина выполняет свои частные обязанности по обслуживанию семьи, она остаётся вне общественного производства и не может ничего заработать, а если она хочет участвовать в общественном труде и иметь самостоятельный заработок, то она не в состоянии выполнять семейные обязанности... Первой предпосылкой освобождения женщины является возвращение всего женского пола к общественному производству... Половой свободы, присущей групповому браку, всё более и более лишаются женщины, но не мужчины. И действительно, групповой брак фактически существует для мужчин и по настоящее время. То, что со стороны женщины считается преступлением и влечёт за собой тяжёлые правовые и общественные последствия, для мужчин считается чем-то почётным или, в худшем случае, незначительным моральным пятном, которое носят с удовольствием... Среди женщин проституция развращает только тех несчастных, которые становятся её жертвами, да и их далеко не в той степени, как это обычно полагают. Зато всей мужской половине человеческого рода она придаёт низменный характер... С превращением средств производства в общественную собственность,.. домашнее хозяйство превращается в общественную отрасль труда. Уход за детьми и их воспитание станут общественным делом. Общество будет одинаково заботиться обо всех детях, будут ли они брачными или внебрачными. Благодаря этому отпадёт беспокойство о «последствиях», которое в настоящее время составляет самый общественный момент, – моральный и экономический, – мешающий девушке, не задумываясь, отдаться любимому мужчине. Не будет ли это достаточной причиной для постепенного возникновения более свободных половых отношений, а вместе с тем и более снисходительного подхода общественного мнения к девичьей и к женской стыдливости?.. В древности... если же любовные связи действительно возникали между свободными гражданами и гражданками, то только как нарушение супружеской верности... Современная половая любовь существенно отличается от простого полового влечения, от эроса древних... Мы можем теперь предположить о формах отношений между полами после предстоящего уничтожения капиталистического производства... Но что придёт на смену? Это определится, когда вырастит новое поколение мужчин, которым никогда в жизни не придётся покупать женщину за деньги или за другие социальные средства власти, и поколение женщин, которым никогда не придётся ни отдаваться мужчине из-за каких-либо других побуждений, кроме подлинной любви, ни отказываться от близости с любимым мужчиной из боязни экономических последствий. Когда эти люди появятся, они отбросят ко всем чертям то, что согласно нынешним представлениям им полагается делать. Они будут знать сами, как им поступать и сами выработают соответственно этому своё общественное мнение о поступках каждого в отдельности, – и точка... До средних веков не могло быть и речи об индивидуальной половой любви. Само собой разумеется, что физическая красота, дружеские отношения, одинаковые склонности и т. п. побуждали у людей различного пола стремление к половой связи,.. но от этого до современной половой любви ещё бесконечно далеко... Та скромная доля супружеской любви, которую знает современность, – не субъективная склонность, а объективная обязанность, не основа брака, а дополнение к нему. (Из работы Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства».)

– Так-то вот! – продолжал ротный. – А долина та была вся сплошь засажена красными розами. Герцог понял, что ему её уже не догнать. Взял лук, стрелу. Бац! И вот, лежит она в розовом поле. Метким стрелком был герцог!

– Так граф-то был или герцог?

– А чёрт его знает! Важно другое-то, что был он отличником боевой подготовки! Про его же политическую подготовку, извини комиссар, я толком ничего не знаю, – ротный рас- смеялся.

– Так вот. В груди стрела. А на её черенке – красный бутон. Подцепила цветок, прикинь, пока летела.

– Да уж. Печальная история! Красные розы. Кровь. Любовь. Ненависть.

– А ты думал, почему герб Ружомберка – роза, пробитая стрелой?

– Да не задумывался я.

– Всегда, комиссар, задумываться нужно. Всегда! Особенно, когда такие дурацкие поступки совершаешь. А то ведь, могла сейчас новая драма разыграться тут. Жутко предста- вить себе, какой мог бы стать тогда герб города! Вместо стрелы – сосна. А вместо розы – совет- ский лейтенант на сосне, на радость местной контре! – ротный засмеялся в усы.

– А как название города переводится, знаешь? – продолжал он.

– Долина Роз?

– Точно! Так что готовься, комиссар, с «манами»²² политзанятие проводить! Про исто- рию города. А заодно инструктаж по технике безопасности. . . . чтоб по стенам больше никто не лазил! Ясно? – ротный поднял вверх указательный палец. И так посмотрел чёрными гла- зищами на лейтенанта, что у того екнуло в груди. Тимофеев оглянулся. Посмотрел на за́мок, на стены, на площадку. Удивительно, что когда-то именно здесь и разыгралась эта драма, если верить передаваемой из уст в уста легенде. Он прочувствовал её, можно сказать, собственным задом. Не романтично звучит. Зато правдиво.

Пообедавшая рота лежала на травке, сыто отрываясь солдатским хавчиком. Некоторые продолжали вытирать травой свои пустые котелки. Урсулов, с группой земляков, что-то упо- ённо завывал на узбекском. Чеченец Загиров что-то молча рассматривал вдалеке в гранато- мётный прицел. . .

– Хараша шайтан труба!

(Кто бы тогда мог и подумать, что спустя несколько лет, тот самый Загиров веро- ятно будет расстреливать из такой вот «Шайтан-трубы», таких же вот, как и он сейчас, мальчишек, отдающих свой воинский долг Родине на срочной службе.)

Сержант Ахмедов, сбив пилотку на затылок, жевал соломинку, наблюдая за происходя- щим, словно пастух. . .

Старший лейтенант Сидоренко убыл к комбату. Старослужащие солдаты – Садыков, Рах- манов и Зайцев снисходительно улыбались в адрес замполита. Они были старше и чувство- вали себя на правах «покровителей» этому зелёному лейтенанту, подсказывая ему некоторые нюансы, важные, как казалось этим матёрым «дедушкам», отсчитывающим свои последние армейские деньки до Приказа.

– Вы, товарищ лейтенант, пока тут суть да дело, лучше спортивные соревнования прове- дите, точно вам говорю, – предложил тоном покровителя Зайцев, – а то народ заскучал. . .

– У меня и мячик есть! – Рахманов сдвинул пилотку на нос, закинув голову назад.

²² (Так ротный «нежно» именовал бойцов)

– Мы вам, товариш лейтенант, дурного нэ предложым! – присоединился к уговорам Садыков.

– Ладно, играйте пока до политзанятия! Только чтобы всё как положено было! – согласился лейтенант.

– Классно! Будет всё как нада!

– Преследовали!

– Слоны, подъём! – солдаты радостно раскачивающимися походками направились в сторону лениво прохлаждающихся бойцов. Рахманов с важным видом вертел в руке мяч...

Тимофеев посмотрел им вслед, подложил полевую сумку под конспект, подбирая подходящий материал для очередного политзанятия.

Неподалёку слышались глухие удары по мячу, возбуждённые крики бойцов, увлечённых игрой в волейбол...

«Забава»

Октябрь 1987 Ружомберок.

Забава в д. Ликавка.

Словацкая Забава. Некая местная диковинка. В отличие от традиционных в Союзе танцев и дискотек, словацкая Забава, начинаясь с первыми сумерками, завершалась ближе к рассвету. Здесь продавали нагретое вино в горячих бутылках. Белое и красное. Местная молодёжь «зажигала» весело до полуночи под современные популярные мелодии, а после переходила на местные фольклорные танцы, больше напоминающие какие-то «польки-бабочки».

Наши лейтенанты, облаченные в «гражданку²³», всё равно угадывались на общем фоне, выделяясь своей избыточной «джинсовостью».

Офицерская общага.

Так что этот вечер в их комнату заглянул сосед почти такой же зелёный, чуток старше, двадцатидвухлетний лейтенант Мамука.

– Братцы, а валим на Забаву в Ликавку прям щас?!

– А давай! – те не заставили себя долго уговаривать...

В «забавном» помещении было весьма забавно и вполне весело. Толпы словацкой молодёжи. Офицеры в «гражданке» нерешительно озирались по сторонам.

– Наших, вроде, нет больше, кроме нас, – Майер внимательно обвёл взглядом вокруг.

– Слушайте, вообще странно как-то, что женатики с нами на забавы не ходят! – вдруг произнёс Тимофеев.

– Не то слово, они вообще с холостяками не общаются²⁴, – поддержал Майер.

– Всэ, пока в общаге живут, нормальные, а как толка жоны приезжают, то всо! – Мамука развёл руками.

Ликавка.

Сегодня наши герои здесь были единственные «советские представители». А вокруг – толпы словацкой молодёжи. А главное – милые девушки с пушистыми пружинистыми начёсами волос! Владислав приблизился к одной из них и, одновременно с лёгким кивком головы, протянул руку, приглашая её на танец. Она, поколебавшись несколько секунд, положила свои хрупкие холодные пальчики в его широкую тёплую ладонь. Они прошли вглубь зала. Владислав аккуратно прикоснулся к её талии.

²³ («Гражданка» – некий набор одежды, позволявший военным сливаться с населением, своего рода «масхалат», обычно служила кое-какой маскировкой лишь для самих военных, гражданские же, обычно, легко угадывали происхождение их обладателей. Здесь, в стране «социалистического изобилия», лейтенанты выбирали исключительно те вещи, которые казались им дефицитными в Союзе. «Варёнки», «кроссы» и тому подобное, ну не лохи же они, покупать там всякие чмошные костюмчики, типа тех, школьных, кои донашивали до дыр от безысходности многие советские парни! Оттого – то и выделялись здесь наши летёхи своей чрезмерной «джинсовостью» на фоне более скромно одетых словаков.)

²⁴ (Действительно, женатые предпочитали не общаться с холостяками. Это было словно негласное правило здесь. Видимо, мужья боялись за своих жён. Да и сами чувствовали себя дискомфортно в такой ситуации, когда на фоне остывающей страсти между супругами, вдруг, появляется молодой и совершенно свободный соперник, который, по определению, всегда становится объектом повышенного внимания со стороны всего женского окружения. Самым же неинтересным местом здесь всегда становится женатый мужчина. Как может он, «инертный», конкурировать со «свободным радикалом»? Будучи не свободным, он не интересен даже для лёгкого флирта, ни другим женщинам, не желающим оспаривать статус его жены, ни его собственной жене, подсознательно более увлекающейся скрытым флиртом, порой даже не замечая того, с вдруг появившемся в её покоях холостяком. Такова природа! А кроме, мало ли здесь злых языков, мгновенно разносящих, раздутую до состояния слона, новость, ведь и глаз здесь так же не мало, чтобы не подметить малейший проступок. Так что женатики тут были отдельно, холостяки – отдельно, подобно тем, пресловутым «котлетам с мухами».)

– Влад..., – лейтенант уловил нотки удивления во взгляде девушки и пояснил, – это моё имя, меня зовут Влад..., – лейтенант млел, обволакиваемый её нежным запахом, дурманящем его разум.

– Мирослава, – ответила девушка, и лёгкий румянец проступил на её щеках.

Он нежно и бережно «танцевал» девушку, как хрустальный сосуд, с упоением, снова и снова, говорил ей что—то на ушко, она лишь мягко улыбалась ему в ответ...

– Всетко, я иду до домов, – по окончании третьего подряд «медляка» девушка как—то вдруг обмякла, выскользая из его рук.

– Могу ли я тебя проводить? – спросил полный романтики Тимофеев.

– Нэ можна! – это звучало как полный облом!

Тимофеев лишь удивлённо поднял брови.

– Прэпачь, нэ можна. Так, – отрезала девушка и, как бы извиняясь, пожала плечами.

– Почему «так»? Пречо?²⁵

– Так. Ты добри хлопчик, але ты рус! Нэ можна..., – девушка опустила глаза, как бы стыдясь собственных слов, и растворилась в толпе подруг. Стоявшие неподалёку словацкие парни ехидно улыбались лейтенанту.

– Мы что, прокажённые, что ли? – задал Тимофеев вопрос, непонятно кому именно адресуя, – или они с нашим партторгом заодно?

– Тимофеев! Держи стакан шире! – Мамука вылез из толкучки словаков, где у стойки, напоминающей оккупированный посетителями гардероб, продавали спиртное. В руках он держал мокрую горячую бутылку вина, в которой плавало что-то наподобие чайнок. Они разлили горячее вино по стаканам.

– Ну, за всё хорошее!

Тёплые волны алкоголя бежали по молодым жилам. Всюду шло веселье, на которое лейтенанты взирали как бы со стороны.

– Чужие мы здесь. До чего чужи-и-е! – Тимофеев допил стакан до конца, – всетко, пошли до «домов»!²⁶

– Чё так? – удивился Майер.

– Прикинь, чё она мне сказала! Ты, мол, ничего, но не могу с тобой встречаться «але ты рус»!

– Нэ лубят местные бабы нас, русов! – произнёс Мамука, как «истинный Рус», зевнул и продекламировал. – А ты ушла, лубви нэ понымая, обиду в сэрдце затая, так пуст тэбя... того... собака злая, а нэ такой арёл, как Я!

– Да, пошли они все ... «до домов»..., ёшкин кот...! – Майер взял тёплую бутылку с вином и разлил по стаканам...

Офицерская общага.

Наконец, хмельные, раззадоренные офицеры мирно сопели на своих койках. Тимофеев ворочался, скомкав подушку под себя. Во сне он шагал по городу, опьянённый всем тем, что его окружало!

«Dvadsať rokov a je rogučik», – эта ранее отпущенная ему фраза благозвонно отстукивалась в его черепе, наполняя оный гордостью за себя, такого юного, но уже «целого поручика». Такая интерпретация его лейтенантского звания на «белогвардейский манер» ему даже льстила. Тем паче, что они, советские офицеры 80-х, где-то подсознательно отождествляли себя с дореволюционными белыми офицерами... Зимний воздух наполнял легкие бодрящей

²⁵ (Почему?)

²⁶ (Домой. На словацкий манер.)

свежестью. Было безумно хорошо и юная плоть словно хотела выскочить наружу из лейтенанта, придавая его походке подпружиненность.

Увидев уже знакомую «реставрацию», Тимофеев зашёл внутрь заведения, приятно наполненного уже знакомым запахом свежего пива, копчёного сыра и чем-то ещё, трудно определимым, но вполне приятным. За чистыми столами, накрытыми белоснежными скатертями, оживлённо и громко разговаривали разные люди. Едва ли он хотел пива, которое если и пил, то делал это исключительно машинально, или за компанию, сейчас он скорее желал просто чего-то перекусить. И вскоре ему принесли кнедлики из теста с пареными кусочками говядины, залитые коричневым соусом и бокал пенистого ароматного пива. Тимофеев не любил эти самые «кнедлики», напоминающие просто куски белого пареного хлеба без корочки. Но они сытно набивали голодный лейтенантский желудок. Он ел, почти не чувствуя вкуса. Вскоре тарелка была пуста. Последним кусочком кнедлика, наколотого на вилку, Тимофеев аккуратно вымакал остатки ароматного коричневого соуса в тарелке, который любил лишь с голодухи, положил в рот. Рука машинально потянулась за привычным компотом, но, отхлебнув горького ароматного пива вместо, лейтенант лишь поморщился.

– Есть ли у чехословацкого пива? – Услышал он сзади.²⁷

Обернулся. Это был светловолосый юноша.

– Й-а-а...? – замялся лейтенант.

– Na, vezmite si ju,²⁸ – он протянул ему какой-то свёрток, – pošlite mi ju domov, onde Pošta.

Тимофеев обернулся и, увидел вдали почтамт.

– Ты кцеш, чтобы я все эти твои паперы отправил почтой? Так?

– Tak, áno, – подтвердил юноша.

– А чё, ты сам не можешь? Что это ещё за бред?

– Я не могу, у меня руки заняты – молодой человек поставил на мостовую пластиковую бутылку, от которой несло бензином.

– Чего-о-о-о? А-а-а-а, руки, говоришь, заняты? Так, что ли?

Молодой человек кивнул головой, взял пластиковую бутылку, и неторопливо посеял на середину площади, вдруг остановился, показал Тимофееву фигу, и облил себя.

– Во, больной! – Тимофеев повертел в руках бумажки, сунутые парнем, хотел выбросить, но, не найдя мусорки по близости, сунул в полевую сумку. В следующий момент бегущий по мостовой к тротуару факел человеческой фигуры привлёк его внимание.

– Во, чёрт! Точно больной! – Тимофеев кинулся факелу наперерез, снимая на ходу шинель.

Прохожие глазели на происходящее, оцепенев от ужаса. Парень пытался сбить с себя пламя, размахивал руками, затем, споткнувшись или потеряв сознание, рухнул. Тимофеев кинулся к нему. Каждое движение давалось с трудом, словно пространства вокруг было наполнено гелем. Но, преодолев пространство, он накинуд на горящего парня свою шинель, сбив пламя. Из-под шинели валил густой едкий дым, запах палёного человеческого тела противно проникал в ноздри. Обгоревшая одежда паренька приварилась к его коже, представлявшей кровавое месиво. Парень тяжело дышал.

– Тебе больно? Зачем ты это сделал? – Тимофеев стоял перед ним, опустившись на колени. Парень молча смотрел на советского лейтенанта.

– Сколько тебе рокив? – Тимофеев хотел машинально взять парня за кисть, но, поняв, что доставит ему этим боль, одернул руку.

– Dvadsat, – паренёк буквально выдохнул и, скривившись, заплакал.

– Двадцать!? Яки и мне! А яко севилаш? – спросил Тимофеев его имя.

²⁷ (Не нравится чехословацкое пиво?)

²⁸ (Возьмите это)

– Ян, Ян Палах,
– Держись, Ян! Але всё будет добре!
Вокруг суетились люди, уже был слышен рёв сигналов скорой помощи.
– Не, не умирают. Я не хочу никого, чтобы умереть, – хриплым, полным отчаяния в голосе выговорил мальчишка.
– Держись! Только не умирай! Псих ты сумасшедший! Точно больной на голову! Вот чёрт!

Тимофеева отгеснили люди в белых халатах, и всё вокруг наполнилось людьми, которые потащили умирающего юношу как крест по площади, что-то скандируя... Юноша пытался им возразить, но его никто не слышал. Ибо сама личность обожженного «героя» отошла на второй план перед нужном толпе символизме вокруг этой личности...

(Верни людей в прошлое, на Голгофу, они бы и сейчас вновь распяли бы Христа, ради почитания его в будущем.)

Раздался странный сухой треск сирены...

Тимофеев подскочил с кровати и стукнул разрывающийся в своей истерике будильник...
«Ну и соснил же!» – Тимофеев вытер лоб.

Януш

Октябрь 1987 Ружомберок.

Зденка зашла в комнату, где дядя Густав о чём-то беседовал со своим сыном, её двоюродным братом.

– Мир! Ты уже слишком взрослый парень! Тебе уже остепениться пора, создавать свой дом, может даже жениться! Хватит тебе уж по забавам шляться. Время сейчас такое. Все стараются заработать. Крутиться надо! Так думай головой своей. Ведь не глупый же ты! Мирослав сидел молча, кивал головой, как школьник.

– Дядя, збогом! Я уйду! Мирослав! Пока!

Те закивали ей головами, отвлекшись на момент от своей беседы. Зденка вышла из дома.

Зденка немного общалась со своим двоюродным братом, несмотря на то, что она довольно часто заезжала к ним в Ружомберок. Для восемнадцатилетней Зденки двадцатисемилетний двоюродный брат Мир казался старым дядей. Казалось, в этом доме она проводила в юности большую часть своей жизни, гораздо большую, нежели в собственном доме, где родители были вечно заняты либо своими делами, работой, либо друг другом. Мирослав был немногословный молодой человек, довольно легко и расточительно относящийся к жизни. Разница с двоюродной сестрой в почти девять лет разводила их по разную сторону возрастных интересов. Однако, на правах старшего, в определённой степени, он всегда ей покровительствовал, иногда даже защищал. Зденка всегда могла сказать: «Вот я сейчас позову своего братранка ²⁹...!». Хотя любые обязанности няньки Мир напрягали. Когда в прошлом ему, случалось, поручали присмотреть за семилетней Зденкой, он досадно морщился, увлечённый своими юношескими интересами. Другими словами, отношения были не столь тёплыми, как бы этого хотелось их родителям, но и назвать их отчуждёнными было также нельзя. Родственные узы всё же довольно тесно переплетали их с самого детства. Родная Зденкина сестра Малвина была старше её на два года с половиной, эта разница не делала их подругами в детстве. И роль няньки Малвине так же не подходила. Скорее, они конкурировали за «место под солнцем», где чаще Малвине доставались нагоняи от родителей, на правах «старшей», за проделки обеих сестёр... Однако, младшая, на своих правах, всегда донашивала все вещи и игрушки старшей сестры, получая, тем не менее, немного больше родительской заботы. Обоих девочек частенько отправляли в Ружомберок к дяде Густаву, который являлся маминим братом. Оттого-то этот дом и был для них обеих вторым домом. В Ружомберке жили и некоторые из Здениных подруг, Ингрида, например, и, конечно, главный её друг детства – соседский мальчик Януш...

²⁹ (Двоюродный брат)

Осенний призыв – 87

Прежде чем «уберегать» сыновей от службы в Армии, мамам стоит спросить, а что хочет сам сын.

«Спасая» от Армии своих сыновей, родители часто оставляют их на откуп пагубного влияния улицы, от которой не «откосишь».
Октябрь 1987 Ружомберок.

Вокзал.

Ночь. Холодный воздух с туманом пронизывал насквозь тонкие серые солдатские шинели. Выгрузка из вагонов закончилась. Сыро. Тепло, нагретое в поезде, быстро улетучивалось в атмосферу, наполненную вонью «Супры». Поезд, привезший в своём чреве молодое пополнение для прохождения службы в чужую страну, заскрипел чугунными колёсами и медленно пополз дальше на Запад. Тускло светили фонари. Офицер на перроне громко выкрикивал какие-то слова. Женя Бедиев старался погрузиться в свои далёкие воспоминания о прошлой гражданской жизни. Как неприятен был этот любопытный офицер, эта блестящая мощеная дорога под блеклыми фонарями, ведущая к мрачным серым стенам казарм.

– Хороши солдатики! – незнакомый лейтенант на КПП с удовольствием вглядывался в подавленные солдатские лица.

Женя поправил на голове «жучку» и погрузился в воспоминания дней, канувших в прошлое. Он достал из кармана сложенные листы, перечитал снова и снова навеянное недавно ему под стук вагонных колёс...

*Вот еду я, вагон качает,
Дорога убегает вдаль,
Деревья в окнах пролетают.
Меня же мучает печаль!*

*Я не увижу её боле!
Я боле не увижу Вас!
О, боже мой, какое горе,
Всё разом потерять сейчас!*

В. Земша 1981 г.

– Женька, что это ты читаешь, ядрёна вошь? – вытянул шею темноволосый солдат, стоящий рядом.

– Ничего, Сеня! Так... – Женя спрятал листки.

Из серого здания с освещённым крыльцом выскочил майор. Женя с любопытством и надеждой разглядывал его грузную фигуру, усы...

«Может это тот, кто сейчас одним махом снимет груз неопределённости с уставших солдатских плеч?!» – сонные испуганные глаза молодых солдатиков с надеждой и трепетом смотрели на него...

– Товарищи солдаты! Вам выпала большая честь, почётная обязанность, защищать рубежи нашей великой Родины здесь, за границей, в Центральной группе войск... – важно и торжественно, но как-то машинально-заезжено пробухтел офицер, шевеля усами «пламен-

ную приветственную речь». Прокашлялся в кулак, достал из-за спины лист, чинно вытянул перед собой.

– Рядовой Буряк!

– Я! – испуганно ответил светловолосый пухлый не очень—то опрятный боец.

– Рядовой Бедиев!

– Я! – встрепенулся Женя, поправляя неуклюже пилотку.

– Рядовой Гусейнов!

– Тута! – хитро шурился тот.

– Я не понял!? Рядовой Гусейнов!

– Ну, я!

– Нукать в конюшне будешь, солдат! Рядовой Гусейнов!

– Я! – улыбка сошла с лица бойца.

– Рядовой Ким!

– Я!

– Рядовой Моше!

– Я!

– Рядовой Озаян!

...Грузный офицер продолжал выкрикивать фамилии солдат, коих было великое множество...

– Рядовой Саядян!

– Я!

– Рядовой Тошев!

– Я!

– Рядовой Харин!

– Я! – выдохнул Семён, завершив список, и шепнул Бедиеву, – ну вот, нас посчитали!..

Девятая рота

Тимофеев сидел в канцелярии за столом, заваленным личными делами солдат и письмами в адрес их родителей. Он взял очередной отпечатанный в типографии бланк, вставил имена родителей очередного солдата: «Мария Владимировна и Василий Петрович». Задумчиво перечитал.

«Уважаемые Мария Владимировна и Василий Петрович,

Рады сообщить, что Ваш сын благополучно прибыл в часть для прохождения воинской службы, и мы радушно приняли его в свою боевую семью, которая теперь станет ему вторым домом.

Будьте уверены, здесь Ваше родительское тепло заменят опытные командиры и политработники. Они помогут сыну пройти хорошую школу воспитания гражданской ответственности, мужества и патриотизма, в короткий срок успешно овладеть воинской специальностью и стать настоящим солдатом нашей Отчизны, воином – интернационалистом.

Но в этом становлении мы рассчитываем на Вашу помощь и поддержку. Ведь армейская служба, как известно, дело нелёгкое, особенно на первых порах, да ещё за пределами Родины. И нам важно полнее распознать каждого новобранца, его сильные и слабые стороны, склонности, увлечения. А кто лучше родителей знает их? Вот мы и просим Вас написать о жизни Вашего сына до призыва в Советскую Армию, с тем, чтобы мы могли всё это учесть в индивидуальной работе с ним.

Ответ пишите по адресу: «Полевая почта В/Ч 41314».

И ещё. Чаще пишите сыну-солдату. Своим вниманием и добрыми советами Вы можете ему быстрее встать в армейский строй.

Не разрешается только высылать любые посылки и деньги.

*С наилучшими пожеланиями в Вашей работе и личной жизни.
Командование части.*

«Неплохо написано!» – подумал он и заклеил очередной конверт...

Рядовой Саядян грустно сидел на табуретке в кубрике, специально освобождённом для «карантина» молодых солдат, держась двумя руками за металлическую дужку двухъярусной кровати. Тошев подшивал подворотничок неумелыми стежками, бухтя что-то себе под нос по-узбекски. Моше, взяв вафельное полотенце, отправился в умывальник.

– Моше, пилотку-то гони на родину! – Саядян дёрнул за рукав товарища по «почётной обязанности».

– Возьми, вон лежит, – тот ткнул пальцем в сторону своей табуретки и продолжил движение.

Харин тупо смотрел в окно на колышущиеся под осенним ветром на сером фоне полкового клуба жёлтые ветви редких деревьев, высаженных вдоль казармы, на удаляющуюся фигуру командира роты.

– Моше, вот же хитрая еврейская задница, взял у меня пилотку, шас отдам, говорит, а тут ротный прышол, Моше – раз и он в пилотке стоит, а я бэз! Вот жэ еврей! – возмутился Саядян, едва Моше вышел из кубрика.

– Ты что, так уж ненавидишь евреев? – Харин оторвался от окна.

– Нэт, я их очень люблю! – усмехнулся в ответ Саядян. – Да кто их лубыт?! Ты, что ли лубыш?

Тошев уколоч палец, сморщился, сунул палец в рот, молча наблюдая за окружающими.

– Да нет, не люблю и не ненавижу. Просто я против любой формы национализма, расизма и прочих дискриминаций, к коим я отношу и Сионизм. Евреи любят распространять мифы о своём национальном превосходстве. А ведь это прямая форма фашизма, – зарядил Харин, – вот это я и ненавижу, а не евреев, как таковых.

– Мутыш мэне могз ты! – сплюнул Саядян на казарменный пол.

– Вы как хотите, но я всё равно уважаю евреев, они такие умнички, трудяги, помогают друг другу, не то, что русские, – высказался один из бойцов.

– А если мы начнём принимать людей на работу по национальному признаку, например, предпочтительно русских, нас тут же обвинят в шовинизме. Если это же делает еврей, то он, видишь ли, умничка! Вот это расклад! Просто мы, русские, от большего, интернационалисты. У нас родители обычно не требуют от своих детей вступать в брак только с русскими, как это есть у евреев и многих—многих других! Как там у вас, в Армении-то с этим, Ашот!? Вы-то, небось, не многим лучше!

– У нас, в Армении, всё с этим в порядке. Как говорят армянское радио, «коровы вышли за офицеров, свиньи вышли в люди, бараны защитили диссертации, а куры сдохли со смеху, оттого-то у нас нэт мяса!» – заржал Саядян. Раздались жидкие смешки.

– Привет Армянскому радио!

Тут в кубрик вернулся Моше, вытирая мокрое румяное лицо белым полотенцем, и все замолчали. Моше увлечённо продолжал тереть мокрую голову, топая не глядя. И вдруг он споткнулся о выставленную Тошевым ногу, смачно растянулся пузом на полу под дружный злорадный смех сослуживцев.

– Эх, Моше-Моше, нужно под ноги сматреть!

– Нычего, Моше, нэ хныч, ты ещо станэш мужиком, у тьебя на это два года! Моше поднялся, зло окинул взглядом сослуживцев и пошагал дальше к своей кровати.

– Чтобы стать женщиной – нужна одна ночь, чтобы стать мужчиной – нужно два года, так пуст эти два года пролэтят, как одна ночь! – заявил кто-то под смешки остальных.

– А ты, Сеня, чё хихикаешь, пражку давай чысть! Когда коту нэчего дэлать – он лыжет яйца, а когда нэчего дэлать сольдату – он чыстит пражку!

Раздались новые смешки...

Мужской многонациональный коллектив был жёстким и безжалостным. Плаксивым мальчикам «из-под мамкиной юбки» здесь было не место. Так что, как ни крути, эта жёсткая среда закаляла характер, после чего, на «гражданке», прошедших службу парней уже было не просто сломить или заставить хныкать...

У этих солдат вся служба была ещё впереди! За 2 долгих солдатских года им предстояло посетить сто сорок раз баню, просмотреть двести восемь кинофильмов, съесть 51,1 кг сахара, 21,9 кг масла, 547,9 кг хлеба, употребить 846 г чая! Вот такая нехитрая солдатская статистика, которой многие вели учёт.

Сомнительное приглашение

Ноябрь 1987 Liptovský_Mikuláš.

Городской универмаг.

Закончился очередной рабочий день в универмаге, где Зденка работала продавщицей. Девушка преступила порог своей квартиры, зашла на кухню, где копошилась мать.

– Мам, Ингрида позвала меня с собой. Там какая-то торжественная вечеринка в Штребске Плесо, в курортной зоне будет на днях. Её мама позвала и меня разрешила взять. Это по линии общества «Советско-чехословацкой дружбы». Я точно не знаю, короче, что—то в этом роде. Так я поеду. Ага?

Зденка была слишком самостоятельной девушкой, как и большинство молодых словачек. И этот вопрос был, скорее как формальная дань уважения матери. Однако матери, кухарившей сейчас, было приятно, что её мнение ещё что-то значит в доме, хотя и осознавала, что шансов запретить у неё мало. Здесь скорее можно только убеждать, но убеждать никого и ни в чём она не видела особой потребности, поэтому лишь молча утвердительно кивнула головой.

Комната наполнилась ароматными запахами тушёных овощей с мясом...

– Зачем тебе это нужно? – скривился неожиданно появившийся Януш, который всё это время находился в соседней комнате. Приехав навестить подругу своего детства. Он частенько захаживал. И по поводу и без. Их детство уже давно закончилось, а дружба, похоже, осталась. Возможно, для Януша это было гораздо больше, чем просто дружба. Здена же видела в нём лишь мальчика, выросшего друга её босоногого детства. И не более того, ей было невдомёк о возможной привязанности друга к ней, как мужчины к женщине. А может она просто не желала себе в этом признаться, лишь удерживая его на «коротком поводке», искренне удивляясь его стремлению получить от неё нечто большее.

(Женщины часто, порой неосознанно, удерживают вокруг себя мужчин, не задумываясь совершенно о причинах мужской «отзывчивости», объясняя её простой дружбой, а осознав, иногда начинают умело этим манипулировать, окружая себя «просто друзьями», порой себе же на голову! Себе же на соблазн! Себе же на погибель!)

Гримасы Януша менялись с отвращения от подслушанной темы разговора, до блаженного вытягивания ноздрями запахов, идущих из кухни.

– Так зачем тебе туда идти?

– Так, – нехотя ответила Здена, отталкивая в сторону неуютную для обсуждения тему, словно отогнала назойливую муху, – Януш! Мне нужно маме помочь. Скоро будем ужинать. Так что мой руки.

– Это не наш праздник! Пусть его оккупанты и празднуют! – Януш тихо психовал, игнорируя перевод разговора на кухонные темы. – И ходить тебе туда не нужно. Там ведь будут советские военские?³⁰ Что о тебе потом будут люди говорить? Как о курве?

– А! Что люди будут говорить?! Я туда не знакомиться иду. Так что за мою репутацию не волнуйся, Януш! И не болтай глупости! Меня Ингрида просила составить ей компанию. Понятно?! И хватит обо мне печься, я уже не маленькая, сама решу, что мне делать!

³⁰ (Военные)

(По достижению совершеннолетия, молодёжь буквально упивается состоянием своей взрослости и демонстрирует свою «самостоятельность» где надо и не надо.)

– Может быть. Может и оккупанты. Но чехи и словаки тихо живут только пока советские военские здесь! Я лучше знаю, что говорю! – вошёл Ладислав отец Здены. Его зацепила первая часть фразы Януша, – ведь они нам ничего плохого не делают. Русские нам, особенно словакам, братья. Если бы не они, мы бы сейчас так не жили. Может кто-то вместо нас здесь бы сейчас и жил лучше, но это были бы не мы! Вы, молодёжь, ничего не понимаете! Это всё капиталисты вам мозги забивают чепухой! Но, всё же, может и впрямь, дочка, не стоит туда ходить!?

– Вот-вот, не стоит! – подхватил Януш, – и вот вспомните меня все! Очень скоро всё изменится! Вы поймёте, что такое жить по-настоящему! Вот вы тогда вспомните меня! А капиталисты – посмотрите, как они живут! Куда круче нас строителей социализма! А пока здесь оккупанты, шансов у нас на изменения нет, так же как и в 68-м!

– Да вот и я так думаю, что изменится! Все кругом так думают. Только к лучшему ли?! Хотя и я согласен, что нам чья бы то ни была чужая армия не нужна. Только всё это не так просто, сынок! Нам самим трудно будет!

– А это мы ещё увидим! Немцы нам помогут! – Януш поджал губы.

– Не-е-мцы? – брови отца удивлённо сдвинулись. – Эти помогут! Конечно! Они помогут! – он удалился, было не очень понятно в последней фразе, то ли он согласен, то ли нет. Здена углубилась в работы по кухне. Её не очень-то интересовал этот спонтанно возникший «дискуссионный клуб». Януш, оставшись в гордом одиночестве, махнул рукой в сторону кухни и выскочил на улицу. Было очевидно, что он продолжал тихо подбешиваться и не хотел оставаться на приглашенную трапезу. Здена посмотрела ему вслед в окно с лёгкой иронией и махнула рукой.

«Уж эти советские оккупанты!..» – в её памяти всплыла та давнишняя забавная встреча в Ружомберке с одним из них.

«Наивный, немного странный, диковатый какой-то, но прикольный „военские“, совсем как в школьных учебниках, больше как воин освободитель, совсем не похож на оккупанта, – подумала она, – жаль, что больше никогда не увидимся! Да и незачем это! Был бы он словаком, тогда – другое дело!» – Здена задумчиво посмотрела в темнеющее окно...

70-летие Великого Октября в ЧССР ***Пролетарии всех стран, соединяйтесь!***

«Государство,.. – говорил Энгельс, – ... есть продукт общества на известной ступени развития; государство есть признание, что это общество запуталось в неразрешимом противоречии с самим собой, раскололось на непримиримые противоположности, избавиться от которых оно бессильно. А чтобы эти противоположности, классы с противоречивыми экономическими интересами, не пожрали друг друга и общество в бесплодной борьбе, для этого стала необходимой сила, стоящая, по-видимому, над обществом, сила, которая бы умеряла столкновение, держала его в границах «порядка»...

...«Так как государство возникло из потребности держать в узде противоположность классов, ...то оно ...является государством самого могущественного, экономически господствующего класса, который при помощи государства становится также политически господствующим классом и приобретает, таким образом, новые средства для подавления и эксплуатации угнетенного класса»...

...Не только древнее и феодальное государства были органами эксплуатации рабов и крепостных, но и современное представительное государство есть орудие эксплуатации наемного труда капиталом.

...Мы приближаемся теперь быстрыми шагами к такой ступени развития производства, на которой существование этих классов не только перестало быть необходимостью, но становится прямой помехой производству. Классы исчезнут так же неизбежно, как неизбежно они в прошлом возникли. С исчезновением классов исчезнет неизбежно государство...

Приведем все рассуждения Энгельса об «отмирании» государства: «Пролетариат берет государственную власть и превращает средства производства, прежде всего в государственную собственность. Но тем самым он уничтожает самого себя как пролетариат, тем самым он уничтожает все классовые различия и классовые противоположности, а вместе с тем и государство как государство... На деле здесь Энгельс говорит об «уничтожении» пролетарской революцией государства буржуазии, тогда как слова об отмирании относятся к остаткам пролетарской государственности после социалистической революции. Буржуазное государство не «отмирает», по Энгельсу, а уничтожается пролетариатом в революции. Отмирает после этой революции пролетарское государство или полугосударство.³¹

7 ноября 1987 г. г. Ружомберок

Расположение 9-й роты.

– Рота-а-а! Выходи рассаживаться в расположении! – прозвучала команда дежурного по роте.

Солдаты лениво выползали из кубриков, рассаживаясь перед телевизором на табуретах.

³¹ («Государство и революция». В. И. Ленин 1917 г.)

Телевизионный ящик начинал вещать исторический программный доклад Горбачёва «Октябрь и перестройка: революция продолжается» с Торжественного заседания в Кремлёвском зале, посвященного 70-летию Великой Октябрьской Социалистической революции!³²

– Дорогие товарищи! Уважаемые зарубежные гости! Семь десятилетий отделяют нас от незабываемых дней Октября 1917 года... Октябрь – поистине «звездный час» человечества... Октябрьская революция – это революция народа и для народа... для его освобождения и развития...

– ...история еще не знала такого периода, который прошла наша страна после победы Великого Октября. И нет выше чести, чем идти путем первопроходцев...

– Юбилей – это момент гордости. Гордости свершенным. Тяжелейшие испытания выпали на нашу долю. И мы выдержали их с честью...

– Юбилей – это момент памяти. О тех миллионах людей... О тех, кто варил сталь, сеял хлеб, учил детей... Скорбной памяти о тех, кто, защищая Родину, пал в бою...

– Юбилей – это момент размышлений. О том, как непросто и неоднозначно складывались порой наши дела и судьбы...

– Юбилей – это и взгляд в будущее...

– Путь Октября – путь первопроходцев... Товарищи! Наш путь первопроходцев огромен и сложен... Пройденное – его героизм и драматизм – не может не волновать умы современников. История у нас одна, она необратима. И какие бы эмоции она ни вызвала – это наша история, она дорога нам... (*Аплодисменты.*)

– Тошев! Не спать! – усатый старлей рявкнул густым баритоном. Тот встрепенулся:

– Тошев нэ спат! – с возмущенным оправданием заявил солдат.

– Сам себе команды даёшь, джигит?

– Не мне спать!

– Разговоры, боец!

Солдат затих, тупо уткнувшись в пустой конспект для политзанятий, бормоча себе под нос ругательства на узбекском.

– Трудящиеся всех наций!.. сегодня мы приветствуем здесь непосредственных участников Великой Октябрьской Социалистической Революции!.. Октябрьская революция – при всей противоречивости... явилась закономерным результатом... многовековой борьбы трудящихся за свободу и мир...

– ...в XX веке вперед идти нельзя, не идя к более высокой форме социальной организации – к социализму... Революция в России стала как бы вершиной освободительных устремлений, живым воплощением мечтаний лучших умов человечества... Февральская революция дала в руки Октября главное оружие – организацию власти в лице возрожденных Советов...

– В силу инерции, после февральской революции власть захватила буржуазия... Февраль – первый опыт реального демократизма... «Апрельские тезисы» – образец революционных действий...

– Вспомним июльские дни 1917 года. С какой болью партия была вынуждена отказаться от лозунга передачи всей власти Советам. Но иначе поступить было нельзя, ибо Советы оказались на некоторое время в руках эсеров и меньшевиков и бессильными перед лицом контрреволюции...

³² (Доклад на совместном торжественном заседании ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, в Кремлевском Дворце съездов, 2 ноября 1987 г.)

Рядовой Моше что-то записывал в своей тетради для политзанятий. Он был один из немногих, с интересом конспектирующих «исторический доклад». Горбачёв воодушевлённо продолжал:

– ...марксизм-ленинизм как творческое учение – не набор готовых рецептов и доктринерских предписаний. Чуждое узколобому догматизму...

– Как известно, многие даже крупные деятели рабочего движения того времени отказывались видеть в Октябрьской революции закономерное явление: она-де произошла «не по правилам»... Российский капитализм, по их представлениям, не создал к Октябрю 1917 года все необходимые материальные и культурные предпосылки социализма... Догматически, педантски трактуящим марксизм не дано понять главного в этом учении – его революционной диалектики...

– Как известно, Ленин критиковал ограниченности «кооперативного социализма». В конкретных же условиях, которые сложились после Октября,.. он по-новому взглянул на этот вопрос. В статье «О кооперации» разрабатывается положение о социализме как обществе «цивилизованных кооператоров»... Таковы были сила и смелость марксистской диалектики, ... Ленин считал, что в созидании нового мира «доделывать, переделывать, начинать сначала придется нам еще не раз»³³ ... Партия предложила план индустриализации... Могла ли партия избрать другой курс? – Нет, не могла!

– ...за короткий срок мы проделали то, на что другим понадобились столетия. (Аплодисменты.)

– Социалистическая революция свершилась в стране... с преобладанием крестьянского населения... Страна до крайности была разорена империалистической войной и бездарным управлением.

– ... в живом творчестве масс... выкристаллизовывались принципы и нормы будущего социалистического устройства.

– Но НЭП имел и более дальний прицел. Была поставлена задача строить новое общество «не на энтузиазме непосредственно, – как писал Ленин, – а при помощи энтузиазма, рожденного великой революцией, на личном интересе, на личной заинтересованности, на хозяйственном расчете...

– Так сказала нам жизнь. Так сказал нам объективный ход развития революции».

Недавно пришедший со сборов, новоиспечённый водитель БТРа узбек Гулямов исподтишка грыз курт³⁴.

Загиров о чём-то заговорщицки договаривался с Ахмедовым.

А Михаил Сергеевич всё говорил, преисполненный вдохновения.

– ...действие основного принципа социализма: «От каждого – по способностям, каждому – по труду»...

– Период после Ленина – 20-е и 30-е годы – занял особое место в истории Советского государства... Это были годы упорного труда на пределе человеческих возможностей, острой и многоплановой борьбы... у нас в стране, так и за рубежом, где наряду с поисками истины нередко предпринимаются попытки дискредитировать социализм как новый общественный строй, как реальную альтернативу капитализму...

– ...нам нужны правдивые оценки этого и всех других периодов нашей истории особенно сейчас, когда развернулась перестройка, – нужны не для того, чтобы сводить политические счёты,.. а для того, чтобы воздать должное всему героическому, что было в прошлом, извлечь уроки из ошибок и просчетов...

³³ (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 224.)

³⁴ (Твердые сушено-солёные сырные шарики. Любимое лакомство в Средней Азии).

– ...мелкобуржуазная натура взяла верх у некоторых авторитетных деятелей... Это относится прежде всего к Л. Д. Троцкому... всегда виляющего и жульничающего политика. Троцкий и троцкисты отрицали возможность построения социализма в условиях капиталистического окружения. Во внешней политике делали ставку на экспорт революции, а во внутренней – на «завинчивание гаек» по отношению к крестьянству, на эксплуатацию деревни городом, на перенесение в управление обществом административно—военных методов...

– В этих условиях необходимо было всенародно развенчать троцкизм, обнажить его антисоциалистическую сущность...

– Таким образом, руководящее ядро партии, которое возглавлял И. В. Сталин, отстаивало ленинизм в идейной борьбе...

– ...и глядя на историю трезвыми глазами, учитывая всю совокупность внутренних и международных реальностей, нельзя не задаться вопросом: можно ли было в тех условиях избрать иной курс, чем тот, который был предложен партией?

– Если мы хотим остаться на позициях историзма, правды жизни, ответ может быть один: нет, нельзя... (*Аплодисменты.*)

– Комиссар! Проследи, чтобы у каждого был конспект по этому докладу написан, как положено! – бросил ротный Тимофееву.

– ...совершенно очевидно, что именно отсутствие должного уровня демократизации советского общества сделало возможными и культ личности, и нарушения законности, произвол и репрессии 30-х годов... Массовым репрессиям подверглись многие тысячи членов партии и беспартийных. Такова, товарищи, горькая правда. Был нанесен серьезный ущерб делу социализма и авторитету партии. И мы должны прямо сказать об этом... Сейчас много дискуссий о роли Сталина в нашей истории. Его личность крайне противоречива. Оставаясь на позициях исторической правды, мы должны видеть как неоспоримый вклад Сталина в борьбу за социализм... так и грубые политические ошибки, произвол, допущенные им и его окружением... Иногда утверждают, что Сталин не знал о фактах беззакония. Документы, которыми мы располагаем, говорят, что это не так. Вина Сталина и его ближайшего окружения перед партией и народом за допущенные массовые репрессии и беззакония огромна и непротерпима. Это урок для всех поколений.

– ...культ личности не был неизбежным. Он чужд природе социализма, представляет собой отступление от его основополагающих принципов и, таким образом, не имеет никакого оправдания. На XX и XXII съездах партия сурово осудила и сам культ Сталина, и его последствия...

– Комиссар, поди сюда! – Сидоренко махнул рукой Тимофееву в сторону канцелярии, – манов³⁵ на торжественное собрание в Дом Культуры в город сегодня сам поведёшь. Там потом и встретимся!

– Понял.

А из телевизора всё неслоь:

– ...сегодня на Западе активно обсуждается ситуация кануна войны. Правду перемешивают с полуправдой. Особенно рьяны те, кто недоволен итогами второй мировой войны... В этом контексте прибегают к любой лжи, чтобы взвалить на Советский Союз вину за вторую мировую войну, путь для которой был якобы открыт пактом Риббентропа – Молотова о ненападении...

– В сущности, вторая мировая война стала трагической реальностью отнюдь не 1 сентября 1939 года. Захват Японией Северо—Восточного Китая («маньчжурский инцидент» 1931—1932 годов), нападение Италии на Эфиопию (1935 год) и Албанию (весна 1939 года), германо-итальянская интервенция против республиканской Испании (1936—1939 годы), воору-

³⁵ (Так ротный именовал бойцов)

женное вторжение Японии в Северный, а затем в Центральный Китай (лето 1937 года) – вот они, начавшиеся пожары второй мировой войны.

– Другой вопрос, что тогда на Западе еще делали вид, будто это их не касается... Больше того, фашизму настойчиво предлагалась миссия ударного отряда в крестовом антикоммунистическом походе. Вслед за Эфиопией и Китаем в топку «умиротворения» полетели Австрия, Чехословакия, меч завис над Польшей, всеми государствами Балтийского моря и Дунайского бассейна, в открытую велась пропаганда превратить Украину в пшеничное поле и скотный двор «третьего рейха». В конечном счете основные потоки агрессии канализировались против Советского Союза... Говорят, что решение, которое принял Советский Союз, заключив с Германией пакт о ненападении, не было лучшим. Возможно, и так, если руководствоваться не жесткой реальностью, а умозрительными абстракциями, вырванными из контекста времени...

– СССР сделал многое, чтобы... предотвратить всемирную бойню. Но советские инициативы не встретили отклика у западных политиков...

– ...западные правящие круги, пытаясь отмыть свои грехи, стараются убедить людей, что старт нападению нацистов на Польшу и тем самым второй мировой войне дал советско-германский пакт о ненападении от 23 августа 1939 года. Как будто и не было ни Мюнхенского соглашения с Гитлером, подписанного Англией и Францией еще в 1938 году при активном содействии США, ни аншлюса Австрии, ни распытия Испанской республики, ни оккупации нацистами Чехословакии и Клайпеды, ни заключения в 1938 году Лондоном и Парижем пактов о ненападении с Германией. Кстати, заключила подобный пакт и довоенная Польша. Все это, как видите, вполне укладывалось в структуру империалистической политики, считалось и считается в порядке вещей...

– Когда в наш общий дом пришла огромная беда, советский народ не дрогнул, не согнулся ни под ударами первых неудач и поражений, ни под тяжестью миллионов смертей, мук и страданий. С первого дня войны он твердо верил в грядущую Победу. В солдатской шинели и рабочей спецовке он сделал все, что было на пределе и сверх предела человеческих сил, чтобы приблизить этот долгожданный день. И когда на 1418-й день войны пришла Победа, весь спасенный мир вздохнул свободно, воздавая должное советскому народу – победителю, герою и труженику, его доблестной армии, прошедшей с боями тысячи километров, каждый из которых стоил многих жизней, немалой крови и пота... (*Аплодисменты.*)

– Саядян! – конспектик свой мне на стол после!

– Таварэш лейтенант, а чё Саядян?

– Пыши Хачик! Я лычно прослэжу! – Ахмедов подмигнул Загирову. Тот хохотнул.

– Правильно, Ахмедов! Проследите! И да, Ахмедов, ваши с Загировым конспекты мне так же на стол! – лейтенант изобразил ухмылку.

Загиров выругался, хлопнул конспектом Ахмедова, тут же получив адекватную сдачу, и вяло стал демонстративно возить ручкой в тетради.

– ... в середине 50-х годов, особенно после XX съезда КПСС, над страной пронесся ветер перемен, народ воспрянул, ожил, стал смелее и увереннее...

– ... темпы нашего развития серьезно замедлились... ... в последние годы жизни... Л. И. Брежнева... Усилился разрыв между словом и делом... Ответом на эту острейшую общественную потребность и явились выдвинутые апрельским (1985 года) Пленумом ЦК концепция и стратегия ускорения социально-экономического развития страны, курс на обновление социализма,.. которые... и оформились в генеральную линию революционной перестройки всех сторон жизни социалистического общества.

Едва Саядян начал клевать носом, как получил подзатыльник Ахмедова...

– Товарищи! Мы идем революционным путем, а это дорога не для слабых и робких; это дорога для сильных и смелых. Таким всегда был советский народ...

– Товарищи! К выводу о необходимости перестройки нас привели жгучие и неотложные потребности...

– Цель перестройки – теоретически и практически полностью восстановить ленинскую концепцию социализма...

– Демократизация общества – душа перестройки...

– Задача состоит в том, чтобы прививать людям вкус к самостоятельности... развивать самоуправление как власть народа...

Солдаты боролись со сном. Очевидно, что им было не интересно. А многие, весьма плохо понимая по-русски, просто были не в силах понять суть произносимого.

– Товарищи! Мы справедливо говорим, что национальный вопрос у нас решен... Одним из величайших завоеваний Октября является дружба советских народов. Она сама по себе – уникальное явление в мировой истории...

– Будем же беречь, товарищи, наше великое общее достояние – дружбу народов СССР. (*Аплодисменты.*)

– И поэтому никогда не будем забывать о том, что мы живем в многонациональном государстве...

– Будем действовать по-ленински: максимально развивать потенциал каждой нации, каждого из советских народов. (*Аплодисменты.*)

– ...растут доходы трудящихся. Повышена заработная плата учителям и врачам. Реализуются крупные программы в области образования и медицинского обслуживания населения...

– Но было бы неправильно не видеть определенного усиления сопротивления консервативных сил, усматривающих в перестройке угрозу своим корыстным интересам и целям...

– Надо учиться распознавать, выводить на чистую воду, нейтрализовать маневры противников перестройки – тех, кто тормозит дело, вставляет палки в колеса, злорадствует по поводу трудностей и неудач, кто пытается тянуть нас в прошлое...

– Перестройка продолжает дело революции. И сегодня крайне необходимо умение в совершенстве владеть оружием революционной выдержки...

– ...партийные руководители, коммунисты разбудили инициативу и самодеятельность масс, смело встали на путь демократизации и гласности, внедрения хозрасчета, коллективного подряда...

Загиров и Ахмедов дружно уснули, застыв в положении сидя...

– ...удалось предотвратить развязывание ядерной войны, не дать империализму выиграть «холодную войну». Вместе со своими союзниками мы нанесли поражение империалистической стратегии «отбрасывания социализма», Империализму пришлось умерить свои притязания на мировое господство...

– ...мы достаточно ясно сказали всем о том, как мы представляем себе движение к безопасному, прочному миру.

– ...государства Варшавского Договора обратились к НАТО, ко всем европейским странам с предложением сократить вооруженные силы и вооружения до уровня разумной достаточности.

– ...одним из убедительных тому подтверждений является договоренность с Соединенными Штатами Америки о заключении в ближайшее время соглашения по ракетам средней дальности и оперативно-тактическим ракетам.

– ...в состоянии ли капитализм освободиться от милитаризма, может ли он экономически функционировать и развиваться без него?..

– ...может ли обойтись капиталистическая система без неокOLONиализма, который является одним из источников ее нынешнего жизнеобеспечения? Иначе говоря, в состоянии ли эта система функционировать без неэквивалентного обмена с «третьим миром», чреватого непредсказуемыми последствиями?

– ...насколько реалистична надежда на то, что понимание катастрофической опасности, в которой находится мир...

– ...сможет ли капитализм адаптироваться к условиям безъядерного и разоруженного мира, условиям нового, справедливого экономического порядка, условиям честного сопоставления духовных ценностей двух миров?..

– ...экономика Соединенных Штатов со времен войны была неизменно ориентирована и опиралась на милитаризм...

– Ахмедов!.. Рота-а-а! Встать! Спим, товарищи солдаты!?. Сесть! Встать! Сесть! Встать!.. Первый комплекс вольных упражне-ний начи-най! – Тимофеев растревожил сонное царство... А Михайло Сергеевич всё вещал и вещал...

– Третий момент – неэквивалентные, эксплуататорские отношения с развивающимися странами... развитой капитализм не смог и не сможет обойтись без ресурсов этих стран. Это – объективная реальность.

– Ставка на разрушение исторически сложившихся мирохозяйственных связей опасна и выхода не даст. Но и пользование чужими ресурсами неокOLONиалистскими методами, произвол транснациональных корпораций, долговая кабала, триллионные, явно неоплатные долги заводят в тупик. Это порождает серьезные проблемы и внутри самих капиталистических стран...

– А суть их в том, чтобы сделать «третий мир» своеобразным козлом отпущения за многие трудности, в том числе – за падение жизненного уровня в метрополиях капитала.

– ...пока опасность войны сохраняется, пока социальный реванш остается стержнем стратегии и милитаристских программ Запада, мы и впредь будем делать все необходимое для поддержания оборонной мощи на уровне, исключающем военное превосходство империализма над социализмом. (*Аплодисменты.*)

– Укрепление дружбы и всемерное развитие сотрудничества с социалистическими странами – главный приоритет международной политики Советского Союза! Приветствуя сегодня делегации социалистических стран, мы в их лице приветствуем народы социалистических стран! (*Аплодисменты.*)

– ...вместо эгоизма – коллективизм. Вместо эксплуатации и угнетения – свобода и равенство. Вместо тирании меньшинства – подлинное народовластие. Вместо стихийной и жестокой игры общественных сил – растущая роль разума и гуманности. Вместо распрей, розни и войн – общечеловеческое единение и мир...

– Каким будет мир, когда он перешагнет вековую отметку нашей революции, каким будет социализм?.. Не будем гадать. Но обязаны помнить, что именно сегодня закладываются основы будущего. И наш долг – сохранить нашу неповторимую цивилизацию, саму жизнь на Земле...

– В октябре 1917 года мы ушли от старого мира, бесповоротно отринув его. Мы идем к новому миру – миру коммунизма. С этого пути мы не свернем никогда! – эта фраза из последних прозвучала как залп салюта, как выстрел шампанского, увенчивая финал столь словообильного блестящего доклада генсека бурными и продолжительными аплодисментами...

КПП.

И вот, подразделения одно за другим пересекали КПП части, направляясь к городскому дому культуры, любезно предоставившему свои стены для торжественного собрания полка, концерта художественной самодеятельности и выступления, приехавших по такому случаю звезд Советской и Чехословацкой эстрады.

Важнейшее событие в жизни страны. Что там страны – важнейшее событие в жизни всего Прогрессивного Мирового Сообщества!

Город пестрел соответствующими красными плакатами со знакомой революционной символикой и какими-то надписями на словацком.

Тимофеев, поблёскивая отполированными голенищами глаженных сапог, цокал по мощённой словацкой улице.

– Привет! Прокатиться нэ желаешь? – откуда-то вынырнул Мамука Гиоргадзе, лейтенант с соседствующей комнаты по общаге.

– Здорово! Смотря куда. Я веду вообще-то роту на Торжественное Собрание, – Влад бросил серьёзный взгляд на тяжело дышащего Мамуку.

– Да хрен его знает, какая разница, хочешь, пойдём со мной к начштаба, он всё и объяснит. Им нужно два лейтенанта. Я уже есть, мне сказано ещё одного выбрать с собой, – Мамука покосился на роту, весело бухающую яловыми сапогами по мостовой, в предвкушении пары часов безделья в Доме Культуры, любопытно разглядывающую редких проходящих мимо женщин, и с наслаждением, вдыхая атмосферу «заморской» гражданской жизни.

– Пусть тебя кто-нибудь подменит.

– Кто? Кто может меня подменить? Командир роты? Не смей!

– Ладно, как хочешь, – Мамука крутанулся на подковах каблук... .

В «Шкодовке».

Час спустя Владислав и Мамука тряслись в «Шкодовке»³⁶ в сопровождении чехословацкого подполковника, который был за рулём. Они находились в приподнятом состоянии духа, насыщенного авантюризмом.

– Вы – представители советской стороны. Представители нашей части. Направляетесь по приглашению «Общества Советско-Чехословацкой дружбы», и должны вести себя как подobaет советским офицерам,.. – полчаса назад начштаба дал краткий инструктаж двум лейтенантам-везунчикам, командированным подальше от серости армейских будней... .

Позади остались серые очертания казарм, жёлтые угрюмые стены комнаты в офицерской общаге, перекошенное от злости лицо командира полка, нахальные чёрные чубы, выбивающиеся из-под солдатских «жучек»³⁷.

Всё, всё это осталось позади. И городской дом культуры, и общеполковая вечерняя поверка, и «сухой закон». Они не знали, куда их везут, они не знали, когда их вернут назад, и вернут ли вообще. Они ничего толком не знали. И не хотели знать. В свои двадцать лет, проведя свои последние четыре – первые свои юношеские четыре года практически в полной изоляции, ограждённые стенами училищ от внешнего мира, они были открыты к любым переменам в их повседневной жизни. Скажи им сейчас, что их везут на войну. Едва ли это сменило бы выражения их лиц, любопытно выглядывавших из окон несущейся по перевалу «Шкодовки».

(Когда-то, в первые годы в училище, выполняя команды «правое плечо вперёд» или «левое плечо вперёд», длиннющая, как кишка удава, курсантская колонна, меняя направление движения, впадала в обидный ропот, мучаясь терзаниями типа – «Куда нас везут?», «Зачем?», «Для чего?», «Почему?». Спустя время, в последние годы учёбы, терзаний и вопросов, типа: куда, зачем, почему, не было. Все молча выполняли команды, а в мыслях было иное – пойти в увал или в «самоход», пожарить в общаге стёртый в столовке картофан, да погладить старым утюгом с парафином и ваксой на казарменной крыше, натянутые на деревянные колодки хромачи...)

Так и теперь. Всё ясно в общих чертах. А детали – выясним по ходу. И насладимся каждым мгновением жизни, которая уже и за то замечательна, что она «другая», а не повседневная

³⁶ (Автомобиль «Шкода»)

³⁷ (Солдатские шапки из искусственного серого меха)

рутинная! За окнами мелькали красивые, почти сказочные словацкие деревушки. Надвигались сумерки. Снега за окнами становилось всё больше.

Лейтенанты с любопытством смотрели в окна, рассматривая всё подряд.

– Странно так. Вот едем сейчас по Чехословакии. А в прошлом году в этот день был, как обычно, парад в Новосибирске на площади имени Свердлова, как и сейчас, – прервал тишину Тимофеев, – тогда на улице было 26 градусов мороза! Странно, что людей заставляет вылезать на такой мороз смотреть парад. Правда, некоторые из гражданских зевак, едва на ногах держатся от алкоголя. Тогда, днём – для участников парада – обычно был концерт в оперном. А до этого по ночам – тренировки. На старшем курсе наш батальон, перед ночной тренировкой, как-то на два часа по городу распустили. Прикинь! Триста человек примерно с автоматами по городу, по магазинам расползлись! Гражданские фигели.

– Как вас патом собрали? Нас так ныкогда нэ распускали.

– А мы дрессированные были. Один если опоздает, потом весь батальон накажут. Так что потом свои загнобят, если опоздаешь. Так тут никто не смел. Зубами землю будешь грызть, но придёшь в срок!

– Замполиты среди вас есть? – с акцентом, но по-русски прервал их беседу Чехословацкий подполковник, любезно улыбаясь «зелёным» советским лейтенантам.

– Есть. Я! – вяло выговорил Тимофеев.

– О-отлично! Во-от вы-то и будете говорить приветственное слово от Советской стороны! Не против? Знаете что сказать-то? – улыбался подполковник, демонстрируя хороший русский с совсем небольшим акцентом, – это очень важно! Ну, если что, я могу помочь... – продолжал подполковник, слыша растерянное молчание в ответ.

– Я скажу. Я знаю что сказать, – наконец-то ответил Владислав, вспоминая длинную речь Горбачёва...

Штребске Плесо

Сняв голубые парадные шинели и стянув белые перчатки, офицеры вошли в зал. Большой зал. Огромный, практически свадебный, буквой «П» стол посередине. «Батарей» бутылок на нём. Белое словацкое вино, Слиовица,³⁸ что-то ещё. Не плохо в условиях-то советского «сухого закона»! Пока ещё нет закусок. Ни холодца, ни «оливье», ни «шубы», ни жареных курей, «поросей», «осетрей». Ни икорочки «заморской – баклажанной», – проще говоря, нет ничего. Только рюмки и бутылки...

Увидев вошедшую советскую делегацию, выгодно выделявшуюся среди окружающих «хозяев» собрания яркими кителями цвета морской волны, ослепившем зал золотом погон и аксельбантов, зеркальным блеском сапог, люди, уже скучающие здесь в ожидании, оживились. Те, кто сидел, встали. Все обменивались приветствиями и улыбками.

Вошли дополнительно люди в штатском и в скучных зелёных чехословацких военных мундирах, присоединились к «президиуму» за столом, где в самом почетном месте уже расположились наши «блестящие» лейтенанты. Зазвучали по очереди гимны Советского Союза и ЧССР. Все: и штатские, и военные, и мужчины, и женщины – замерли стоя...

– Товарищи! От имени советской делегации я рад приветствовать наших чехословацких братьев! Мотив нашего собрания – это великий исторический день, изменивший ход всей мировой истории! Октябрь – это звёздный час человечества! А эта юбилейная дата – наш с вами взгляд в будущее!..

³⁸ (Водка, сырьём для получения сливовицы служит сброженный сливовый сок), Боровичка* (*Словацкая водка Borovička, крепостью от 37% до 55%, наподобие джина, получаемый повторной дистилляцией зернового спирта, настоянного на ягодах можжевельника обыкновенного, – дрянь редкостная)

Тимофеев фактически открыл своей приветственной речью данное мероприятие. Минут пятнадцать или более слова лились из него как из рога изобилия.

– ... мы прошли большой, трудный героический путь! Слишком велик был импульс Октября!.. Но сегодня импульс мирового освободительного движения ослабевает. Сегодня перед нами формируется новая реальность и нам необходимо с этим считаться,.. нам необходимо бороться за чистый и честный облик партии... Перестройка – это не только преодоление застоя! Это не только реформирование народного хозяйства наших стран на основе повышения самостоятельности, творчества и инициативы, ответственности, на основе принципов самофинансирования и хозрасчёта. Это реализация в жизнь на деле основного принципа социализма: «От каждого – по способности, каждому – по труду!..»

Многие из присутствующих делали быстрые пометки в блокнотах, наспех конспектировали сказанное.

– ...А теперь вопрос: «Сможет ли капитализм адаптироваться к безъядерному миру?» Капитализм сегодня перед жёстким выбором: доводить ли мир до грани взрыва?..

Лейтенанта переполняло чувство значимости изливавшихся из него слов, осознание важности момента, ответственности не только за себя лично, а за свою часть, да что там часть – за всю свою Советскую Родину!..

– ...Октябрь, Партия, Перестройка и Советско-Чехословацкая дружба неразделимы! – Тимофеев, наконец, закончил свою длинную речь, способную утомить любого! Однако на лицах присутствующих, к удивлению, не было усталости, на них было оживленное любопытство и энтузиазм от услышанных пламенных слов лейтенанта.

Это был настоящий триумф! Зал буквально взорвался долгими и продолжительными аплодисментами «чехословацких товарищей». Далее слово взяла встречающая сторона... Говорили долго и много. И всё об одном и том же. Что ж, все здесь имеют за честь видеть советскую делегацию, которая прибыла к ним разделить их радость этого великого события. Ведь именно Октябрь принёс победу социализма и в ЧССР, хотя и только по окончании Второй Мировой! Именно Советская армия освободила Чехословакию от немецко-фашистских захватчиков, а сегодня является залогом их мирного существования и стабильности. И всё же чертовски приятно слышать эту прописную истину снова и снова!

И вот, закончились речи. Вовсю шёл «банкет». Присутствующая здесь молодёжь окружила лейтенантов, рассматривая их с нескрываемым любопытством.

Некоторые трогали пагоны, щупали жёсткие цилиндры глянцевых голенищ сапог.

– Хрумки! – изящная девушка с тёмными, как маслины глазами, в которых искрилось озорство, протянула блюдо, где желтела горка каких— то шариков, напоминавших кукурузные палочки. Подобные «закуски» быстро, но не слишком богато наполнили стол... Её глаза удивлённо упёрлись в лейтенанта. Она покраснела и отвела взгляд...

– Зденка? – Влад узнал ту самую девушку, которую он встретил тогда, в первый свой день в городе!

Она лишь бросила на него удивлённый взгляд, улыбнулась в ответ. Поставила «блюдо» и юркнула куда-то. Сердце у Тимофеева забилось учащённо. Мамука проводил девушку взглядом, полным аппетита. В желудках офицеров «гулял ветер» и, поняв, что от гостеприимных «хлебосольных» чехословацких друзей большего ожидать не придётся, поморщившись, бросили они по пару жменей этого «добра» в свои урчащие «топки». Взглянули на наполненные бокалы и, вспомнив про «сухой закон», как бы в нерешительности «зависли» на время.

– Ишти-пийти, – кивал Чехословацкий подполковник, который их привёз.

– Пийти, пийти, – повторил капитан, которому их сразу же представили по прибытии, и который сопровождал их повсюду, как «хвостик».

Наконец, Тимофеев разыскал глазами Здену, подошёл.

– Яко се велаш? – спросил Влад черноглазую девушку, тренируя свой мизерный запас словацких фраз, услышанных в «тот» вечер их первой встречи.

– Запомнили, как спросить моё имя, но само имя забили? – живо по-русски, почти чисто, задала встречный вопрос она.

Его потешило слово «забили», он усмехнулся про себя.

– Вас Здена зовут. Я помню. Как же! – Влад покраснел.

Её глаза излучали лукавство. Её тёмно каштановые волосы мягко спадали на плечи. Пушистая кофточка нежно облегла её хрупкую, полную женственности фигуру. Губы, в которые хотелось впитаться страстным поцелуем, изобразили божественную улыбку, обнажив белые жемчужины зубов, которая, казалось, наполнила своим лучезарным светом всю эту залу.

– Се ми пачиш, – продолжил свою языковую практику лейтенант.

– Вы мне тоже нравитесь, – слегка покраснев, ответила по-русски девушка. И, рассмеявшись, поставила очередное блюдо с «хрумками» на стол и куда-то исчезла, смешавшись с толпившейся молодёжью.

– Что, испугал человека? Ай-яй-яй! – напущено пожурил друга Мамука, всё это время стоявший по правую руку от Владислава.

– Да, ладно, давай накатим по рюмашке! – Тимофеев протянул руку с фужером, приподнял подбородок, отвёл согнутый локоть в сторону... Множество фужеров вокруг изобразили в унисон хрустальный звон, поддерживая советских офицеров.

– За сухой закон! – шепнул Мамука Владу.

– Точно! – усмехнулся Тимофеев.

– Вот я ещё чачу привезу из дома! Двэ канистры! Вот выпьем тогда! Сухой закон мокрым станэт от слёз!

– Ха-ха-ха!

– Камарад! Добра униформа! – белобрысый гражданский словак пощупал погон Мамуки.

– Какая тебе униформа! – негодуяще возразил тот. – Это у фрицев было униформа, а у нас – форма! Советская форма! Понятно!?

Словак недоуменно хлопал глазами на Мамуку и лишь повторил:

– Добра униформа, рус, камарад! Добра! Фриц – нет...

– За наших советских камарадов, отцы и деды которых принесли нам свободу!.. – задвинул речь подполковник.

Все дружно с возгласами одобрения выпили:

– За советских камарадов!

Влад видел, что в свободном пространстве зала уже вовсю шли танцы. Но положение почётных гостей обязывало... И они продолжали находиться в окружении дружественных офицеров из «Československej armády» и важных штатских персон.

– Koľko je Vám rokov? – спросил мужчина лет 45-ти в коричневой жилетке поверх белой рубашки.

– Двадцать, – ответил Владислав, несколько смутившись.

– Такой молодой и уже лейтенантом?

– Да, поручики точно, или, как у нас говорят – лейтенанты! – офицеры заулыбались.

Влад только пожал плечами. Он слышал подобное уже не в первой. Но он не чувствовал за собой особой молодости.

Внутри его двадцатилетнего тела, казалось, сидел уже бывалый, закалённый, выдавший виды старый солдат.

Вдруг всплыла в памяти забавная сцена из кинофильма про Мюнхгаузена, с Янковским в главной роли:

– Негодяй! Он бросил жену с ребёнком!

– Я не ребёнок, я офицер! (Ермольник)

– Да! Он бросил жену с офицером!..

Тимофеев улыбнулся. Он любил этот фильм.

Но ведь он и, правда, советский офицер, а не какой—то там гражданский сопляк, сидящий под маминой юбкой! Он – и «отец» солдату, хоть практически и ровеснику, и «мамка» его! В той или иной мере, что-то в этом роде варил в своей голове практически каждый из лейтенантов.

Зазвучал «медляк». Мамука, облизываясь в душе, мерил жадным взглядом немногочисленные женские фигуры...

– Владик, – Мамука, постучав друга по руке, подтолкнул его, – давай, двигай! Не шкаль!

– Влад прицелился в растекшиеся по сторонам группки. Но не мог увидеть ту, которую искал.

– Вас можно пригласить? Я думаю, что тераз белый танец! Так у вас говорят? – услышал он из-за спины задорный голос. Это была Здена...

Он едва касался щекой шёлка её каштановых волос. Вдыхал пьянящий аромат её духов, исходивший от её нежной шеи. Его руки держали мёртвой хваткой её хрупкую талию, он чувствовал каждый её изгиб сквозь пушистую кофточку. Её нежные тонкие пальчики покоились на его жёстких «золотых» погонах. Он старался не наступить своими сапогами на её туфельки и едва касался коленями её бёдер, от чего по его спине пробегали тысячи мурашек. Его щеки налились как переспелые помидоры. Уши пылали пионерским костром. Казалось, свет погас вокруг. Казалось, что всё и вся исчезли вокруг. Он не мог выговорить ни слова. Да и не хотел ничего говорить, дабы не нарушить эту божественную идиллию. Его глаза говорили ярче всяких слов. А из его души шли, словно телепатические волны информации о том, что он безумно влюблён. Он сражён. Он околдован. И нет ничего на свете чище и нежнее его вспыхнувшего чувства, которое словно их обволокло вокруг, оградив от всего окружающего мира бетонным забором. Что там Мира – от всего Мироздания!

– Нам пора, – услышал, а точнее, – почувствовал Влад, как Мамука теребит его за рукав кителя, – музыка давно уже кончилась, да и банкет – тоже!

Влад и Здена стояли в центре зала одни. Нечаянно оказавшись в самом центре внимания, Влад почувствовал на себе множество взглядов и улыбок. Добрых улыбок, почти без издёвок. Но выражавших лишь сожаление и сочувствие: «Да, да, лейтенант. Но, нельзя! Нельзя! Нельзя!..»

Капитан, неразрывно сопровождавший советских гостей весь вечер, даже в туалет, снова подошёл.

– Preráďte kamarády, но Muzita очистить дома. Плюнул.

– Домой? Спать?! – Влад почувствовал себя почётным пленным гостем. Да. Всё хорошее быстро заканчивается. Слишком быстро...

В гостинице, куда их поместили, они довольно уютно расположились в двухместном номере.

– Я её найду! – Тимофеев было рванул в коридор, едва всё вокруг стихло. Но тут же осекся: в следующем за ними номере дверь была открыта настежь. Горел свет. Неразлучный капитан, оторвав голову от какой-то книги, посмотрел с улыбкой на Влада.

– Доброе утро! все хорошо?

– До-о-обре, добре в-в-в-жетко, – ошалело ответил Влад и сплюнул, вернувшись назад.

– Во, черти! Пасут паскуды! Мы здесь как в каком-то почётном плену. Шаг влево – расстрел на месте, а так, пока не рыпаешься, то, вроде, всё те на блюде с голубой окаемочкой!

Словно ведром ледяной воды его только что обдали. Но пыл не прошёл. Его лишь загнали куда-то внутрь, превратив острый приступ в болезнь хроническую.

«Нельзя! Нельзя! Нельзя! – твердил про себя Влад, вспоминая день своего „представления“ секретарю парткома полка и его назидания. – Обходитесь пятью нашими вольнонаёмными, лейтенант, если сможете, конечно, ха, ха, ха! А иметь хоть какие-то отношения с гражданами Чехословацкой Социалистической Республики строго настрого запрещено, хоть они нам и „братья по социалистическому лагерю“, но!..»

(«А что они там понимают про любовь!? Ведь как там Маркс писал: „Отношение мужчины к женщине есть естественнейшее отношение человека к человеку. Поэтому в нём обнаруживается, в какой мере естественное поведение человека стало человеческим, в какой мере человек стал для себя родовым существом, стал для себя человеком!..“ Что они себе понимают!..»)

Влад слышал, как сопит мирно Мамука, сказавший ему перед сном:

– Влад, не дури! Ложись и спи себе смирненько!

Но ему не спалось. Ему хотелось петь, лезть в окно, бежать куда-то туда, куда звало его пробуждённое юношеское сердце....

Лунный серп висел над соснами. Кружила лёгкая позёмка.

Лейтенантские кителя небрежно висели на стульях, поблескивая в темноте золотыми пагонами. Белые перчатки валялись на полу. Влад спал, ворочаясь от навалившихся сновидений, подмяв под себя казённую подушку...

*В душе трепещется волнение,
К щекам бежит крови волна.
Меня не мучают сомненья
Перед глазами ты одна!*

*Ещё с утра об этой встрече
мой разум не тревожил гнёт,
Не думал я, что этот вечер
Мне столько в жизни повернёт!*

В. Земша. 1985 г.

Золотопогонники

Во сне шёл Тимофеев по узкой улочке среди странных домиков со старыми неровными деревянными балками, скрещенными по стенам. Балки вторых этажей иногда выступали над первым, создавая подобие козырька. Он остановился возле фонтанчика, бьющего чистой питьевой водой из кранов в форме змеиных пастей, смотрящих на четыре стороны, попил. Рядом какой-то человек поставил ведро на кованую решётку, набрал воды. Далее он поднялся на пригорок. Стал спускаться по мощённой улочке вниз. Приостановился. Дверь в дом была приоткрыта. Он зашёл внутрь. Мужчина в жилетке ходил возбуждённо по комнате. В углу – письменный стол. Настольная лампа с зелёным абажуром.

– Восстание, чтобы быть успешным, должно опираться не на заговор, не на партию, а на передовой класс. Это, во-первых. Восстание должно опираться на революционный подъём народа. Это, во-вторых. Восстание должно опираться на такой переломный пункт в истории нарастающей революции, когда активность передовых рядов народа наибольшая, когда всего сильнее колебания в рядах врагов и в рядах слабых половинчатых нерешительных друзей революции. Это, в-третьих. Вот этими тремя условиями постановки вопроса о восстании и отличается марксизм от бланкизма, – заявил человек с бородкой, залысинами и слегка раскосо поса-

женными глазами, – ... отказаться от отношения к восстанию, как к искусству, значит изменить марксизму и изменить революции.

– Пока, сударь, вы загораете себе преспокойно в Швейцарии, рассуждая о революции, как искусстве, в России уже свершилось то, о чём вы и мечтать не смели, – в комнату вошёл человек в пенсне, – ещё немного и ваш «революционный поезд» окажется на задворках истории!

– Вы это о чём, милейший? – человек пристально упёрся в пришельца взглядом.

– Царь отрёкся от престола, и вся власть перешла в руки Временного Правительства во главе с Керенским!

– Не может быть! Что это? Заговор «англо-французских империалистов», чтобы задушить слабое большевистское подполье? Ну, что ж, господин Фриц Платтен, нам пора действовать. Незамедлительно! Мы должны исправить эту историческую ошибку, буржуазная революция должна перерасти в пролетарскую, и вы нам поможете. Необходимо осознавать всю важность момента. Сейчас или никогда! За нами верная победа, ибо народ совсем уже близок к отчаянию, а мы даем всему народу верный выход! Только наша победа в восстании положит конец измучившим народ колебаниям, этой самой мучительнейшей вещи на свете, – человек потёр подбородок.

– Ну, тогда необходимо спешить. Мы обеспечим вам прохождение через линию фронта и поддержим финансово. Немецкие власти и даже генерал Людендорф считают вашу переправку через линию фронта стратегической военной целесообразностью. Но не забывайте, что вашей платой за содействие будет заключение мирного договора с Германией, на уже ранее оговоренных условиях.

– Не извольте беспокоиться. Только наша победа в восстании сорвет империалистическую игру царской России с сепаратным миром против революции, сорвет ее тем, что предложит открыто мир более полный, более справедливый, более близкий мир в пользу революции.

– Вот именно! Лев Троцкий также присоединится к вам вскоре. За его спиной огромная финансовая поддержка со стороны американских банкиров, таких как мистер Джекоб Шифф, например.

– Думаю, наш любезный «доктор М» также не обошёл нас своим вниманием!

– А-а-а! Мистер Хаммер и американская коммунистическая партия? Уверен, этот мерзавец также не оставит вас. Парадоксально, но сегодня весь мир заинтересован в вашей революции. Даже политические противники. У вас открывается уникальная возможность.

– Отчего ж так?

– Вы получите власть, а мы – каждый своё. Влияние, территории, прощённые «старорежимные» долги. Колоссальные средства царского режима на счетах в банках всего мира! Вполне адекватная плата за ваш приход к власти, не так ли?..

Фахверковые стены швейцарских домиков заколебались, расступились, всё исчезло вокруг в водовороте времени. Лейтенанту открылась широкая российская набережная, забитая взволнованными людьми. Многие с тюками, массивными чемоданами. Женщины в шляпках и вуалях, солидные мужчины в сюртуках, офицеры с золотыми пагонами, матросы в бескозырках, с черно-жёлтыми ленточками, солдаты, казаки с красными лампасами, в папах, некоторые на лошадях. Некоторые люди с детьми на руках. Плачь, гомон, бедственное возбуждение отчаявшихся людей. Тяжёлые волны монотонно бились о камни пирса. Тяжёлое перегруженное судно издало сигнал и начало медленно отчаливать. Пирс взорвался криками, полными отчаяния. Люди махали руками, словно пытались схватиться за уходящую соломинку. Те, что толпились на теплоходе, молчали, глядя грустно на уходящий в прошлое берег. На суетящихся там людей. Этот причал разделил их на «по эту» и «по ту» стороны. И всё на прошлое и настоящее. Красивая вороная лошадь с казачьим седлом, покрытая крупными каплями пота, пахнувшая дёгтем и кожаными ремнями, туда-сюда носилась вдоль причала, люди шарахались

от неё в стороны. Вдруг лошадь, храпя, встала на дыбы, заржала и сиганула в накатывающиеся волны, вслед за уходящим судном...

– Что, бежите, золотопогонники?!

– К стенке тех, кто не успел бежать! – вдруг раздались крики на пирсе. И толчки и суета.

– Влад, подъём! Давай, тут нас камарады уже заждались! – Мамука тормозил товарища.

– Да встаю! – Тимофеев потер глаза. «Как неоднозначна эта революция, будь она неладна!» – в голове был полный сумбур.

Солнечный диск поднимался над соснами. Кружила лёгкая позёмка. Лейтенантские кителя всё ещё небрежно висели на стульях, поблескивая на солнечном свете золотыми пагонами...

*Уходили мы из Крыма
Среди дыма и огня;
Я с кормы всё время мимо
В своего стрелял коня.*

*А он плыл, изнемогая,
За высокою кормой,
Всё не веря, всё не зная
Что прощается со мной.*

*Сколько раз одной могилы
Ожидали мы в бою.
Конь всё плыл, теряя силы
Веря в преданность мою.*

*Мой денщик стрелял не мимо —
Покраснела чуть вода...
Уходящий берег Крыма
Я запомнил навсегда*

сл. Донского казака Николая Туроверова (1899 – 1972)

Пеньязы

Ноябрь 1987 г. Ружомберок.

Реставрация.

– Миро! Пеньязы ³⁹на бочку и бери товар, – поляк хлопнул ладонью толстой как бревно тагуированной руки по столу.

– Послушай, Ярек! Я скоро верну тебе все пеньязы! Будут деньги! Обещаю! – Мирослав смотрел на него глазами, полными жалобного моления.

– Ладно. Ну, смотри у меня! Неделя – максимально! Не будет всех денег в срок, можешь заказывать себе панихиду! А лучше – сам покончишь со своей бестолковой жизнью... Ладно, шучу, но большее не надейся на снисхождение! Да? Ярек шутить не любит. Понял?! Даю тебе товар в последний раз!

Поляк опустил перед Мирославом солидный свёрток...

³⁹ (Деньги)

День части

Ноябрь 1987 г. Ружомберок.

КПП полка.

В тот прохладный ноябрьский вечер Женя Бедиев стоял в наряде по КПП. Это всё замполит, дабы не «бросать под танки» славянский «молодняк», решил поддержать их пока отдельно от роты, до тех пор, пока всё уляжется. И отправил Бедиева, Буряка, да Никанорова сюда. КПП – хороший наряд. Можно сказать, повезло им. Если вообще наряд может быть хорошим, особенно в выходной, да ещё в день части! Хотя какой там выходной в казарме, да ещё за границей, где не существует увольнительных! Недаром ведь говорят: «Для солдата выходной, что для лошади свадьба. Вся голова – в цветах, а зад в мыле».

«Везёт им там, гуляют себе свободно. И ни каких забот! Идут куда пожелают, делают что захотят!» – подумал Бедиев, глядя на группу словацкой молодёжи, безмятежно бредущей вдоль реки «Ваг» прямо напротив контрольно-пропускного пункта полка. Бедиев немного грустил. Штык-нож уныло болтался на белом парадном ремне поверх солдатской серо-песочной шинели. Юфтевые сапоги, начищенные вонючей чёрно-фиолетовой ваксой, убивающей моментально любую сапожную щётку, тускло отражали своей грязно-полуматовой поверхностью красочный мир вечернего города. И он чувствовал себя словно в каком-то особом мире-зазеркалье, под чудным названием «Центральная Группа Советских Войск в Чехословакии». В желудке немного урчало от выпитой после ужина, если это можно было назвать ужином, «малиновки»⁴⁰ (*Малиновка – местная газировка*) из «чепка»⁴¹

К воротам из города подъехал дежурный ЗИЛ, старшим машины сидел майор Карпов. Ворота отъехали. Майор открыл кабину, что-то сказав водителю, прыгнул, звонко стукнув каблучками о мокрый асфальт.

– Давай эрмэо⁴²! – кинул он водиле вслед и захлопнул дверцу.

– Смотрите! Чтоб ворота, без доклада лично мне, ни кому не открывали! – это уже было адресовано наряду по КПП. Скоро его фигура растворилась в темноте части. Боец – «эрмэошник», вытянул из кузова пустые железные канистры и быстро засеменял в сторону казармы, бросив дежурную машину недалеко от КПП.

Неожиданно из темени выехал автобус и остановился, освещаемый фонарём, прямо возле ворот. Бедиев наблюдал с явным любопытством и удивлением за этим явлением.

– Давай, боец, открывай! – из автобуса выскочил лейтенант Кузнецов «по граждане» т.е. в гражданской одежде... Его лицо было озабочено миной надменности и набыченности.

– Я должен доложить, ... – замялся Бедиев.

– Ты чё, боец, туг на ухо? Открывай живенько ворота, если не хочешь поиметь проблем! – наезд старлея был, очевидно, вызван его скверным характером и желанием «рисануться» перед окружающими. Тем более, что из автобуса выползло несколько девушек, которые любопытно наблюдали за этой сценой.

«Туристки», – догадался Бедиев. Он стоял, как вкопанный, не решаясь ни на одно действие.

– Да, Бедиев, можно открыть, меня уже предупредил «помдеж», – за спиной появился дежурный по КПП прапорщик.

⁴⁰ (*Малиновка – местная газировка*) из «чепка»* (*Чепок – солдатская чайная*).

⁴¹ *Чепок – солдатская чайная.*

⁴² (РМО – рота материального обеспечения)

Бедиев, словно не слыша этих слов, продолжал «тормозить», что было для него не свойственно. Но всё это шло явно в разрез со словами майора Карпова.

– Шо це таке? – по-украински спросила его одна из вышедших из автобуса девушек и дёрнула за болтающийся впереди коричневый футляр штык-ножа Бедиева.

– Штык-нож, – по-детски надув губы, буркнул Женя и покраснел.

– А шо це у тебе під оком? – девушка улыбнулась. Её золотистые локоны рассыпались по плечам. Аккуратный носик мило украшал её личико. Пушистый свитер придавал ей какую-то кошачью нежность и уют. Женя мысленно прижал к себе это пушистое существо. Утонул в этом нежном создании. Провёл мысленно по её нежному подбородку. Поцеловал лоб, носик. Коснулся пальцем слегка припухших розовых полосок губ. Он вдохнул милый аромат её духов. И, казалось, вознёсся из своего армейского «зазеркального мира», окружённого толстыми серыми казарменными стенами.

– Солдат! Сейчас я тебе второй глаз раскрашу! – резкий окрик Кузнецова вывел Женю из волшебного состояния погружения в грёзы.

– Ворота! Мать твою-ю! – прокричал дежурный по КПП прапорщик с другой стороны.

– Bediev, Башка stoerosovaya, открытая дверь ворота!

Буряк и Никаноров кинулись к воротам, вперёд очнувшегося Бедиева...

Через минуту железные ворота, с изображенными на них гербами с грохотом поползли в сторону, открывая путь. Автобус, выпустив облако газа, прошёл мимо, и вскоре снова наступила былая тишина. Буряк что-то безразлично жевал. Никаноров зашёл внутрь КПП. Бедиев стоял задумчиво. Взволнованный солдат продолжал смотреть в сторону полкового клуба, куда убыл автобус. Он стоял и прокручивал в голове, как киноленту, вновь и вновь этот милый взволновавший его образ. Взгляд её лукавых глаз, забавный украинский говор не давали солдату покоя... Больше он её не видел. Но, как ему казалось, между ними проскочила какая-то искорка...

«А может это судьба, и мы когда-нибудь встретимся?» – подумал он про себя. Эх уж эти юношеские, утомлённые жаждой к любви души! Словно в пересушенном зноем лесу, где каждая случайная искорка может стать причиной неистового пожара!

Бедиев встрепенулся, увидев впереди офицера с красной повязкой «начпатра», приближающегося к КПП.

Узнав замполита с соседней роты, лейтенанта Тимофеева, солдат подумал: «Ну, сейчас он, со своей задрюченной роты, станет и ко мне цепляться!» И, поправив приспустившийся ремешок, он, гася романтическое возбуждения, занял своё место...

В этот выходной день третий батальон заступил в наряд. Тимофееву повезло. Он урвал себе «ночной патруль». Любимый наряд у молодых офицеров! Если наряды вообще могут быть любимыми! Но всё же этот действительно относился к такой категории. Ведь, «отпатрулировав» ночь, можно было почти весь день на законных основаниях отсыпаться. Так предписано Уставом. И никто не мог это просто так отменить! Что нельзя было сказать об обычных бессонных ночах «ответственных» по подразделениям. Этой терминологии в уставах не существовало. А значит, и не было никак регламентировано, с точки охраны здоровья офицера. Так что по-любому, не имея шансов в эту ночь на нормальный сон, ибо ему в полный рост светило быть «ответственным», Тимофеев был просто счастлив, одеть на правый рукав повязку «начпатра». Тем более, что этот наряд позволял некоторую вольность и открывал шансы немного сачкануть...

– Давайте, можете отдохнуть пока в казарме, – сказал он патрульным, – если что, звоните в общагу. А я через часок подойду. Но сильно не расслабляться!

Летёха направился к центральному КПП. Он не пошёл через второе «калиточное» КПП, ближе к месту проживания офицеров. Просто хотел пройти через центральное «первое», по «большому кругу», дабы прогуляться за пределами части, вдоль забора.

– Солдат! Не спи! – весело сказал он в сторону мечтательно задумавшегося молодого солдата – дневального с соседней роты, дежурившего на контрольно-пропускном пункте.

Солдат встрепенулся. Приложил руку к головному убору.

– Здравия желаю, товарищ лейтенант!

Лейтенант, лениво бросив руку к виску в ответ, задал дежурный вопрос:

– Как, всё в порядке? Где дежурный по КПП?

– Ушёл на ужин. А к нам только что автобус въехал с туристками какими-то, к клубу. Там, вроде, дискотека будет, – рядовому Бедиеву не терпелось поделиться впечатлением.

– Да? Откуда они тут? – удивился Тимофеев.

– Да бог его знает, товарищ лейтенант, их привёз лейтенант Кузнецов. А мне ещё от начштаба влетело по полной!

«Да, этот Кузнецов очень предприимчив!» – подумал Владислав, явно передумав переступить порог КПП, но, не желая показать бойцу острый интерес к теме, он затормозил, ища повод вернуться в часть. Он так и стоял, словно между небом и землёй, крутил глазами, словно «загружая» процессор в голове. Он не мог не слышать о проводимом в клубе вечере. Но что там ему, холостяку можно было делать? Даже если бы он был и не в наряде!.. Но теперь-то многое меняется!..

– Вот бы туда попасть! – мечтательно произнёс солдат, – вам-то вот уже, всё равно, наверное, может быть. Но, помните, как когда и вы были молодым, вам тогда, может тоже на дискотеку хотелось?! – солдат смотрел на беспристрастное суровое лицо офицера, не выражающее внешнего восторга.

От последних слов лицо старлея сделалось ещё суровей. Потом сменилось улыбкой. Он похлопал солдата по плечу:

– Понимаю тебя, солдат. А как ты думаешь, я уже не молод, что ли?

– Ну да... Ну, всё-таки... вам ведь лет тридцать... наверное. Замялся Бедиев. И подумал: «Вы же офицер. Не мальчишка. Вам ведь уже так не хочется веселиться. Ваша юность уже давно прошла. А моя – так вот бестолково проходит!»

«Да-да, – подумал летёха, – он на пару-тройку лет-то меня младше, но уже записал меня в старики!»

Ухмыльнулся. Хлопнул «по-отечески» солдата по плечу и подумал: «И верно где-то говорится, что наша офицерская судьба „и уже в двадцать лет быть солдату отцом“! Так он меня и воспринимает».

Он на этой ноте развернулся и пошёл в сторону клуба, бросив бойцу.

– Ладно, солдат, не расстраивайся, у тебя ещё всё впереди!

Бедиев с завистью смотрел вслед удалявшемуся в темноту «начпатру»...

Едва начпатр удалился, появился снова майор Карпов.

– Солдат! Почему автобусы тут по части разъезжают?

– Мне товарищ прапорщик сказал пропустить, – промямлил Бедиев.

– Где ваш прапорщик? Давайте его сюда-а!

Появился дежурный по КПП.

– Что тут у вас, товарищ прапорщик, за богадельня? Вы что тут за автобусный парк устроили?

– Товарищ майор, меня дежурный по части предупреждал, ... – оправдывался прапорщик.

– А я вас что, не предупреждал, что ли, что без доклада никого не пропускать?! – майор свирепел.

– Я не знал, ... – прапорщик пожал плечами.

– Он не зна-ал! А чем тут ваши дневальные занимаются? Почему они до вас мои распоряжения не доводят?

– Я не знаю, товарищ майор!

– Он не знает! А кто знает? Развели тут бардак! Обучите своих дневальных, товарищ прапорщик, как положено службу нести!

Майор пошагал прочь.

– Бедиев! Мать твою-ю! Вешайся, солдат! Будешь у меня летать теперь как электровеник! И Устав зубарить всю ночь! – бесился прапорщик. – Ты должен был мне доложить об этом распоряжении начштаба! Понял, дурила?!

– Так точно, виноват, товарищ прапорщик...

Клуб.

Сидения убраны. За столиками сидят офицеры, одетые «по-гражданке», их жёны. Все о чём-то шумно говорят. Слышен женский смех. Свет приглушён. Звучит песня «Наутилуса Помпилиуса».

«...я ломал стекло как шоколад в руке
я резал эти пальцы за то что они
не могут прикоснуться к тебе
я смотрел в эти лица и не мог им простить
того что у них нет тебя и они могут жить!
но я хочу быть с тобой
я так хочу быть с тобой
я хочу быть с тобой
и я буду с тобой...»

Некоторые танцевали. Тимофеев неловко помялся на входе. Сильно уж контрастно он отделялся от всех присутствовавших своей формой, да ещё и с повязкой на рукаве! Прямотаки «с корабля, да прямо и на бал».

– Тимофеев! А Вы что здесь делаете, товарищ лейтенант? – откуда-то появился комбат майор Пронин. – Где вы растеряли свой патруль-то?

– Я-а-а,.. – замялся Тимофеев.

Стоявший неподалеку Кузнецов, ехидно ухмыльнулся, что-то буркнул стоящим рядом офицерам. Те хохотнули. Тимофеев сжал челюсти....

Ну не любили они друг друга, просто не переваривали!

– Вот замечательно! Патруль! Товарищ лейтенант, будете патрулировать в клубе до окончания мероприятия. Так сказать, во избежание эксцессов, – объявился прямо, кстати, замполит полка, – тут у нас гости из Союза, понимаете ли! А, с другой стороны, посторонние люди на территории воинской части, понимаете ли! – Чернышев многозначительно посмотрел на Пронина, потом прямо в глаза старлею так, словно хотел ему вставить собственные. Комбат нерешительно замер на секунду, потом мгновенно сориентировался и ожил.

– И патрульных своих найдите!

– А вот патрульных сюда, товарищ майор, не нужно. Закрытое мероприятие, понимаете ли... А ты, комиссар, смотри. Ты здесь не на развлекалочке. Не забывай, ... – Чернышёв многозначительно сделал мину на лице и удалился.

Кузнецов зло усмехнулся и, не глядя в глаза Тимофееву, словно вместо него здесь был соляной столб, прошёл мимо. Владислав устроился «в президиуме» на неосвещённой сцене. Здесь было удобней всего. Всех видно, а сам как бы в тени. Наблюдая за фигурами, он ушёл в мечты, подобно Бедиеву. Что ж. Их отделяло не так уж много лет! Группа приезжих девушек мигрировала, то рассредоточиваясь по залу, то время, от времени снова собираясь вместе. Владислав подпёр рукой в красной повязке подбородок и сидел, по-собачьи глядя в зал, с грустью теребя на груди ремень своей португеи...

Подполковник Полунин танцевал медляк с женой – молодой женщиной, лет двадцати четырёх или на вид даже моложе.

– Ольга, кому ты улыбнулась сейчас? – спросил Полунин свою жену, юностью которой он очень гордился.

– Так, Игорёша, никому! – Ольга перевела свой кокетливый взгляд на мужа.

Полунин обернулся в сторону, куда только что обворожительно улыбалась его супруга.

Танцевавший рядом майор Карпов, наткнувшись на суровый взгляд своего сослуживца, перевёл свои шаловливые карие глаза на свою благоверную...

– Оксаночка, что ты такая грустная? – шепнул Карпов ей на ушко.

– Ты, Лёша, на меня совсем не смотришь. Всё больше по залу стреляешь глазами! – грустно пожала она плечами. – Я тебе уже наскучила? Да?

– Да брось ты, Оксанка, не говори чепухи! – он чмокнул свою тридцатилетнюю супругу, свою ровесницу, в шею, опустил свой подбородок ей на плечо, снова непроизвольно поймав глазами юную Ольгину фигуру... Что поделаешь! Молодость и красота – страшная сила!

Что-то буравило затылок самой Оксаны Карповой. Та повернула голову. Это был суровый партийный взгляд голубых глаз Полунина. Но, наткнувшись на грустные глаза Оксаны, его взгляд явно смягчился. Он скупно улыбнулся, получив её осторожную улыбку «Джоконды» лишь уголков её губ в ответ...

Тимофеев всё сидел, по-собачьи глядя в зал, с грустью теребя на груди ремень своей португеи...

– А вас можно запросити на танец? – минут через тридцать вдруг раздалось сбоку.

Он замер, соображая.

– Білий танец! – как бы поясняя свой дерзкий поступок, добавила девушка, смотря на лейтенанта по-кошачьи расставленными миндалевидными глазами. Тимофеев молчал, поднявшись. Это казалось ему сновидением, о котором он даже и мечтать не смел. На которое он, как бы и права никакого не имел. Ведь он «начпатр», как-никак! Но ещё секунда и он решил: «А, была, не была, сколько той поганой жизни!?!». Да и как можно отказать, когда девушка тебя приглашает! Ведь, что может быть бесчеловечнее, чем отказ девушке, решившейся на такой шаг! А ещё и такой милой девушке! Да ведь это был бы отказ и самому себе! Жуткий отказ, который он был едва ли смог потом себе простить.

– Конечно! – и они последовали в зал, держась за руки. Он чувствовал её тонкие холодные пальцы. Она напоминала ему Здену, хотя и была блондинкой. Ту недосыгаемую, запретную для него словацкую девушку Здену, с которой у него никогда и ничего не могло быть! Ведь они были из разных миров! Его юношеские чувства, затрамбованные годами пребывания «за армейским забором», казалось, готовы были выплеснуться наружу. Как пружина на взводе, была его юношеская страсть. Неутолённая юношеская жажда любви иссушила его душу. Как она осязаемо напоминала ему Здену! Или ему просто так казалось. Ведь и та, и другая были попросту девушками, примерно одного возраста. Стройные, милые, задорные. Обе выбрали его, дерзко пригласив на белый танец! Он нежно держал в ладони её холодные пальчики. Его переполняло желание их согреть, прижав к своей молодой горячей груди! Что ж, ничто человеческое ему было не чуждо... В полумраке ему было сложно её хорошенько разглядеть. Но он видел милую родинку на её шее, которую в мыслях своих греховных, нежно касался губами. Он

чувствовал какой-то необыкновенно лучистый огонёк её задорных глаз. Такой же задор, как был и у той словацкой девушки. А может это судьба? Может это ниспослано ему взамен того, на что у него нет ни прав, ни возможностей? Его нога едва касалась её внутренней части бёдер, когда он делал аккуратный шаг вперёд, боясь наступить сапогом на её аккуратные туфельки. Он едва касался щекой её золотистых волос, вдыхал их аромат. Под пальцами он чувствовал тонкую гибкую талию, едва с трудом удерживая себя от страстного желания прижать её к себе и дать волю своим рвущимся на волю рукам...

Её рука нежно покоилась на его жестком пагоне. Он чувствовал, как её пальчики исследуют его звёздочки...

В темноте клуба по периметру толклись не танцующие или не нашедшие себе пару.

– Кузнецов, часики купыт нэ желаешь? – Хашимов подошёл к весело ржущему лейтенанту в компании двух девушек.

– А ты чё, передвижной часовой магазин, что ли? – презрительно кинул тот, явно хорохорясь перед «прекрасным полом».

– Магазины нэ магазины, а продать могу!

– Во бля, все хачики такие, купить-продать! Надо будет я и сам их куплю там же, где и ты их покупаешь! Ладно, ты, не обижайся только!

Но Хашимов обиделся: «Эта зелёная сопля со мной таким тоном будет разговаривать!»

– Во-первых, я не «Хачик», потому что я не армянин, я азербайджанец! А часики – нэ хочеш, нэ бери! А рот свой прыкрой! Щегол!

– Кто щегол?

– Да кто, ты конечно!

– Ответишь мне за щегла!

– Посмотрим, мать твоя жэншына!

Оба закипели, как чайники, готовые ринуться в схватку, но разошлись, понимая, что место совсем не подходящее...

– Ладно, не до тебя сейчас, ещё поговорим! – Кузнецов подошёл к мнущемуся в сторонке девушкам и отправился на выход, девушки последовали за ним.

– Поговорим, поговорим! – Хашимов скрежетал ему вслед зубами.

А в зале звучала песня Игоря Талькова:

«...Однажды ты пройдешь бульварное кольцо,
И в памяти твоей мы встретимся, наверно,
И воды отразят знакомое лицо,
И сердце исцелят и успокоят нервы.
Чистые пруды-ы застенчивые и-ивы,
Как девчо-онки смолкли у воды-ы,
Чистые пруды-ы, веко—ов зеле-еный со-он,
Мой дальний берег де-етства,
Где звучи-ит аккордео-он....»

После танца девушка незаметно растворилась среди подруг. Владислав, ощущая на себе множественные взгляды, словно он выполз на бальный паркет в тяжёлых рыцарских доспехах, на фоне остальных, облаченных в гражданские одежды. Перетянутый португеей, он занял снова своё место в «президиуме», унесённый мыслями в облака. Спустя несколько минут, немного опустившись на землю, он попытался её отыскать среди зала. Летёха всматривался

в лица, примерялся мысленно то к одной, то к другой. Пока за этим занятием его не заметил замполит батальона.

– Тимофеев! Ты что на чужих жён засматриваться стал?

– Я... не-е, это... не знаю где девушка, с которой я танцевал? – замялся Тимофеев.

– Ха! Хе-кхе! Кузнецов уже несколько минут, как их всех увёз назад в Грабово, – майор посмотрел на подчинённого снисходительно. – Забудь об этом! Пустое! И не думай никуда ходить! Смотри-и мне! Ладно, ты вроде был в патруле? Вот и давай. Поднимай своих бойцов. А то они совсем уже оборзели от безделья. И на маршрут!

Владислав вышел на улицу. Было очень досадно. Казалось, он только что держал в своих руках «жар-птицу»! И вот, она упорхнула, оставив ему лишь страдания. Сердце выпрыгнуло из груди. Его накрыла горячая волна, которую, наверное, многие и величают «любовью с первого взгляда». Только его объект любви был скорее абстрактен, подобен неуловимой жар птице!..

На улице стал накрапывать мелкий дождь, очевидно усиливаясь. «Начпатр», выйдя из клуба, вдохнул свежий воздух. Весь мир вокруг, казалось, искрился волшебными искорками чувства, пробудившегося в молодом офицере. Но служба есть служба и Тимофеев отряхнул с себя «розовые сопли», поправил повязку на рукаве и решительно направился к своей казарме за патрульными, цокая каблуками сапог по мокрому асфальту. Проходя мимо казармы, где располагалась РМО⁴³, начпатр решил пройти по расположению сам. Он переступил порог. Дневального на месте не было. Никто не подал привычную команду, вызывающую дежурного по роте. Лишь какой-то лысый боец в белом нательном белье и с тряпкой в руках выплянул из туалета и тут же скрылся. На нём не было ни формы, ни положенного для дневального штык-ножа.

– Товарищ солдат, ко мне! – а в ответ тишина...

Было всё ясно. «Очко» драит молодой.

Начпатр вошёл в кубрик. Оттуда доносились какие – то шумы, слова, хлопки подзатыльников, стук сапог. Мелькнули какие-то тени в направлении коек. Кто-то на втором ярусе натянул одеяло. Несколько солдат продолжали сидеть под навесом второго яруса кровати, стоящей в дальнем, наиболее уютном углу кубрика. Они недовольно сморщились, увидев молодого офицера.

– Товарищи солдаты! Что здесь происходит? Встать! – Тимофеев катал желваками. Он понимал, что тут происходит. В этих «спецподразделениях», где преобладали славяне, вместо «землячества» царила реальная дедовщина... одна гадость вместо другой... Лейтенант, поклявшийся ещё в училище «давить гадину в зародыше», надвигался на кучку старослужащих. Повязка «начпатра» сбилась. И он её не поправлял.

– Чё, те, летёха? – они один за другим вяло поднялись.

– А ну, не тыкать! Все! Шагом марш на коридор! Вы арестованы!

– Пошёл бы ты отсюда! – самый борзый из всех, видимо, неформальный лидер, обдал офицера парами алкоголя. – А то я на твои погоны не посмотрю! Урою щас! – он занёс руку над своей головой с растопыренными пальцами.

Тимофеев чуть не поперхнулся. Он впервые столкнулся с такой откровенной безграничной солдатской борзотой.

– Чё ты сказал, солдат?! А ну повтори! – лейтенант приблизился вплотную к пьяной физиономии «деда». Его желваки катались. – У ты чё, солдат, борзомерт совсем зашкалил, что ли? Товарищи солдаты! Вам минута времени строиться всем в расположении!

⁴³ (Рота материального обеспечения)

– Това-а-арищ лейтенант, – сзади раздался менее разнузданный, но не менее напористый и уверенный голос, – это Вы будете в своей роте командовать. А здесь вам – РМО! Идите себе спокойненько. Мы вас не трогаем. И Вы нас. Нам уже на дембель скоро. Вот там с вами и встретимся... на гражданке... скоро, вот тогда-то и потолкуем! – он ехидно улыбался.

– Мне плевать, что тут у вас! Бардак тут у вас полный! Я сказал строиться в расположении!

Летёху угрожающе обступили со всех сторон. Как стая волков вокруг случайно забредшего в чащу охотничьего пса, ещё не решаясь напасть, под рефлекторным тормозом «генетической памяти», но ощущая своё преимущество в численности, вытесняя пса из своей «чащи» и уже готовясь к нападению. Солдаты, возомнившие себя «старослужащими», которым можно всё: издеваться над молодыми, нарушать устав и распорядок, демонстрировать своё неповиновение молодому офицеру из другого подразделения, сжимали всё плотнее кольцо... И Тимофеев готовился к любому дальнейшему развороту событий, не имея ни малейшего желания отступить хоть на шаг. Самый крепкий из всех, приблизился к офицеру, дыша алкоголем, и резко кивком головы, попытался боднуть начпатра в нос, но не слишком удачно. И тут же получил ответно резкий удар в живот, от чего согнулся и зашипел. Это был словно сигнал к общему нападению. Стоявшие сбоку, ринулись и обхватили офицера, прижав его к стене. Тимофеев чувствовал, как сильно сдавлена его грудь. Он был в ярости и пытался вырваться.

– Вам это с рук не сойдёт!

– Посмотрим! – пары перегара противно наполняли пространство вокруг...

– Что здесь происходит? – в расположение вошёл неведь откуда появившийся начальник штаба майор Карпов. Солдаты расступились. Растрёпанный вид «начпатра» сам говорил за себя. Тимофеев поправил китель и доложил начштаба о своей патрульной «миссии», несколько умалчивая сам факт стычки.

– А ну, по койкам! – зашипел начштаба в сторону солдат! – а завтра ко мне в кабинет с вашим ротным! Ясно?.. Не слышу!

– Так точно! – солдаты лениво, но с послушанием расползались по койкам, увидев старшего офицера. Как-никак их дембель был и в его руках! И это тебе не почти ровесник-летёха, а целый майор!

– А где вы, товарищ лейтенант, своих патрульных растеряли? – майор посмотрел укоризненно на начпатра. – Гм... не стоит одному ходить! Это будет вам уроком!

– Товарищ майор, я буду писать рапорт об их аресте и помещении на гауптвахту! – заявил Тимофеев, когда они вышли на улицу.

– Ишь ты, какой умный! А кого я завтра за руль посажу? Ты знаешь, это тебе не пехота, а рота материального обеспечения! Здесь каждый боец на счету!

– Они издевались над молодыми солдатами,.. и вообще, я не могу это так оставить! Особенно этого, который...

Лицо майора сморщилось, словно он принял горькую пилюлю:

– Та-ава-ари-ищщ лейтенант! С вами всё в порядке? Вот и, слава богу! Этих солдат, и в особенности «этого», я вам посадить не дам! Он мне завтра нужен за рулём. И залёты в полку мне также не нужны! Вам всё понятно? Уверен, вам также не стоит афишировать этот факт. Вам это не добавит авторитета! Идите, патрулируйте дальше! Завтра со всем разбираться будем, – майор развернулся, и решительно отправился в сторону КПП...

Тимофеев продолжал кипеть. Недавнее романтическое настроение сменилось гневом и досадой...

Он переступил порог расположения роты. Его патрульные спали поверх одеял прямо в форме, штык-ножи болтались на брошенных на спинки кроватей ремнях. Вонючие, грязные в синюшных разводах портянки, именуемые в местной среде «оружием массового поражения», накрывали стоящие рядом сапоги.

- Подъём! Гулямов! Урсулов!
- Сисин..
- Катан..

Солдаты лениво завозились, шипя и полусшепотом ругаясь на родных диалектах, проклиная эту жизнь, эту службу, патруль, начпатра, эту казарму, свет в коридоре, идущий от ружейной комнаты, свои вонючие портянки, чью-то мать и прочее, и прочее... Они, наконец, выползли в коридор, хлопая опухшими, сощуренными от яркого света глазами...

На «большой дороге»

Ноябрь 1987 г. Ружомберок.

На крыльце офицерской общаги.

– Тимофеев, снова ты тут путаешься, – Кузнецов был мрачен. День не задался. Он зло сплюнул и вышел из общаги...

Улицы были пустынные. Мокрый, слегка подмороженный, покрытый тонкой ледяной коркой, асфальт поблескивал под редкими ночными фонарями. Кузнецов поскользнулся, едва не растянувшись посреди улицы. Зло выругался.

«Чёрт! Спустил на этих шалав кучу крон, а толку никакого!» – думал он про себя. Теперь он спешил в общежитие вьетнамцев, дабы возместить образовавшуюся «дыру в бюджете». Загнать им пару дефицитных советских электронных чудо-фотоаппаратов «Эликон». Да выкупить у них десяток ещё до селе невиданных в Союзе электронных часов, с тем, чтобы потом «толкать» их своим советским собратям в Союзе, да и здесь менее изворотливым, далёким от коммерции, сотоварищам.⁴⁴

Кузнецов толкнул деревянную дверь, вошёл в коридор. Поморщился. Запахи вьетнамской кулинарии неприятно наполняли пространство, вызывая чувство брезгливости и отвращения. «Что эти обезьяны тут жрут?» – подумал он.

Это была смесь запахов от жареной селёдки, каких-то абсолютно азиатских специй, чеснока и бог весть чего ещё. Он прошёл мимо общей кухни, где сустились чудосочные фигуры вьетнамок и вьетнамцев.

В коридоре на растянутых верёвках было развешено бельё. Он брезгливо ступал мимо всего этого бедлама, озираясь на острые мелкие лица суетившихся здесь людей. Постучал в дверь комнаты, которую уже ранее посещал не раз. Та распахнулась. Хозяин зыркнул на Кузнецова острым колючим взглядом, что-то отрывисто крикнул вглубь комнаты, зашевелив челюстями, с торчащими по-заячьи зубами вперёд.

– Сколько дашь? – Кузнецов вытянул перед собой фотоаппараты...

И вот уже позади вьетнамская обитель. Карманы приятно оттянуты грузом часов. «Маловато, конечно. Этот урод, зубастый вьетнамец, настоящий вьетнамский жидяра, еле уторговал его и на это!»

Улицы пустынные. Ни души. Словаки мирно сопят в две дырочки, набираются сил, что бы ни свет, ни заря подскочить и помчаться на работу. Скукотища!

Кузнецов услышал сзади одинокий стук ботинок. обернулся. Какой-то человек торопился со стороны польской общаги в сторону вьетнамской. Подмышкой – свёрток.

– «Вроде не наш, скорее всего поляк, топает из своей общаги, что здесь неподалёку», – Кузнецов внимательно пытался разглядеть лицо.

– Пан, Запалки маешь? – обратился он к нему,

– Nie, rane, nepam, – человек поспешил дальше.

«Такой же, как и я, торгаш», – предположил Кузнецов.

Он посмотрел на свои не слишком наполненные карманы. Задумался.

⁴⁴ (Что, ж, торговля – двигатель прогресса! И наиболее сообразительные, в этом смысле, из советских офицеров, в меру своих возможностей, постигали эту нехитрую, но хлопотную и не престижную, с моральной точки зрения советского офицера, да и советского человека вообще, работёнку.)

«А что, если?.. А чем чёрт не шутит!..» – Кузнецов спрятался в глухую тень, за углом дома. И стал терпеливо ждать возвращения «польского купца». Прошло уже минут сорок, а «купец» так и не появлялся.

– Чёрт! Сколько можно ждать этого урода! Скоро он там выйдет с моим товаром и деньгами!? – выругался Кузнецов, заранее уже мысленно прибрав к рукам чужую добычу, и искренне злясь на то, что эта добыча не слишком-то спешила попасть поскорее ему в руки. Но терпение и ещё раз терпение! Таково основное правило для человека, сидящего в засаде! А именно так себя ощущал в этот момент Кузнецов. Именно, как в засаде. Слишком уж велик был соблазн, что бы вот так запросто от него отказаться. Наконец, в минуту подкативших очередных колебаний, лейтенант услышал скрип открывающейся двери и на улице показался тот самый, долгожданный «поляк». Кузнецов напрягся. Отступил глубже в тень, стараясь не упустить «поляка» из виду. К его счастью, «поляк» пошёл назад в ту же сторону, откуда и пришёл, как и ожидал Кузнецов. Прямо в тень, где тот и скрывался. Едва человек зашел в тень, лейтенант нанёс ему резкий тяжёлый удар в челюсть. «Поляк» зашатался, издал звук, напоминающий визг. Кузнецов молча, опасаясь раскрыть своё происхождение, прижал того за горло к стене и стал молча выгребать содержимое карманов. Поляк, вдруг, рванулся и закричал. Ещё один резкий удар в живот и человек осел, закашляв и задыхаясь, едва не теряя сознание. Кузнецов почти силой выпрямил его, и постучал пальцем ему в лоб. Их лица были скрыты ночью, скупко выдавая лишь отдельные очертания скул сквозь ночной мрак. «Поляк» трясся и как-то по-детски плакал.

– Nie bij mnie, proszę pana..⁴⁵

Кузнецов отпустил его, собираясь быстро покинуть место только что совершённого преступления... Освобождённый от тисков Кузнецова, человек сразу вскинул руки к лицу и осел наземь. Кузнецов обернулся. Заметил в его руке какой-то пакет. Сделал шаг назад, вырвал его. Посмотрел ещё раз на крепкого с виду человека, но такого растоптанного и деморализованного им только что. Окинул его с головы до ног: «Ничего ли не упустил?»

Тот словно от холода, как-то зябко кутался в собственную модную джинсовую куртку с белыми отворотами.

«А курточка-то ничего себе. Мой размерчик!» – промелькнуло у Кузнецова в голове...

⁴⁵ (Не бей меня, пан!)

Потребуем пенъязы!

Ноябрь 1987 Liptovský_Mikuláš.

– Ahoj, Miroslav!⁴⁶ – Здена открыла дверь.

– Ahoj, bratranca!⁴⁷ – в комнату вошёл шатен лет двадцати восьми, – ale kde otec?

– Тата приходит после.

– Potom суп с котом!⁴⁸ Я хочу видеть его сейчас! Я буду ждать его!⁴⁹

– Треба тераз? Так почкай!⁵⁰ А что это с твоим лицом? Где это ты так?

– Да, так. Упал! – молодой человек отвёл глаза в угол, подобно вруну, и плюхнулся на мягкий диван в прихожей...

Ладислав в этот вечер пришёл довольно поздно, когда Мирослав прямо с порога обрушился на него.

– Дядя Ладислав! Я тебя чакаю уж години три не меней!

– Что стало, Мирослав, что трэба?

– Потребуем пенъязы! Деньги трэба!

– Пречо⁵¹ тебе пенъязы трэба? – Ладислав снял куртку, повесил на вешалку. – Ну, прийде в избу. А что это с тобой? Поведай мне, кто тебя так разукрасил?

– Поведаю, дядя, поведаю всё, давай зайдём.

Они зашли, сели. Ладислав, видя волнение племянника, открыл бутылку сливовой палинки.⁵²

– Пий, сынок, не волнуйся.

Мирослав отхлебнул из рюмки прозрачную, со специфическим запахом жидкость, поморщился.

– Дядя Ладислав, мне конец! Если я не верну долг завтра, можете мне заказывать панихиду! Только тате ничего не говорите!

– Кому ты, Мирослав задолжал? И сколько? – Ладислав лишь крякнул себе под нос, понюхал свою рюмку и отставил в сторону. Самому пить как то не хотелось, да и повод был явно не подходящий...

⁴⁶ (*Привет, Мирослав!)

⁴⁷ (Двоюродная сестра)

⁴⁸ (Потом суп с котом)

⁴⁹ (Я хочу видеть его сейчас! Я буду ждать его!)

⁵⁰ (Нужен сейчас, так жди)

⁵¹ (Зачем)

⁵² (Водка)

Бензиновый прожект

Ноябрь 1987 г. Ружомберок.

Польская общага.

– Миро! Что-то ты не весело выглядишь?! Взял товар и пропал! Зкурвий ты сын! Что пришёл? Пенязи принес? – Ярек размял свои татуированные руки, поставил их в боки.

– Ярек! Меня ограбили, все деньги забрали.

– Что-о-о? Кто-о? – поляк побагровел.

– Не ведаю. Поляк какой-то, вроде. Не вем. Он молча меня избил.

– Какой такой по-ляк?

– Не ведаю! Крепкий такой. Как ты!

– Ты мне зубы-то не заговаривай! Помнишь наш уговор, али запоматовал?

– Помню.

– Ну, вот и добре! Тогда иди и заказывай себе место в неможнице⁵³ или хоть до домов али куда тебе трэба, но найди пенязи!

– Вот. Держи! Я взял в долг, что бы тебе вернуть. Я не запоматовал обещание! Не волнуйся! – молодой человек вытащил деньги и положил перед поляком.

– Вот! Добже! Миро, теперь всё добже!

– Ярек! Теперь мне снова нужен товар! Мне нужно возвращать долг!

– Вот что я скажу тебе, Миро, товара тебе больше не дам. Треба пенязи, лучше займись чем-то другим, ну вот, бензином, например.

– Что ты имеешь ввиду?

– Смотри, советских вояци видел в реставрации?

– Ну!

– Вот. Подойди, разговорись. Найди мне того, кто сможет бензинчиком разжиться! Сможешь?

– Вы! Smógu!

– Только вот что, мне мелкая рыбёшка не трэба! На погоны смотри. Поручиков не трогай. А вот капитан там или майор – другое дело. Да, особое дело прапори! Прапори – это козырный туз! Ты сперва узнай, кто и что, есть ли у прапора склад, где схован бензин! Или один прапор знает того, другого прапора, ну, который мает бензин! Разумеш? Ну, далее дело договориться!.. Ну, сможе?

– Сможе, Ярек! Сможе!

– Вот и по рукам! Мне бензина много буде трэба! Давай! Пока!..

⁵³ (Больнице)

Стекляшка

Ноябрь 1987 г. Ружомберок.

В городе.

«Стекляшка» – небольшое питейное заведение вблизи полка с окнами во всю стену, с большим балконом. Здесь можно и выпить пива за чистым столиком и перекусить. Здесь есть и маленький бар с полукруглыми мягкими сидениями.

Альяр поднял «децу»⁵⁴.

– Хочу выпить за неё, – глаза его излучали таинственность, – пожалуй, я скоро женюсь, – он сделал глоток, – она тако-о-й человек! – Альяр поджал губы, мечтательно, из-под очков, посмотрел на Александра и Владислава, слегка приоткрыв загадочно рот, словно всем своим существом следил за их реакцией и продолжал.

– Таких поискать надо! Я первый раз такую встречаю..., – Альяр говорил о её достоинствах, вдохновенно прищуривая глаза, с торжественной печалью вздыхал, сжимая в руках рюмку.

– Я рад за тебя.

– Рады за твоё чувство, – один за другим произнесли друзья, внимательно слушая воодушевлённый рассказ товарища.

Зрело любопытство узнать, кто же она, покоровшая сердце их товарища и так прекрасно им расписанная.

– Кто она? Как её зовут? – что-то шевельнулось в груди у Майера.

– Пока я не могу этого сказать, – Альяр взглянул на Александра из-под очков, – дело в том, что она замужем! Да и на что тебе? Ты уже опозда-а-л! – произнёс он так, как будто кто-то из друзей мог на что-то претендовать.

Да ведь не в их это правилах-то было! Мужская дружба – превыше всего...

– За-а-мужем? – удивился Майер, – так как же тогда?..

– Мне кажется, она меня тоже любит. Хотя она и замужем, и у неё есть ребёнок.

– Ребёнок? – посмотрел на старшего товарища Майер.

– Ребёнок! А у кого его нет? – действительно, в этой совершенно молодёжной среде полка, почти все были с детками.

– Да он славный малый!.. – продолжал Хашимов, – короче говоря, я их разведу. Она будет моей!

– Не правильно всё это!

– Да что ты понимаешь в арбузных-то корках? У нас всё по-настоящему! – Альяр вдохновенно стал расписывать вечера их встреч, когда муж был в нарядах.

Духовное общение, неотягощённое ещё интимным финалом, придавало их отношениям особую возвышенность и романтичность:

«Мягкое кресло, полумрак, телевизор, журнальный столик, кофе, её плечи, глубокие синие глаза, светлые локоны и беседы, беседы, беседы до утра...»

Придя с ночной прогулки по чехословацким барам, словно ночные разбойники, нарушившие законы и устои общества, вкусившие запретного плода его Величества языческого Бога «Бахуса», наши герои обнаружили, что ни один из них не имел ключи от своей комнаты. Александр оставил их в своей офицерской шинели, которая осталась висеть в казарме. Ибо на улице не было нестерпимо холодно, и офицеры пошли в общагу в одних кителях. Альяр их вообще носил в огромнейшей связке с другими ключами, и, подобно ключнику – при-

⁵⁴ (Стопочку)

вычка училищного каптёра, любил покрутить ими, на тонком кожаном шнурке, стоя на входе в казарму, в каптёрке, которой эта громоздкая гроздь и осталась лежать в этот вечер. Влад же отдал свои Альяру ещё в обед, который их бросил так же в шкафу своей каптёрки. Ну не тащиться же сейчас среди ночи в казарму. В гражданке, да ещё дыша парами хмельного чехословацкого пива!

К их счастью, каждая комната общаги соединялась с другой посредством совместного сан узла. И, к их счастью, у соседей всё ещё горел свет... Попав через соседей в свою комнату, лейтенанты тут же сыграли «отбой». Альяр ещё полночи вздыхал и ворочался в своих мыслях, питающих бессонницу, под понимающее молчание своих младших товарищей. Их же интересовал только сон...

Тревога

Ноябрь 1987 г. Ружомберок.

Офицерская общага.

Резкий вой сирены нарушил предутреннюю тишину.

- Что за хрень? – спящий мозг не желал понять происходящее.
- Вставай! Тревога! – Альяр пихнул в бок спящего Александра.
- А-а!
- Хрень собачья!
- Задолбали!
- Как меня это всё достало!
- Давай, шевелись!
- Влад, не топчись!

Ругаясь и матерясь на чём свет стоит, а точнее сказать, на чём все эти казармы со своими тревогами, бойцами и командирами стоят!

– Ха, ха, ха! – дёрнул дверь Альяр, – а как мы собираемся выйти? Ключей-то нет!

– Тут все вспомнили прошлый вечер... или ночь, как там лучше сказать...

– Уже свалили! – споткнувшись с грохотом о что-то в умывальнике, – сообщил Александр про соседей по комнате, мгновенно оценив обстановку.

– К девкам в общагу по простыням в «Академе» не лазил? – сверкнул глазами Хашимов в сторону Тимофеева. И сорвал одну простынь с кровати, другую, связал узлом....

Три друга вскоре мчались на всех парах к КПП, за спинами раскачивался жгут из простыней...

Впереди бежал капитан с тревожным чемоданом. Споткнувшись о металлический порог открытой в КПП калитки, он смачно растянулся прямо перед летящими за ним лейтенантами. Которые тут же образовали кучу-малу. Смеху не было места. Даже стоящий на КПП боец не смеялся. Слишком не до смеху тут было! Опаздывающие офицеры подхватились и помчались что есть силы к своим ротам!

«Ответственные» по ротам офицеры, ночующие в казармах, уже строили свои подразделения. Сквозь утреннюю сумрачную туманность пробивался тусклый фонарный свет, пятнами освещавший куски асфальта. Окна казарм, завешенные «светомаскировкой», не выдавали признаков жизни. За спинами бойцов из вещмешков торчали черенки сапёрных лопаток...

– Товарищ лейтенант! – Александр услышал зычный окрик начштаба батальона. – Стройте свой взвод, и роту! Где вас носит!? И вперёд на погрузку! Старшины батальонов уже готовили «мат базы» для погрузки в ЗИЛы. Выделенные для этого подразделения спешно затаскивали на борта ящики, палатки, печи и прочу утварь, под светом фар, пробивавшимся сквозь утренний промозглый туман.

– Комиссар! Выводи роту, а я в парк! – вяло крикнул Альяру ротный. Под парком имелся ввиду не парк развлечений, а парк боевых машин....

Полк убывал в поле. Дней на семь. Этого выхода ждали. Даже предполагали, но, как обычно, не хотелось быть готовым к этому именно сейчас! Именно в эту холодную промозглую ночь из-под тёплого уютного одеяла! Но процесс уже был неотвратим. И сознание обычно быстро адаптировалось к превратностям судьбы, начиная искать в происходящем мгновения радости и даже удовольствия. Минута в дырявой палатке, в относительном тепле – уже счастье. Порция полуостывшей пайки в солдатском котелке, дабы тупо набить пустой урчащий желудок, – удовольствие. Не говоря уже о том, как, накормив и уложив бойцов в натопленные ржавыми полусамодельными «буржуйками» дырявые грязные палатки (фак

вещевую службу!), соберутся офицеры на скрипучих койках или досчатых нарах, расстелят свои спальники, снимут с печки шипящую ароматную банку тушёнки, откроют бутылочку «Боровички»⁵⁵, поставят на стол армейские железные кружки, да закусывая сочным горьким лучком, продирающим горло своим сладковатым соком, поведут беседы о своих бойцах и отцах-командирах, о том, о сём, и, конечно же, о них, о женщинах, что так мило скрашивают нашу убогую жизнь, придавая ей смысл даже в самом бессмысленном предприятии. Даже в мыслях, даже в самый трудный, грязный и, кажущийся беспросветным кусок времени, мысли о ней, близкой или далёкой, существующей или вымышленной, согревают душу... А, может это просто водка с луком жжёт глотку, да терзает сердце. А...?

*Когда мы были на войне,
Когда мы были на войне,
Там каждый думал о своей
Любимой или о жене,*

*И я конечно думать мог,
И я конечно думать мог,
Когда на трубочку глядел
На голубой ее дымок,*

*Как ты когда-то мне лгала,
Как ты когда-то все лгала,
Что сердце девичье свое
Давно другому отдала,*

*А я не думал ни о чем,
А я не думал ни о чем,
Я только трубочку курил
С турецким горьким табачком,*

*Я только верной пули жду,
Я только верной пули жду,
Чтоб утолить печаль свою
И чтоб пресечь нашу вражду*

*Когда мы будем на войне,
Когда мы будем на войне,
Навстречу пулям полечу
На вороном своем коне*

*Когда мы были на войне
Когда мы были на войне,
Там каждый думал о своей
Любимой или о жене*

⁵⁵ Словацкой водки, воняющей ёлками.

Слова: Д. Самойлова, музыка: В. Столярова.

Полевой лагерь

Ноябрь 1987 г. Орёмовлаз.

Девятая рота.

На пригорке творилась упорядоченная суета, подобная муравейнику. Никто не сидел без дела. Старший лейтенант Сидоренко чётко раздавал указания.

– Назначить лиц суточного наряда!

– Комиссар! Бери Харина, Моше. Развернёте наглядную агитацию! И шоб как положено! – капитан отрезал густым баритоном каждую фразу, – и ещё, Тимофеев, бери себе ещё двух «манов» и метров в ста отсюда пусть выкопают яму и организуют отхожее место! Да смотри, предупреди, чтоб добротное было. Сам приду, проверю! И не дай боже, провалюсь!.. – он сжал зубы и потянул кулаком для пущей убедительности.

– Командиры взводов! Отправьте по четыре бойца к старшине на разгрузку матбазы, остальным под вашим чутким руководством – разбивать палаточный городок! И через сорок минут построение роты с вещмешками!

Ротный снял шапку, вытер лоб.

– Сержант Ахмедов ко мне! Берёшь дневальных с лопатами и перед палаточным городком делаете из песка дорожку и камешками выкладываете. Ясно?!

– Да тошно, товарищ старший лейтенант!

– Тошно тебе будет, сержант, если мне не понравится!..

– Есть!

– Да, комиссар! Как закончишь своё, проверь, чтоб в каждой палатке печь топилась, и дежурство истопников всю ночь было организовано! А потом проконтролируй, что ы старшина отправил наряд за пайкой и проследи за раздачей! Да, сразу щас проверь, чтоб термоса этот прапор разгрузил!

– Саядян, Герасимов, Урсулов! – а вы щас будете ставить со мной офицерскую палатку! У кого ещё есть ко мне вопросы? Кто ещё не знает, что он должен делать?..

Недавно призванный «дух» Саядян, старослужащий или «дед» Герасимов и прошлого призыва «слон» Урсулов, дружно кинулись выполнять приказ невзирая на свои «статусы».

В девятой роте эти «статусы» были лишь формальностью, «перевод» в новый статус ремешком по попе, также носил лишь формальный характер, всё чаще игнорируясь вовсе. Ибо закон и уставной порядок, установленные ротным, здесь были почти безупречны!

Рота через минуту превратилась в копошащийся муравейник. Одни тащили с места разгрузки металлические каркасы палаток, другие уже устанавливали дощатые остовы и закрепляли нары из горбыля, подпирая снизу найденными здесь кирпичами. Третьи маялись с ржавыми буржуйками, прикрепляя к прогнившим жестяным дымоходам пустые консервные банки для гашения пламени.

Кто-то уже натягивал дырявую выцветшую палатку, кто-то её штопал, кто-то по натянутой нитке выкладывал камешками дорожки палаточного городка, кто-то охранял пирамидки из оружия. Наглядная агитация в виде солдатской плащ-палатки с нашитыми полиэтиленовыми карманами и записанными в них партийными догмами, требованиями Минобороны СССР, «Боевым листком», мерами безопасности, и прочими крайне полезными для сознания советского воина вещами уже трепалась на холодном ветру!..

Тимофеев взял в руки план занятий на следующий день:

– Огневая подготовка: Упражнение контрольных стрельб; Тактическая подготовка: Мотострелковый взвод в наступлении; Медицинская подготовка: Оказание само- и взаимопомощи при ранениях и травмах, вынос раненых с поля боя; Строевая подготовка: строевые при-

ёмы с оружием; Общевоинский устав: обязанности лиц суточного наряда; Организация караульной службы: обязанности часового; Радиационная, химическая и биологическая защита: Приемы и способы индивидуальной защиты, ОЗК; Физическая подготовка: Кросс 1 км...

– Влад! Тебе что-нибудь привезти? Заказывай! Я завтра в полк убываю! – из темноты появился Хашимов.

– В по-олк? – изумился Тимофеев.

– Ага! Да ты не завидуй! У меня тут «ЧП»! Мой боец, Челябинзаде нас по дороге сюда чуть не угробил! Да ещё себе череп люком разбил, или кто помог ему раньше?!. Вообще, я уверен, что это случилось гораздо раньше! Но не важно! А тут ещё к нему брат приехал! Прикинь! Сидит себе щас в Ружомберке. Так что тут сам понимаешь, я у комбата отпросился с этим кадром в полк прокатиться. В санчасть, прежде всего, его сдам. Хай, Несветаило с Будилой тут сами разгребаются пока. А сам я через день вернусь. Так что заказывай, чё тебе привезти?..

– Эй, Бедиев, давай, сгоняй за Челябинзаде, мне пора выезжать, – он окликнул проходившего солдата своей роты.

Тимофеев с некоторой долей зависти смотрел вслед удаляющемуся товарищу.

Вот и сгорел ещё один день «настоящего», погрузив в потустороннюю картинку воспоминаний прошлого всё, что ещё мгновение назад являлось самым, что ни на есть настоящим! Сквозь прожжённую дыру палатки уходило тепло от дымящей «буржуйки» в тёмную стужу ноябрьской ночи.

Тимофеев ворочался в спальном мешке, казавшемся ему уютным коконом, отделяющим его от всего этого недружественного полигонного мира вокруг, где он мог быть наедине с самим собой, согретый теплом, словно чадо в чреве матери. В голову пришёл стишок Сергея Михалкова, знакомый с детства: «...Лег, заснул – смотри кино! Ведь покажут все равно. Без экрана, без билета, я смотрю и то, и это... Например, вчера во сне, что показывали мне?... я вокруг Земли вращался – сделал множество витков – и при этом назывался почему-то Терешков. Я крутился, я крутился, а потом я „приземлился“ от кровати в двух шагах и с подушечкой в руках...»

«Посмотрим, что мне в этот раз покажут там, эти загадочные кинооператоры сновидений!» – лейтенант стал медленно падать в бездну сна...

Тимофеев лежал в спальнике. Сквозь прожжённую дыру палатки, в тёмную стужу декабрьской ночи, уходило последнее тепло от давно потухшей «буржуйки»...

Кровная месть

Декабрь 1987 г. Оремовлаз.

Седьмая рота.

Альяр спрыгнул с борта ЗИЛа, холодный полигонный ветер Оремовлаза снова теребил его чуб, выбивающийся из-под шапки.

Опускались ранние зимние сумерки. Альяр втянул жадно запах дыма, смешанный с морозным воздухом, доносящийся из полевой кухни.

– Товарищ старший лейтенант! Как вы вовремя! – вынырнул откуда-то рядовой Ким.

– А то что? – поверх очков посмотрел тот на бойца.

– Здесь такое! Тут наш узбек Каримов помахался тут с местными танкистами-кавказцами, одному пробил башку. Кровищи было! – выпучив глаза из орбит, тараторил боец.

– Ну, молодец! Нехрен лезть на наших! Фигня война, солдат, главное – манёвры!

– Так того в госпиталь увезли. Говорят, что серьёзно голову ему пробил!

– Да-а! Залётник у нас! Ну и где он, наш герой?!

– А бог его знает! Тут такое! – они шли быстрыми шагами в рощу, где были разбиты палатки батальона.

– Сегодня ночью, говорят, нас собираются закатать земляки того бойца, он азербайджанец, вроде... – продолжал Ким, – все кавказцы с окрестностей объединились. Собираются нас громить! Говорят, что типа – «вырежем вас всех до одного этой ночью». Офицеры совещаются. Что делать. Оружие уже всё изъяли. Даже штык ножи. Всех наших кавказцев собирают. Вас очень ждали!

Альяра передёрнуло. Он, как и все здесь, прекрасно понимал, что для растущей национальной розни достаточно только спички, только маленького повода для большой резни.

– Наша Средняя Азия тоже вся кучкуется. Неуправляема. Никто не может их собрать. Разбрелись.

– Ким, а ты у нас сам, вроде, из Ташкента, да? – начал вдруг Хашимов.

– Да!

– А как тебя туда занесло?

– Родился я там. И мой отец родился там! А вот дед мой, он с Дальнего Востока. Их Сталин в тридцатые годы в Узбекистан переселил. Потому что на Дальнем Востоке тогда было в некоторых районах до девяноста процентов корейцев. Вот он и решил разбавить нас...

– Ничего себе! А как так получилось? Как вы в России-то оказались?

– А это ещё с восемнадцатого века! Тогда много корейцев бежало из Кореи в Российскую Империю, несмотря на то, что в Корею, в случае поимки при попытке перейти границу, их казнили! Те, кому это удавалось, получали Российское гражданство, жили, выращивали овощи, длинные корейские огурцы, даже корейские арбузы! Говорят, маленькие такие, как большие яблоки, но сладкие! Никогда их не видел! У нас-то в Ташкенте арбузы – во-о!

– Да! Уж! Ну, значит, ты у нас сейчас почти узбек, да?

– Не-е, я кореец! Я узбекский не знаю толком. Так, учил в школе, как и все, но...

– Ладно, друзей-то среди узбеков имеешь? Земляки твои, никак!

– Ну, да, хотя, так, для них я не очень-то земляк.

– Ладно! А чё там комбат?

– Комбат бесится. Орёт. Вот и меня тут отправили вызывать отсутствующих в строй. А что я могу! Он орёт на нас, а сам тоже ничего не может!

– Язычок прыкусил, солдат! – Альяр бросил из-под очков косою взгляд на Кима.

Они шли на подъём, тяжело дыша. Теперь молча... Да, их пехота, состоящая на более половины из выходцев со Средней Азии, преимущественно, узбеков, была этнической противоположностью личному составу танковых и артиллерийских подразделений, где чаще господствовали выходцы из Кавказа...

– Хашимов! Погулял, товарищ старший лейтенант? Бойцов своих совсем распустил! – комбат встретил его строгой улыбкой, но за внешней строгостью которой, проступали какие-то нотки радости от прибытия в строй столь желанного офицерского пополнения в его лице...

Бессонная ночь

Ночь. Батальон как бы спит... Почти... Узбеки гудят в палатках на родном языке. Доносится: «Шишим!.. Сыктым!..» И тому подобное...

Офицеры не спят. Начеку! Некоторые втихаря вооружились, кто чем, тяжёлым и колюще-режущим. Так, на всякий случай...

– Хашимов, Вы, как азербайджанец, – старший переговорщик. Справитесь? Собирайте всех земляков с батальона. Идите. Договаривайтесь. Чему вас там в вашем училище учили новосибирских оболтусов?! – скорее с психозом отчаяния, от невозможности самостоятельно управлять ситуацией, от вынужденности просить этого старлея, выговорил комбат.

– Чёрт знает что! Ни какой Советской Власти! Распустили! – бухтел начштаба батальона, непонятно в чей адрес посылая эту фразу. Как обычно, в адрес младших офицеров, надо было полагать... Ведь это именно они вечно во всем виноваты.

– Разрешите выполнять? – Хашимов, мрачно насупившись, сделал шаг к выходу.

– Выполняйте!

– Переговоры он с урюками будет вести! – пренебрежительно бросил в след Хашимову командир взвода связи, старший лейтенант Петренко. – Ну-ну!

Хашимов обернулся, кровь прихлынула к его мозгу...

– Хашимов, иди, голубчик! – мягко произнёс ему комбат и зло зыркнул на Петренко. – А вы бы рот без команды не открывали, старлей! А то Вас щас отправлю переговоры вести с этими, как вы сказали, с «урюками». Тогда я на вас посмотрю-ю, как вы с ними общий язык найдёте! Совсем от жизни оторвались в своём взводе связи!

Хашимов и ранее чувствовал обоюдную неприязнь к этому усатому связисту, а теперь он его просто ненавидел лютой ненавистью! Он вышел наружу, стряхнул иней с полы палатки, поплотней запахнул её. Похрустел снегом, вдохнул морозный воздух, выпуская нервный «пар»... В темноте вдалеке были видны солдатские силуэты, фигуры людей, скапливающиеся роем вокруг расположения батальона...

...Светало. До подъёма оставалось не более тридцати минут. Густой холодный туман наполнял полигонное пространство. Бойцы мирно спали в дырявых палатках, с коптящими трубами из-под примотанных к верхам пустых консервных банок для гашения пламени. Вокруг простирался морозный, суровый мирный полигон. Холмы. Кусты. Рощи. Полы офицерской палатки, покрытой инеем, отодвинулись, появилось лицо комбата. Офицеры встали. Он достал сигарету, нервно подкурил от буржуйки. Всё его лицо дёргалось.

– Да, сиди! Молодец, комиссар! Всё тихо обошлось, мирно! – произнёс он в адрес Хашимова.

– Рад стараться, – улыбнулся не по Уставу тот.

– Как вам удалось договориться?

– Да я ведь был не один! Мне и бойцы-кавказцы помогали! Но не стоит обольщаться. Законы гор, товарищ майор. Месть... Никто ведь не сказал, что мести не будет. Не сейчас и не здесь. И то слава аллаху! Но придёт день. И кто-то где-то пострадает. Кровь за кровь. Око за око... Что с них возьмёшь! Да мы так воспитаны!..

Комбат пристально посмотрел. Выбросил окурок.

– Готовьтесь поднимать бойцов. Сегодня будет максимум физической нагрузки! А выспимся, как говорится, в морге! – он поднял полы палатки, вылез наружу...

Проводив комбата, офицеры продолжали.

– Что, мстить будут невинному человеку, всё равно кому?! – Тимофеев поднял красные от бессонной ночи глаза.

– Тебе не понять этот закон гор – закон выживания. Невинных нет. Виноваты все! Так они считают. И никто не может это общественное понимание изменить!

– Как кто-то там из классиков сказал, «не субъективная логика человека, а объективная логика общества диктует личности то или иное поведение». Так? – Тимофеев тяжело зевнул.

– Типа того, Влад, но не так мудрёно, как ты говоришь. И ни я, ни ты не сможем это изменить. Близкие того бойца с пробитой башкой, не найдут себе место в своём обществе, пока их земляки не признают, что мэсть свёршилась. А против кого, это уже никого не интересует!

– Дикость. Они думают, что они уникальны в этом? Что это какая-то их особенность. Предмет гордости?! Но все народы проходили через это. В диких своих ипостасях развития! Просто у нас это уже осталось далеко позади. Ленин был прав. Совершить скачок из одного строя в другой не возможно. Должна пройти эволюция сознания. Сперва – развитой капитализм, а потом – уже и социализм возможен. А вся Азия и Кавказ из феодализма, да сразу!.. Так что вы хотите!.. Быть большой буре... скоро! Чувствую я... Помянёте моё слово!..

– А вообще, я вот что скажу, были бы у нас в армии нормальные сержанты, не имели бы мы этих проблем. Была бы железная дисциплина и офицеры бы, как пастухи, бойцов бы не пасли. Как ещё Жуков говорил: «Армией командую я и сержанты!» А разве у нас это сержанты?

– Эт точно, сержанты должны быть старше, как минимум, а лучше, чтобы они были сверхсрочниками.

(Действительно необходимо изменить подбор и расстановку сержантского состава. Порядок прохождения службы у них должен существенно отличаться от солдатского. А теперь представим примерно такую схему: пришли молодые люди в военкомат. А там, лучшим из них, в понятном смысле, предложили вернуться пока домой и прийти попозже для прохождения службы в качестве сержанта. При условии, что сержант будет иметь гораздо большую оплату, нежели рядовой, определённые сержантские привилегии и «путёвку в будущее», сомневаюсь, что будут отсутствовать желающие. Ведь здесь будут не только материальные выгоды, но и моральный престиж. Пройдя учебную часть, такой сержант будет по-настоящему работать. А что для такого сержанта будет означать разжалование! Вы можете себе представить?! Ни один не сорвёт с себя лычки, слишком много он, в этом случае, теряет и не только в материальном смысле.)

Полковые сплетни

Декабрь 1987 Ружомберок.

Расположение полка.

Наконец, полк вернулся с учений. В парке боевых машин царила суеда. Сгрудились коробки БТРов, постепенно паркуясь рядами под жёлтыми табличками, висящими на натянутом тросе. Чумазные офицеры – старшие машин качались в люках, дёргающихся туда-сюда БТРов...

(На некоторых, поверх шлемофонов, были надеты яркие горнолыжные очки, защищающие глаза. Машина же командира батальона имела щит из оргстекла с гвардейской эмблемой впереди люка, за который он мог прятаться от бьющего на марше ветра с песком, снегом или дождём. Лица офицеров были обветрены, исчерчены воспалёнными багровыми морщинами. Белки глаз и зубы блестели по-особому ярко на расписанных грязью лицах.)

– Привет, Сашка, – Хашимов стянул шлемофон, из-под которого выбился чёрный пыльный жёсткий чуб.

Майер, оставшийся в полку для несения караульной службы, в гляцевых смятых хромачах, выгодно отличался своей завидной чистотой. Его лицо не выражало радости от встречи с родным подразделением...

– Принимайте роту, товарищ Майер, – появилось худое красное лицо капитана Несветайло, – ведите в расположение...

(После учений была масса дел: кроме парковки и сдачи техники, чистка оружия и сдача его в оружейку, разгрузка имущества, чистка и мойка грязных тел и обмундирования под кранами с холодной водой в расположении роты. Холодно, зато прямо сейчас, ибо баня должна быть, хоть и в ближайший день, но не сей час и по отдельному графику. Раскисшие и потевшие под слоями грязи блеск сапоги, медленно принимали божеский вид, всё же оставляя местами следы глины под толстым слоем иссиня-чёрной ваксы, которой «забитыми» ваксой щётками с усердной небрежностью начищали солдаты на лестничной клетке. Офицеры, также пострадавшие за время учений, мечтали хоть на миг отвлечься от личного состава, помыть свои грязные тела, растянуться на чистых простынях. Женатые мечтали о жёнах, натосковавших в одиночестве. А холостяки – о возможности податься на местное чехословацкое запретное пиво. Правда, для некоторых, находящихся в тёплом расположении, возвращение полка означало окончание, своего рода, «отпуска»...)

– Отпуск закончился? Мужья вернулись на базу? – Хашимов как-то странно взглянул на Майера.

– Ты о чём? – встрепенулся тот.

Альяр не ответил. Лишь продолжал с язвительной улыбочкой гипнотизировать товарища, наслаждаясь наблюдением за беспокойством последнего...

Приближалось к полуночи. Хашимов, изрядно загрузив «баки» местным обалденным пивом, ступил на крыльцо общаги. Остановился. Закурил. Поднял глаза на хмурое вечернее декабрьское небо, окутанное туманом, словно роящимся вокруг жёлтых фонарных столбов. ДОСы напротив гасили свет в своих окнах...

– Слышал, говорят, тут к жене Басманова ходил какой-то кент, пока полк на учениях был, прикинь! Ты не знаешь, кто? – на крыльце появился Кузнецов.

– А в пяточок этот «кто-то» не хочет?

– Ну, если ты готов начистить пяточок жене командира артдивизиона!?. – тот развёл руки и добавил. – У неё такие титьки, а никто не зарится. Вот, может, и завидует, а ты начисть ей лучше их! Очевидно, что баба страсть какая заводная! Заодно и жёнке рога в ответ наставишь! Не всё самому-то рожки носить!

– Я щас тебе нос начищу и мозги на место вставлю! Сплетни будешь всякие собирать.

– А ты попробуй, чмо!

Альяр промолчал, зло усмехнувшись.

На следующий день сплетни уже неминуемо гуляли вовсю среди неработающих офицерских жён-соседок, которые усиленно от безделья их распространяли, наполняя своё унылое существование хоть каким-то разнообразием.

Афганская тень

8 декабря – Горбачев и Рейган подписали Договор о ликвидации ядерных ракет средней дальности.

10 декабря – вышел первый номер независимого журнала «Референдум», издаваемого правозащитником Львом Тимофеевым, недавно освобождённым, по распоряжению Горбачёва, из заключения, где отбывал срок за «антисоветскую пропаганду»...

*А в Афганистане в эти дни 40-й армией была проведена последняя крупная военная операция «ограниченного контингента» под кодовым названием «Магистраль» с целью прорыва блокады округа Хост и срыва планов контрреволюции по отторжению его территории от Афганистана⁵⁶.
Декабрь 1987 Ружомберок.*

Ротная канцелярия.

Тимофеев сидел в канцелярии, задумчиво возившись с очередным планом-конспектом. Раздался осторожный стук.

– Товарыш лэтенант, разрышыте? – на пороге стоял Загиров.

– Что, у вас, товарищ Загиров?

– Вот! – солдат уверенно вытянул лист бумаги.

– Что это?

– Рапорт.

– Та-а-ак. О чём рапорт-то?

– В Афганистан хочу!

– Да ты чё, Загиров? Хочешь, чтобы я вот с этим ходатайствовал в штабе? Да меня там за идиота примут! Забирай рапорт и кру-у-гом!..

– Таварыш лэтенант, я это так нэ оставлю! Я тагда сам в штаб пойду!

– Я те пойду! Ладно, давай свой рапорт, посмотрим, – нахмурился Тимофеев и подумал про себя: «Я бы свой рапорт, на который до сих пор нет никакой реакции, продвинул бы, если б мог, а не твой, а тут ещё с этой солдатской дурью возиться...»

Он положил солдатский рапорт в стол, как только боец вышел.

Не успел он снова погрузиться в конспект, как раздался опять стук в дверь.

– Разрешите, товарищ лейтенант? – в приоткрывшуюся дверь просунулся нос бойца.

– Заходи, Харин, что у тебя?

– Вот! Рапорт, – мялся солдат.

– Что, в Афган? – Тимофеев вытянул руку.

– Ага! – Харин протянул свой рапорт.

– И ты туда же!? Знаешь, Харин, забирай назад свой рапорт и кру-у-гом!..

– Ну товарищ лейтенант, вы же у Загирова приняли, а почему у меня не берёте? – буквально надулся Харин.

– Потому что! А-а-а! Ла-а-дно! Давай сюда! – лейтенант взял рапорт и тут же сунул в стол. – Всё Харин, я твой рапорт принял, так что кру-у-гом!

Не прошло и пятнадцать минут, как на пороге комнаты появился Урсулов с бумагой в руках...

Вскоре стол лейтенанта был полон солдатских рапортов.

⁵⁶ (Но, к сожалению, эту победу у офицеров и бойцов практически украли – в информации, которую распространили СМИ, эта операция и подвиг десантников были названы кровавой бойней...)

Прошёл день, неделя, другая. Солдаты время от времени нетерпеливо теребили офицера.
– Товарищ лейтенант, ну что, как с нашими рапортами? Когда уже нас в Афган направят-то?

– Ждите себе спокойно, а пока служите! Всё, не доставайте меня! – сердился офицер.

– Комиссар! Иди, разговор имеется! – это был замполит батальона майор Виноградов. Он прошёл афган, имел награды. Особенным уважением пользовалась его красная нашивка на правой стороне кителя, означающая тяжёлое ранение, о котором напоминало и его лёгкое прихрамывание.

– Садись здесь, – он кивнул на ступеньки, задумчиво посмотрел вдаль. Потом повернулся к летёхе, – ты зачем, Тимофеев, рапорт-то в Афган написал?

– Я хочу исполнить свой интернациональный долг! – Тимофеев выглядел решительно.

Майор усмехнулся в усы:

– Вот что, комиссар, ты хоть понимаешь, что это такое?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.